Марьяна СКУРАТОВСКАЯ
Нина СОРОТОКИНА
Елена ПРОКОФЬЕВА

ОКНО В ИСТОРИЮ

Принцессы Романовы: царские племянницы

От автора сценария многосерийного фильма «Гардемарины, вперёд!»

BHV

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга повествует о судьбах 13 племянниц русских царей в период с начала XVIII века до середины XX-го. На протяжении двух столетий брак с племянницей русского царя означал для принца и герцога из маленькой европейской страны возможность породниться с одной из могущественнейших и богатейших держав, получить за невестой роскошное приданое, с помощью которого можно было подправить как семейный, так и государственный бюджет. Судьбы одних «юных жертв высокого происхождения» складывались предсказуемо печально, но есть истории, похожие на захватывающий роман, и – просто счастливые.

Для широкого круга читателей

- М. В. Скуратовская, Н. М. Соротокина, Е. В. Прокофьева
  - ○
  - ○
  - ○ Вступление
  - ○ Глава 1. Из гнезда Петрова
    - ■
    - ■ Великая княжна Анна Иоанновна
    - ■ Великая княжна Екатерина Иоанновна
    - ■ Великая княжна Прасковья Иоанновна
  - ○ Глава 2. В тени красавиц: великие княжны Мария, Елизавета и Екатерина Михайловны
  - ○ Глава 3. Принцессы второй половины XIX века
    - ■
    - ■ Великая княжна Ольга Константиновна, королева эллинов
    - ■ Великая княжна Вера Константиновна, герцогиня Вюртембергская
    - ■ Великая княжна Анастасия Михайловна, герцогиня Мекленбург-Шверинская
  - ○ Глава 4. После России: принцессы-изгнанницы Елена Владимировна, Мария Павловна, Мария и Кира Кирилловны
    - ■
    - ■ Великая княжна Елена Владимировна
    - ■ Великая княжна Мария Павловна
    - ■ Княжны императорской крови Мария и Кира Кирилловны

М. В. Скуратовская, Н. М. Соротокина, Е. В. Прокофьева Принцессы Романовы: царские племянницы

© Скуратовская М. В., Соротокина Н. М., Прокофьева Е. В., 2016
© Оформление, издательство «БХВ-Петербург», 2016

Авторы выражают огромную признательность

Дарье Корольковой – без ее помощи и поддержки эта книга могла бы и не состояться,

а также благодарят Наталью Харсу и Софью Пономареву за содействие в сборе иллюстративного материала.

Вступление

Имена царских дочерей знают многие, особенно из числа людей, интересующихся историей России. Имена племянниц остаются в памяти гораздо реже – при том, что эти девушки точно так же выступали ценнейшим товаром на политических торгах. Чуть менее дорогим, чем дочери, но все же! Заполучить в жены племянницу российского императора – означало породниться с одной из могущественнейших и богатейших держав, получить за невестой роскошное приданое, с помощью которого можно было подправить как семейный, так и государственный бюджет, к тому же почти все русские царевны и великие княжны были недурны собой, и уж по крайней мере красивее и здоровее европейских принцесс, зачастую обязанных близкородственным бракам как внешними, так и физическими изъянами. И конечно, никто не думал об их чувствах, так же как и о чувствах царских дочерей… Но вряд ли общность судеб тех и других могла служить утешением для царских племянниц, юных девушек, лишенных права на любовь. Безупречное исполнение долга должно было стать смыслом их жизни. Счастливы были те, кто находил утешение в этом служении. Иным удавалось отогреть сердце возле колыбели. И лишь единицы решались нарушить закон и любить по собственному выбору.

Судьбы племянниц российских императоров интересны еще и потому, что именно на царских племянницах впервые «поставили эксперимент» по выдаче русских царевен замуж за иноземных принцев: первой, в 1710 году, была выдана Анна Иоанновна за Фридриха Вильгельма Курляндского, затем, в 1716 году, Екатерина Иоанновна – за Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского, и лишь в 1724 году Петр Великий выдал свою дочь Анну за Карла Фридриха Голштейн-Готторпского. Племянницы были – первыми.

И они же явились последними… Последними выжившими Романовыми. Четыре дочери царя Николая II погибли вместе с родителями в подвале Ипатьевского дома в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, но многие племянницы уцелели, уехали, и началась их иная жизнь: жизнь вне России.

Мы позволили себе включить в наше повествование рассказ о судьбе дочерей Кирилла Владимировича, самопровозглашенного Императора Всероссийского, ибо эти княжны также были рождены под сенью двуглавого орла, но о жизненном пути Марии и Киры современному читателю известно крайне мало. А ведь их биографии заслуживают самого пристального внимания.

Уникальны, ни с чем не сравнимы, похожи на захватывающий роман судьбы принцесс-изгнанниц Марии Павловны, Елены Владимировны. О них наша книга.

Глава 1. Из гнезда Петрова

Их было пять – русских принцесс, юных девушек, с помощью которых великий царь Петр I «ничтоже сумняшеся» решал свои политические дела, выдавая их замуж за европейских принцев. Правда, выдал только четверых, пятую не успел… Пятая взошла на трон под именем императрицы Елизаветы I. Впрочем, императрицей стала и ее двоюродная сестра Анна Иоанновна – выданная замуж на редкость неудачно.

Судьба причудливо тасует свои карты! По русской традиции дочерей царя Ивана называют Ивановнами, а по придворному, церковно-торжественному – Иоанновнами, дочерей царя Петра Великого – Петровнами. У Ивана дочерей трое: Екатерина Иоанновна – будущая герцогиня Мекленбургская; Анна Иоанновна – будущая герцогиня Курляндская, а затем императрица Российская, а еще есть Прасковья Иоанновна, судьба которой всегда оставалась в тени судеб ее сестер. И у Петра – двое: Елизавета Петровна, будущая императрица, и Анна Петровна, которая проживет короткую и трагическую жизнь, станет объектом множества интриг, выйдет замуж за герцога Карла-Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского и родит будущего царя с не менее трагической судьбой…

Первыми оставили родину Ивановны.

* * *

Начнем издали, то есть с азбучной информации. Некоторые читатели и без меня все помнят, другие знали, но забыли. Словом, не мешает поновить школьные знания.

Царь Федор Алексеевич скончался в 1682 году двадцати лет отроду бездетным. После его смерти осталось два брата, два претендента на престол: шестнадцатилетний Иван (сын царя Алексея от Милославской) и десятилетний Петр (от Натальи Нарышкиной). Неизбежно образовались две партии, два противоборствующих клана: Милославских (во главе с царевной Софьей) и Нарышкиных.

По старшинству трон принадлежал Ивану, но тот был слаб здоровьем, косноязычен, страдал цингой и главное – «скорбен головой», как говорили в то время.

Партия Нарышкиных предложила патриарху Иоакиму обратиться к народу с Красного крыльца в Кремле: кому быть царем – Петру или Ивану?

Народ прокричал Петра.

Но Милославские не желали сдаваться. В Москве вспыхнул страшный Стрелецкий бунт, в результате которого на трон посадили обоих малолетних братьев при регентстве (до того как отроки «войдут в срок») великой княжны Софьи Алексеевны.

Заняв трон, Софья решила немедленно женить расслабленного и немощного духом Ивана. Пишут, что этот умный совет дал правительнице ее фаворит Василий Голицын. Он размышлял так: «Царя Иоанна женить, и когда он сына получит, кой натурально имеет быть наследником отца своего, то нетрудно сделаться может, что Петр принужден будет принять чин монашеский, а она, Софья, опять за малолетством Иоаннова, пребудет в том же достоинстве, которое она желает».

Иван и не думал о женитьбе, но с правительницей не поспоришь. Собрали ярмарку невест. По обычаю того времени свезли к Кремлю боярышень из самых лучших семей. Легенда гласит, что Иван сам выбрал невесту. Поднял руками свои отечные непослушные веки и углядел статную, круглолицую, с ямочками на щеках красавицу – Прасковью Федоровну Салтыкову. Ей он и отдал платок со свадебный перстень. Свадьба состоялась в 1684 году. Невесте было двадцать, жених был на два года моложе.

Венчал сам патриарх Иоаким с ключарем и тремя диаконами. Он же читал напутствие молодым: «У мужа быть в послушании, друг за друга не гневайтесь, покорно выноси гнев супруга. Если он за какую-нибудь вину поучит тебя слегка жезлом, так он глава в доме…» – и так далее, и тому подобное. Салтыковы принадлежали к знатнейшей и древнейшей фамилии государства, их предки играли важные роли в делах военных и гражданских, занимая высокие посты. Теперь одна из Салтыковых вышла в царицы. Родня Прасковьи Федоровны ликовала.

После свадьбы молодые поселились в Кремле, в теремах, выстроенных уже при царевне Софье. По обычаю царь и царица занимали разные покои. «…А когда случится быти опочивать им вместе, и в то время царь посылает по царицу, велит быть к себе спать или сам к ней похочет быть. А которую ночь опочивают вместе, и на утро ходят в мыльню порознь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в нечистоту и грех», – так свидетельствует Г. К. Котошихин, описывая русские нравы и обычаи XVII века.

Какова главная задача царицы? Родить наследника. Но год шел за годом, а детей не было. И все-таки свершилось! Как ни скудно было здоровье царя Ивана, Прасковья в конце 1688 года «очреватила».

Нарышкины всполошились: они тоже хотели иметь наследника. Наталья Кирилловна решила женить сына Петра и сама выбрала ему невесту. В январе 1689 года семнадцатилетнего Петра обвенчали с Авдотьей Федоровной Лопухиной.

В марте того же года Прасковья Федоровна родила девочку. У Нарышкиных отлегло – не мальчик! Девочку окрестили в Чудовом монастыре и нарекли Марией. Потом уже царица рожала с завидной регулярностью. Пять детей – и все дочери: Мария, Феодосия, Екатерина, Анна и Прасковья. Углядели в этом списке нашу героиню – будущую герцогиню Мекленбургскую? Да, она третья в списке.

Первые две дочери были «неживучи». Мария прожила десять месяцев и умерла в феврале 1690 года. Здесь уже и новая дочка подоспела. Федосья родилась в июне этого же года, но прожила одиннадцать месяцев и умерла. Три последующие девочки избежали участи сестер. Княжна Екатерина Ивановна родилась 29 октября 1692 года. Батюшка царицы – боярин Федор Петрович Салтыков – сам поехал сообщить патриарху радостную весть. Дальше литургия, подарки, приехал из Преображенского Петр, и оба государя пели многолетие и знаменовались.

У Петра же родился сын, Алексей.

* * *

Княжна Анна Ивановна родилась 28 января 1693 года, княжна Прасковья родилась в следующем году 24 сентября. Люди во все времена были злоязычны, а уж при дворе, при неусыпном любопытстве к подробностям личной жизни членов царской семьи, приближенные часто выдавали желаемое за действительное. Так, возникла устойчивая сплетня, что-де первых девочек, умерших малютками, царица родила от законного супруга, а последних троих, крепеньких и ладных, от своего стольника, друга и советчика Василия Юшкова. Проверить эту «догадку» невозможно. Как говорится, и тогда свечку никто не держал, так что нам, потомкам, вроде не пристало обличать сей вымысел в слова. Но наше время охоче до тайн, до прижатого к замочной скважине глазу. Современная литература обожает рыться в чужом грязном белье, чесать зубы и перемывать косточки. В угоду современному вкусу мы и вспомнили старую сплетню. Куда же без нее…

Чтобы объяснить характер и привычки дочерей, необходимо рассказать о повседневной жизни их родителей. В 1689 году Петр отрешил Софью от дел и занял трон. Формально брат Иван

продолжал быть его соправителем, но, понятное дело, никакого участия в государственных делах не принимал. Задачей его было только носить царское облачение и в нужные дни являться перед глазами послов или народа на церковных праздниках. Тем не менее, во всех государственных бумагах упоминалось его имя с полным титулом. Петр вполне тепло и сочувственно относился к старшему брату.

Царица Прасковья жила своим двором. Все в нем подчинялось определенному ритуалу. При ней состоял огромный штат – чин. Мужской чин занимался ведением хозяйства дворца: стольники, клюшники, подъячии, стряпчие, также дворцовые служители: конюхи, истопники и так далее – многие сотни людей. Женский чин, еще более обширный, занимался бельем и одеждой. Слобода посылала полотна, скатерти, утиральники, сорочки, все это надо было учесть, пересчитать, а после стирки внимательно проверить, нет ли «плохих дыр» или непонятных отметок – боялись сглазу. В подчинении царицы находились и обширные мастерские, где шили и вышивали. Вышивки были простые, обиходные, и драгоценные для церквей и монастырей.

Конечно, много времени отдавалось детям, но главной заботой царицы была молитва и отношения с церковью. Прасковья Федоровна дружила с монахами, переписывалась со многими монастырями. Все ждали от царицы благодеяний и милостыни. Не счесть было богомолий, и каждая поездка кончалась щедрыми пожертвованиями. Царская семья также платила огромные деньги на поминание покойных родственников, при этом кормление духовных лиц тоже входило в их прямые обязанности.

Кроме того, надо было помогать челобитчикам, еще сирым, убогим и юродивым. Приведем большую цитату из работы М. Семевского – лучше, чем он, все равно не расскажешь. Вот как он характеризует быт царицы Прасковьи: «Во дворце жило много девочек сирот, которые принимались по просьбе верховных боярынь или по желанию самой царицы. К концу XVII века и на женской половине дворца появились свои верховные богомолицы: вдовы, старухи и девицы. Они жили в подклетях у царицы Прасковьи Федоровны и у царевен подле их хором, и, по-видимому, исполняли должности сказочниц. Между ними были юродивые, помешанные и калеки всякого рода: немые, слепые, безрукие, безногие. Верховные богомолицы ходили в смирных (темных) платьях, как бы в противоположность пестрой одежде шутов и шутих. Карлам и карлицам, разряженным в платье ярких цветов, в красных, желтых самолгах и ермолках».

Веселая была жизнь, ничего не скажешь. Еще во дворце было

много птиц, имелся даже кое-какой зверинец, и место для игр и качелей было учтено, и забавы на масленицу устраивались полноценные.

Конечно, царица принимала участие в дворцовых праздниках, но за торжественным приемом послов она наблюдала из-за решетки. В Грановитой палате давно уже был устроен специальный тайник с окном. Сиди на лавочке, наблюдай, но чтоб тебя саму не видели. И театр уже был, но царственных женщин тоже прятали от людских глаз. Якоб Рейтенфельс, курляндский дворянин, живший в Москве в 1670–1673 годах, пишет: «Во время представления царь сидел перед сценою на скамейке, а для цариц с детьми было устроено род ложи, из которой они смотрели из-за решетки, или правильнее сказать, сквозь щели досок». Правда, за двадцать лет после отъезда курляндца многое в Москве могло измениться. Сквозняк из Европы в Московию через прорубленное окно еще до Петра Великого устроил его батюшка, царь Алексей Михайлович. Петр прорубил ворота – как на земле, так и на суше.

Отношение Петра к царице Прасковье мы уверенно можем назвать хорошим. Когда у Чудовом монастыре крестили Марию (первую дочь), умная мать позвала в восприемники восемнадцатилетнего Петра и тетку его Татьяну Михайловну. Прасковья Федоровна была уверена, что звезда правительницы Софьи закатилась и больше не взойдет.

Но дни царя Ивана были сочтены. 1696 год… Праздновали водосвятие. Из Успенского собора после службы царь пошел на Москва-реку, на Иордань. День был на удивление теплый. Шел дождь, и даже молния сверкнула к ужасу окружающих. Это в январе-то! Иван Алексеевич и одежду промочил, и ноги, после чего занемог простудою. Но при этом не оставил свои «служебные» обязанности. 21 января панихида по царице Наталье Кирилловне (матушке Петра) – Иван там был, 26-го – именины его сестры Марии – присутствовал и в церкви, а на пиру, а 29-го внезапно умер. Было ему от роду тридцать лет.

Хоронили Ивана Алексеевича очень торжественно. Тело покойного установили в Архангельском соборе. По обычаю установили «торжественный караул». Десять знатных людей, меняясь каждый день, стояло у гроба. Это продолжалось шесть недель. Потом похоронили рядом с братом – царем Федором. Прасковья Федоровна оплакала супруга, но на этом ее беды не кончились. Через месяц умер отец ее – знатный боярин Федор Салтыков.

* * *

История перевернула страницу. У овдовевшей царицы и трех ее дочерей началась новая жизнь – из кремлевского дворца они переехали в село Измайлово. Царица сама выбрала это местожительство, и царь Петр пошел ей навстречу.

Наш текст в утрированном виде повторяет злоключения героя в нашем любимом романе Лоренса Стерна «Жизнь и мнение Тристрама Шенди». Герой романа надумал написать что-то вроде автобиографии, но повествование идет во всю, а сам он никак не может родиться. Жизнь вокруг бурлит, стремительно поспешая вперед, а для самого Тристрама все еще не нашлось место. В нашем эссе княжны Екатерина, Анна и Прасковья, слава Богу, родились, но рассказ идет все время не о них. Но поймите нас правильно. Что о них, крошках, писать? Когда умер отец, старшей, Екатерине, было четыре года. О том, как общался царь Иван со своими дочерьми, мы ничего не знаем. Любил их, наверное. Он был болен, немощен, не мог править страной, но человеком был добрым. И что здесь еще скажешь? Поэтому, прежде чем перейти к жизни царевен, к их учению и воспитанию, расскажем прежде об их местожительстве – славном селе Измайлове.

Это ведь только название – село Измайловское, село Коломенское. Но села эти были любимыми резиденциями царя Алексея. Каков был «Измайловский дворец на острову» – мы можем судить по старинным гравюрам, а также по оставшимся хозяйственным документам.

Тридцать семь вырытых прудов, речка Серебрянка, через которую построен четырнадцатипролетный каменный мост, построенный раньше, чем мост через Москва-реку у Боровицких ворот… А вокруг красота: сады, леса и пашни.

Дворец, построенный при царе Алексее, был деревянный, удобный, «необширный», хотя царь, царица и все детки их имели отдельные хоромы. Все помещения, подклети и верхние «жития» соединялись меж собой лестницами и переходами. Дворец был искусно изукрашен, крыльца имели шатровые верхи, «крытые тесом скалою по чешуйчатому обиванию». Одна каменная церковь примыкала к дворцу, другая о пяти главах во имя Покрова Пресвятой Богородицы была крыта гонтом и обнесена каменной оградой. Дворец перестраивался при царе Федоре – около царских хором появились четыре каменные башни.

Внутреннее убранство дворца было скромным. Стены обтянуты красным сукном, полы мощены дубовым кирпичом, вместо стекол в окнах использовалась слюда. Мебель самая простая – столы, лавки и стулья. Зато хороши и ярко расписаны были печи, да еще иконы в красных углах пленяли взор.

Дворцовый чин в Измайлове был более скромным, чем в Кремле, но тоже весьма обширным. Два главных лица вели хозяйство. Роль дворецкого исполнял брат царицы Василий Федорович Салтыков. Он был приставлен к ней еще в 1690 году. Вторым человеком был Василий Алексеевич Юшков, «определенный к комнате Прасковьи Федоровны и детям ее» в 1701 году по именному указу царя Петра. Юшков исполнял обязанности дьяка, то есть вел все делопроизводство, и был также личным секретарем царицы. В должность свою Юшков вступил вполне богатым человеком, что не мешало Прасковье Федоровне благодетельствовать его деньгами и подарками.

Насколько можно судить по документам, царице Прасковье с дочками в собственность был отдан только дворец, но никак ни сама богатейшая усадьба. А Измайловская усадьба заслуживает отдельных слов. Воистину это было чудо хозяйственной мысли того времени. Историк Забелин называл это хозяйство «земледельческой академией на современный новый европейский лад». Слова эти вполне правомочны: среди хозяйственных построек можно перечислить каменные риги, житный двор, льняной двор с амбарами, скотный двор, конюшенный и сенной дворы, винный завод, пивоварня, медоварня, маслобойня, стекольный завод и прочие. Реки и ручьи были перегорожены плотинами, мельницы исправно мололи зерно.

Историк XIX века М. И. Семевский пишет: «Даже сделаны были попытки производить некоторые работы с помощью машин. В 1666 году велено, например, сделать три образца: 1) „как молотить колесами и гирями без воды“, 2) „как воду привезть из пруда к виноградному саду“, 3) „как воду выливать из риг гирями и колесы“. На стекольном заводе работали венецианские мастера. Из-за границы были также выписаны садовники. В Измайловском произрастали (невозможно поверить!) финики, миндаль, кизил, персики, шелковица и арбузы. На огородах, кроме овощей, выращивали „врачебные травы“ для Аптекарского приказа. На скотных дворах производили племенной скот.»

Петр любил Измайловское. Когда-то на один из его прудов был спущен его знаменитый ботик. По Измайловской усадьбе водили иностранцев. Обычная русская привычка – вот, мол, полюбуйтесь: не хуже, чем у вас, а может быть, и лучше. И мы умеем хорошо работать! Иностранцы в меру восхищались, но потом попадали во дворец. Убогих, калек и странников, которыми кишел дом, заблаговременно прятали от чужих глаз, но всех не упрячешь. Вид русского юродства очень пугал гостей, а потому в своих записках о посещении Московии они обязательно делали акцент на странном соседстве у русских роскоши и нищенства.

Все путалось в немецких и фряжеских головах. Им уже казалось, что и царица забывает умываться и живет на первобытный манер.

Царица Прасковья была очень богатой женщиной. Она имела свои вотчины в Новгородском, Псковском и Копорском уездах и получала с них постоянный доход. И, конечно, имела «царский оклад» – денежное содержание, которое регулярно получала из приказа Большого дворца.

К слову скажем, что ее личное хозяйство велось очень бестолково. Слишком много челяди было во дворце, получаемые из вотчин деньги проходили через разные руки, и часто царицу обкрадывали самым бессовестным образом.

Но всего этого Прасковья Федоровна словно бы и не хотела замечать. Она жила себе в свое удовольствие, ездила на богомолье, часто посещала Кукуй, то бишь Немецкую слободу, принимала гостей, широко справляла праздники и дни рождения.

В этом мире и подрастали маленькие царевны. Конечно, они видели трудовую жизнь усадьбы, в сопровождении мамок и нянек гуляли в саду, вызывали колокольчиком карпов и щук и кормили их с рук. Да, бытовала такая легенда в Измайловском: живут-де в тех прудах щуки с золотыми сережками. Игрушки царевен были великолепны, самые затейливые выписывались из-за границы.

Недалеко от дворца находился зверинец. Это была обнесенная забором роща, где на воле жили лоси, олени, кабаны и самые разнообразные пушные звери. Рядом находился птичий двор, где вместе с привычными птицами жили экзотические павлины. Может, именно этот двор сделал впоследствии царицу Анну Иоанновну заядлой охотницей. Она великолепно стреляла, особенно любила бить птицу влёт.

* * *

Три девочки: Катенька, Анна и Прасковья. Старшая Катюшка – белокожая, сдобная, озорная. Анна – нелюдимка, неизвестно в кого смугла, молчунья, взгляд настороженный, словно не доверяет всем. Мать ее недолюбливала, и она знала об этом. Младшенькая Прасковья вечно болеет, то и дело надо звать лекаря и лечить то простуду, то золотуху. А свет-Катюшка знай себе скачет и песни поет. За ее веселый и незлобивый нрав царица ее очень выделяла и сохранила эту нежную привязанность на всю жизнь.

Старшенькой шесть лет, пора учить ее грамоте. Прасковья Федоровна хотела видеть своих дочерей образованными, а потому загодя, Катюшке еще годик был, заказала иеромонаху Кариону

Истомину «Букварь славенороссийских письмен со образованиями вещей и со нравоучительными стихами». Отец Карион знал толк в таких вещах. Он уже составлял учебники для царевича Алексея Петровича. Букварь был роскошен, весь расписан золотом и красками. Первой учительницей великой княжны была женщина – «дворцовая мастерица». Букварь читали до тех пор, пока не выучивали наизусть. Овладела Катюшка грамотой – тут подошла очередь и Анну учить, букварь она уже читала.

Потом в нежные пальчики вложили хорошо отточенное перо, и царевны принялись марать бумагу, осваивая азы правописания. Но этого мало, писать надо было уметь красиво. Наука каллиграфия была тогда в большом почете. Для улучшения почерка девочкам приходилось копировать прописи с краткими двустишиями нравственного и религиозного содержания. Не забывали и читать. Теперь это были куда более сложные, чем букварь, книги. Самым важным чтением была, конечно, Библия – Новый завет, читали и светскую литературу. Насколько девочки любили это занятие, мы не знаем.

Когда дочери достаточно подросли, во дворец был приглашен учитель-гувернер. Это был немец Иоганн-Христофор-Дитрих Остерман. Он должен был учить царевен языку, а также основам истории и географии.

Сейчас уже не разберешь, чему и как выучил Иоганн своих воспитанниц. Главным достоинством учителя являлось то, что он был старшим братом знаменитого впоследствии политического деятеля и кабинет-министра Андрея Ивановича Остермана. Вот анекдот, или просто забавная история того времени: педагог Иоганн представил своего младшего брата царице Прасковье. «Как тебя зовут?» – спросила она. – «Генрих, – ответил младший Остерман, – сын Ивана». – «Итак, – сказала Прасковья Федоровна, – по-нашему ты должен называться Андреем Ивановичем».

Младший Остерман был великолепным политиком. Умный, ловкий и дальновидный, он пережил четырех правителей и только с восшествием на престол Елизаветы потерял власть и попал в ссылку. Учитель Иоганн не сделал никакой карьеры. Приведем по этому поводу замечание современника: «Старший Остерман был величайший глупец, что не мешало ему, однако, считать себя человеком с большими способностями, вследствие чего он всегда говорил загадками». Однако царевны впоследствии бодро болтали по-немецки. И на том спасибо.

Теперь был нужен француз, и таковой нашелся в 1703 году – Стефан Рамбурх. Помимо французского языка он должен был преподавать царевнам «танцевальное искусство и поступь

немецких учтивств». Бедный француз очень старался. Беда только, что, судя по его «просительным письмам», он не был силен в родном языке и грамматике. А что касается «учтивств», да еще немецких, откуда он вообще мог их знать?

Преподавал он в доме Прасковьи Федоровны пять лет. Его взяли учительствовать, пообещав платить 300 рублей в год. Поручителем выступил Иоганн Остерман. В итоге бедному Рамбурху почему-то так и не заплатили ни копейки. Случилось так, что письма его сохранились и попали в руки к историкам: он бил челом и в приказы, и царице Прасковье Федоровне, и дочерям ее, когда те уже подросли и даже успели выйти замуж. Безрезультатно. И только когда царица Прасковья Федоровна испустила дух, то есть пятнадцать лет спустя, учитель Рамбурх получил обещанные деньги. Царь Петр рассчитался сполна, заплатил 1500 рублей, чтобы француз мог вернуться в отечество.

Но осчастливленный Рамбурх не успокоился. Он принялся писать новые челобитные, требуя на этот раз чина. Ведь он обучал их высочества «зачалу и основанию французского языка»! А теперь он вернется на родину, у него два сына, без чина ему трудно будет обучить их всем наукам, чтобы они «с своим возвращением в Россию возмогли бы достойно явиться в службу и с пользой могли бы быть употреблены».

А сам-то он, учитель Рамбурх, был «употреблен с пользой»? Ни одна из царевен не умела писать по-французски, разговаривали они на этом языке с трудом и неохотно, а танцевала всласть одна Катюшка. Анна имела поступь тяжелую и вообще была нелюбезного нрава, Прасковья по слабости больше сидела в креслах, а свет-Катюшка была в центре внимания. Не обучай ее Рамбурх немецкой учтивости и танцеванию, она бы и без него порхала по паркету. Веселая, ловкая, и ранняя полнота ей не мешала.

Мы можем описать и первый бал, на который попала Екатерина. Ей четырнадцать. Впрочем, на свадьбу в Немецкой слободе взяли и Анну и Прасковью, хоть последней было всего десять лет. Женили одного из приближенных царя Петра. Празднество происходило в доме Лефорта – великолепном дворце в итальянском вкусе с богатыми, по-европейски украшенными покоями, огромной залой, сонмом огней и несмолкаемой музыкой. Свадьба праздновалась два дня. В первый день, соблюдая видимость обычая, мужчины и женщины веселились отдельно, но во второй, по новым правилам, дамы обрядились в немецкое платье. Был роскошный стол, винопитие и танцы. Конечно, царевна Катюшка блеснула на этом балу. Про строгую и сдержанную царевну Анну и болезненную Прасковью мы ничего

не знаем.

Но веселая измайловская жизнь подходила к концу.

* * *

Однажды царь Петр пригласил Прасковью Федоровну с дочками на жительство в свою новую северную столицу. Оговоримся сразу: о том, что поселение на болотах и топях есть будущая столица, еще известно не было. Петру нужен был выход к морю. Он отвоевал у шведов исконно русские земли в устье Невы и, желая закрепиться здесь навечно, заложил на острове Янисаари, по-русски Заячьем, крепость. Легенда повествует, что 16 мая 1703 года царь собственноручно вспорол дерн штыком, уложил куски земли крестообразно и произнес: «Здесь будет город!» В вырытую канаву Петр опустил ларец с мощами св. апостола Андрея, засыпал ее, а сверху холма положил камень. Камень этот был окроплен святой водой и получил благословение.

Построенное за пять лет поселение никак нельзя было назвать городом. Никто не мог предсказать и судьбу его. Еще не состоялась Полтавская баталия, и Карл XII говорил с издевкой: «Пусть царь изматывает себя строительством нового города, мы позднее покроем себя славой, взяв этот город».

Крепость начали строить из дерева, потом из кирпича. Гранитная облицовка появилась только при Екатерине II. Первым жилым строением был домик Петра «в голландском стиле». Дом был построен из бревен, но раскрашен под кирпич. Рядом теснились избы и мазанковые хижины, в которых ютились солдаты, офицеры и гражданское население. Потом появился относительно большой по размерам дом генерал-губернатора Меншикова. В нем устраивали праздники и принимали иностранных послов.

В 1705 году на берегах Невы появился архитектор Доменико Трезини. Он стал «обербаудиректором» всего города. Трезини был замечательным зодчим. Мало того что он построил самые значительные здания этого периода, он еще разработал и пустил в жизнь типовые проекты жилых домов трех видов: для богатых, для жителей средней руки и простые мазанки для «подлых».

Но куда больше чем жилье Петра интересовала судоверфь. В 1705 году было заложено здание Адмиралтейства. Петроградская сторона уже напоминала городской квартал. К тому времени было построено около ста пятидесяти больших зданий, но еще не было ни монастыря Александра Невского, ни Невского проспекта.

Жизнь в городе била ключом, но она была не просто трудной, а нечеловеческой. Город строили в буквальном смысле слова на костях. Финны, пленные шведы, карелы, эстонцы и русские крестьяне работали днем и ночью, зимой и летом. Условия труда были чудовищными. Не было лопат, рыли пальцами, а землю переносили в полах драного платья. И все с криком – быстрей, быстрей! Там и здесь вспыхивали пожары, поджигателей казнили. Наводнения – вечный бич этого города, вода то и дело заливала низкие острова. По улицам бегали волки. Однажды среди бела дня у дворца Меншикова они загрызли женщину. Жителей переселяли в «Санкт-Петерубурх» насильно. За невыполнение приказа – конфискация имущества, ссылка, а то и смертная казнь. Москва боялась северного города пуще Сибири. И вот туда предстояло Прасковье Федоровне ехать жить.

Правительственные учреждения перебрались из Москвы в Петербург только в 1710 году, но семью Петр пригласил туда на два года раньше. Да что там «пригласил»! «1708 года марта – в день, по указу государеву, была на постельном дворе сказка: велено ехать царедворцам по домам с Москвы, а первой статье велено быть в Москве. Марта 22 день с Москвы изволили пойтить царевны, также бояре с женами», – таково было предписание.

Можно себе представить, что думала Прасковья Федоровна, собираясь в дальнюю дорогу. Скорее всего утешала себя тем, что дочки вошли в возраст, Катеньке уже шестнадцать, Анне пятнадцать. Надо думать об их будущей судьбе, а таковая целиком находится в руках всесильного царя Петра Алексеевича.

И потянулся по весеннему бездорожью длинный обоз из колымаг, повозок и подвод. В Петров городок ехали помимо измайловской семьи вдовая царица Марфа Матвеевна – супруга покойного царя Федора, царевны Наталья, Марфа и Федосья, князь Федор Юрьевич Ромодановский с супругой Настасьей (сестрой Прасковьи Федоровны), а также множество именитых сановников. Подводы со слугами были поистине бесконечными.

Надо сказать несколько слов о князе-кесаре Ромодановском. Начальник страшного Преображенского приказа, он был верным слугой Петра. Ему позволено было «жить по старине», носить привычное платье, не брить бороду. Это был истинно московский житель, но и он оставил родную вотчину, подчинившись воле царя.

Все знают про необычайную любовь царя к водной стихии. Одну из главных своих задач он видел в создании русского флота. Рассказывают, что будучи в Англии он ненароком обронил фразу: «Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским». Но мало создать флот, надо приучить

жителей своей империи к воде. В Петербурге уже существовало принудительное для всех чиновников воскресное плавание. По царскому указу дождь не дождь, ветер не ветер, а как ударит пушка у крепости, изволь всей семьей явиться на пристань на морскую прогулку.

Путешествие москвичей было трудным, долгим, а в угоду царю кончилось и вовсе неожиданно. Петр приказал часть пути проделать водой и сам встретил флотилию в Шлиссельбурге. Это случилось 20 апреля. С Ладожского озера шел лед. Холод, дождь. Непогода не смущала государя. В Шлиссельбурге все задержались на пять дней. Он показал родственникам все, что с его точки зрения было достойно внимания, а потом отбыл в Петербург для организации торжественной встречи.

Царицы, царевны и все их сопровождение приплыли в Петербург 25 апреля и были встречены пальбой из пушек и всеобщим ликованием. Гостей отвезли в губернаторский дом. Пировали широко, шумно, из дворца разъехались только за полночь. Прасковья Федоровна с дочками осталась ночевать в губернаторском дворце. И надо же было случиться такому ужасу – утром дом загорелся! В новой столице строили быстро, но плохо, деревянные строения быстро приходили в негодность. Слава Богу, спаслись из огня, но весь второй этаж выгорел, а с ним и привезенные из Москвы вещи.

Будь у царицы Прасковьи время на раздумье, она бы сочла это происшествие плохим предзнаменованием. Но времени не было. Государю не терпелось показать москвичам свой город. С утра в карету и галопом по улицам, если они уже оформились, а то и по бездорожью. Конечно, Петр свозил москвичей в Кронштадт, надо же им познакомиться с морем, настоял также, чтобы они прокатились с ним в Нарву. И что он им показывал? Крепости, конечно. В Нарве широко отпраздновали именины царя – молебны, потом фейерверки и пир горой. Москвичи буквально валились с ног. Думается, Прасковье Федоровне, равно как и дочерям ее, все это было интересно. Совсем новая жизнь, новые картинки, а будущее сулит что-то еще более захватывающее. После именин неугомонный царь отбыл в Смоленск, а царское семейство, наконец, вернулось в Петербург. Было это 25 июня 1708 года.

Царица Прасковья получила в собственность дом в Петербургской стороне, недалеко от дома Петра. Дом был тесный и более чем скромный, но выбирать не приходилось. Ближайшее окружение царя – канцлер Головкин, вице-канцлер Остерман, барон Шафиров и прочая знать – жили в мазанковых домах. Только бы сберечься от холода и сквозняков, да чтоб крыша не

протекала.

Скучной или веселой для царевен была в ту пору жизнь в северной столице, мы не знаем, скорее всего поровну, но то, что быт их был трудным, в этом не приходится сомневаться. Во-первых, в городе была страшная дороговизна. Конечно, торговля развивалась, в Петербурге было уже полно лавок, строился гостиный двор. Струги везли водой продовольствие, дрова, сено и прочие товары. К дому царицы Прасковьи тянулись обозы из ее вотчин. Но ведь все не предусмотришь. Город рос на глазах, много народу просто мерло от голода. Как тут не вспомнить привольное житье в Подмосковье! Вторая беда – страх. Всего боялись: войны, пожаров, грабителей, наводнений, да мало ли…

Но жизнь идет вперед. Вот уже семейство царицы Прасковьи переезжает в новый дом. Перед нами замечательный памятник времени – гравюра «Панорама Петербурга» Зубова. Подпись гравера: «В Санкт Петер Бурхе Грыдоровал Алексей Зубов. 1716.» Об этой работе было много споров. Исследователи никак не могли договориться, что же именно на ней изображено: Петроградская сторона, Васильевский остров или Литейная часть. И всюду корабли, корабли…

Сопоставив панораму с другими архивными планами, рисунками и чертежами, искусствоведы смело сказали, что Зубов рисовал реальный город, что он скрупулезен и точен и что изображал он на панораме как левый, так и правый берега Невы. Слева изображена Литейная часть, то есть Московская сторона. Здесь жили самые именитые фамилии: сестра Петра Наталья Алексеевна, царевич Алексей Петрович, тогда наследник, далее идет дом вдовствующей царицы Марфы Матвеевны и, наконец, вот он – дом измайловских царевен. Документы говорят, что дом этот построен в 1710 году. Зубовская панорама единственное изображение этого жилья.

Рассмотреть его можно только при сильном увеличении. Это большое двухэтажное здание с высоким подвальным этажом и крутой кровлей. Архитектура его столь проста, что все это смахивает на детский рисунок. Никаких украшений и излишеств, посередине здания – вход, за дверью угадывается лестница, от центральной оси поэтажно девять окон налево, девять направо, две симметричные трубы на кровле, рядом хозяйственные постройки. Можно, конечно, предположить, что художник по небрежности упростил вид здания, – ан нет, соседствующие с ним строения более замысловаты, хотя и меньше по размеру. Это значит, что Прасковье Федоровне удалось достойно разместить и трех своих дочерей, и приживалок, и дворню, и карлов со странницами и юродивыми.

Наверное, именно в этот дом явился посыльный, дабы сообщить царскую волю – первый жених найден. Далее наше повествование разольется как бы на два русла. Пришла пора говорить о каждой из царевен отдельно.

Великая княжна Анна Иоанновна

Жених для Анны Иоанновны сыскался за границей – это племянник короля Прусского молодой герцог Курляндский Фридрих Вильгельм. По обычаю, первой должна была выйти замуж старшая дочь. Почему выбор остановился на Анне – неизвестно, но можно предположить, что чем-то Фридрих Вильгельм не устроил Прасковью Федоровну, может, внешность невзрачна, может, государство маловато. Видимо, она решила подождать, когда Катюшке подыщут более презентабельного жениха. А царю было все равно – Анна или Екатерина, он решал свои государственные дела.

Здесь следует объяснить, какие именно дела царь решал. Несколько исторических сведений. Во-первых, что это за Курляндия такая? А это область Латвии к юго-западу от реки Даугава – ее левый берег. Исторически эти земли входили в состав Ливонского ордена. После его распада великий магистр ордена Готхард фон Кетлер признал протекторат над Ливонией польского короля. Это было в 1559 году. Курляндию магистр удержал за собой, и далее Курляндией правили Кетлеры. Столицей новой Курляндии сделалась Митава.

Шведы вторглись в Курляндию при дедушке нашего юного жениха – Якобе Кетлере. Сын Якоба – Казимир – правил шестнадцать лет, жил очень широко, роскошествовал сверх меры и вынужден был заложить часть герцогских земель. После смерти Казимира трон перешел к пятилетнему сыну Фридриху Вильгельму при опекунстве дяди его Фердинанда Кетлера.

С началом Северной войны Курляндия стала настоящим плацдармом. Она переходила из рук в руки то шведам, то русским. После Полтавской битвы, состоявшейся 27 июня 1709 года, Карл XII и Мазепа бежали в Турцию. Но война со Швецией продолжалась. Петр поспешил к Балтийскому морю. Дела на северном фронте тоже шли успешно. Курляндию занял фельдмаршал Шереметьев. В июне 1709 года сдался Выборг: «была устроена крепкая подушка Петербургу», как сказал Петр. В этом же году Шереметьев осадил Ригу, и она сдалась в июле 1710 года. Природные лифляндцы присягнули на верность царю, но за ними остались их привилегии и вольности.

В августе 1710 года русским сдался Пернау, а в сентябре – Ревель. Курляндия была полностью оккупирована русскими войсками, но Петр опасался, что Пруссия по-родственному захочет распространить в Митаве свое влияние. Формально Курляндия находилась под протекторатом Польши, но картина на

военном театре была такова, что мнение короля Августа в данный момент никого не интересовало. Словом, России надо было закрепиться в Курляндии, этого можно было достичь, например, женитьбой на русской царевне. А может быть, Петр хотел этим браком упрочить добрые отношения с Пруссией, своей союзницей. Дипломатия тонкая вещь.

Переговоры о браке начались еще в октябре 1709 года. Петр был в Мариенвердене, там потолковал с королем Прусским. Герцогу оставалось только посвататься, что он и сделал. Потом написал царю проникновенное письмо. «Ваше Величество возъимели над мной милость меня сыном восприятии; того ради ублажаюся вашею отеческой милостивой опекою о благосостоянии моем, во всем, а особливо в том, что благодумное любочестие возъимеете очищением скоро последующим моих предков и прав…» и т. д. Нет сил продолжать, очень витиевато писали в XVIII веке. Вернее, переводчик был витиеват. Понятно, что герцог писал по-немецки.

Оставалось заключить брачный договор. Жених выставил свои требования. Главным условием договора был вывод из Курляндии русских войск. Также юный герцог требовал учредить комиссию для исследования обид, нанесенных русскими курляндцам. Кроме того, Россия должна была дать обязательство не вводить туда войска впредь, не взимать контрибуции, разрешить Курляндии нейтралитет в случае возникновения будущих войн. Ну а что касается приданого, то жених просил 200 тысяч рублей.

Петр согласился на эти условия, но денежное приданое обязался выдать по частям. Царь был скромным в быту человеком и деньги считать умел. Жена штопала ему носки, туфли он снашивал до дыр. После своей смерти он оставил в казне семь миллионов рублей – бешеная сумма по тем временам. Приговор герцогу был таков: 50 тысяч будут выданы сразу после заключения договора, еще 50 в день брака. А остальные будут выплачены после, но «в скорейшем времени». Деньги эти были выплачены с особой оговоркою. Причем из 200 тысяч собственно приданым были только 40, а 160 давались в долг на выкуп заложенных герцогом Казимиром земель.

Кроме того, жена герцога Курляндского должна была иметь в Митаве собственную православную церковь и свой двор. Рожденные в браке сыновья будут воспитываться в лютеранской вере, дочери – в православной греческой. Если герцог умрет, не оставив потомства, вдова должна была получить в собственность замок и содержание из расчета 40 тысяч рублей в год.

Договорились наконец. Бумаги были подписаны 10 июля

1710 года. Теперь жених и невеста могли обменяться письмами. Вот где пригодился Анне немецкий язык. «Из любезнейшего письма Вашего Высочества я с особым удовольствием узнала об имеющемся быть, по воле Всевышнего и их царских величеств, моих милостивейших родственников, о браке нашем. При сем не могу не удостоверить Ваше Высочество, что ничто не может быть для меня приятнее, как услышать ваше объяснение в любви ко мне. Со своей стороны уверяю Ваше Высочество совершенно в тех чувствах, что при первом сердечно желаемом, с Божьей помощью счастливом личном свидании предоставляю себе повторить лично, оставаясь между тем, светлейший герцог, Вашего Высочества покорнейшею услужницею».

Наверняка мать отредактировала это письмо и внесла в него соответствующие поправки, но сквозь обязательную шелуху этикета и подхалимажа проглядывает и подлинное волнение невесты. И хочется думать, что ей удалось на словах сообщить жениху о своих надеждах и получить от него явно выраженное благорасположение.

Герцог в сопровождении фельдмаршала Шереметьева прибыл в Петербург в августе 1710 года и был принят царем в буквальном смысле слова с распростертыми объятиями. Царская семья уже считала его родственником. Приезд его отмечался очень широко – знай наших! Петр не поскупился: пирам, балам, пикникам и всевозможным празднествам не было конца. И все время пили. Петр и сам любил это занятие, но себя держал. Зато придворные его должны были напиваться до скотского состояния. Бахуса надо было уважать! Небо сотрясалось от бесконечной пальбы и фейерверков. Каждый тост сопровождался 11 пушечными выстрелами. Где-то здесь среди веселящихся людей затерялась наша невеста. О чем и как она говорила с женихом, мы не знаем.

В сентябре в честь приезда герцога были произведены флотские маневры.

И наконец – свадьба. О ней возвестили заранее с большими церемониями. «Юрнал» пишет об этом событии 31 октября 1710 года чрезвычайно подробно.

С чего начать? Невеста была в бархатном белом платье-робе и длинной красной мантии, подбитой белым горностаем. Удивительно, как любили шкурку этого зверька европейские монаршие дворы. Голову Анны украшала богатая королевская корона.

Надо бы подробнее описать внешность невесты. Принцесса должна быть прекрасной, а историки упорно отказывают Анне Иоанновне в красоте. Но сохранилось описание ее наружности в бытность ее царицей. Она вошла на трон в возрасте 37 лет, по тем

временам уже старуха, она была тучной, со следами оспы на лице, смуглой. Московские остряки называли ее «царицей престрашного зраку». Но есть и доброжелательные отзывы.

Неизвестный художник. Портрет императрицы Анны Иоанновны

Пишут, что она была высока ростом, на голову выше иных мужчин из свиты, что была статна и величественна, имела красивые глаза, но черты лица у нее были грубые. Одни руки были хороши и тонки. Еще пишут, что у нее была очень хорошая улыбка. Она очень украшала Анну, и та знала об этом. Известно также, что царица была приятной собеседницей, хорошо говорила, ценила правильную русскую речь. Леди Рендо, жена английского посланника, вообще находила царицу обаятельной.

Отнимем двадцать лет. Нашей Анне семнадцать. Рост при ней, смуглость тоже (почему-то в XVIII веке это считалось недостатком). Тучность убираем. Если старшую, Катерину, и в юности называли толстушкой, Анну никогда. Хорошая улыбка

также не может появиться в 37 лет, улыбка штука пожизненная. Глаза прекрасны, черты лица еще не огрубели. Тонкие руки застенчиво придерживают фату… У нас получается вполне симпатичная юная невеста.

Однако по порядку. События развертывались следующим образом. 31 октября в девять часов утра государь, исполняя обязанности обер-маршала, в сопровождении свиты на шлюпках отправился в описанный нами дворец на Литейной стороне. На передней шлюпке немецкие музыканты играли в полную силу своего таланта. На второй шлюпке плыл Петр. Он был облачен в алый кафтан с собольими отворотами, грудь его украшал орден Андрея Первозванного на голубой ленте. На голове напудренный парик, в руках большой маршальский жезл, у которого на пестрых лентах висела кисть, украшенная золотом и серебром. Красиво? Да, еще серебряная шпага на серебряной же портупее у пояса. Журнал XVIII века подробно описывал царские церемонии.

Государя встретила хозяйка Прасковья Федоровна. Невесту сопровождали сестры, царственные тетки, статс-дамы и фрейлины. После присущих встрече церемоний все направились к шлюпкам, в которых дамы разместились в соответствии с их статусом. Обер-маршал, то есть Петр, подвел к шлюпкам жениха с его свитой. Жених был в белом, затканном золотом кафтане.

Пятьдесят богато разукрашенных судов! Размещались в них долго. Наконец поплыли. Понятное дело, если свадьбу организовывал сам Петр, то без шлюпок и плавания по Неве было никак не обойтись. Плыли во дворец Меншикова, который находился на противоположном берегу Невы, на Васильевском острове.

У дворца рота преображенцев под звуки музыки отдала честь прибывшим. Венчал молодых архимандрит Феодосий Яновский. Обряд происходил в полотняной походной церкви, размещенной в самом дворце. Жениху сущность обряда объяснили на латыни.

А дальше обед. Надо ли говорить, что он был роскошен! Столы были накрыты в двух залах – в одном не разместились. В первой, главной, зале сидели новобрачные под лавровыми венками. Опустим подробное описание всех присутствующих. Царь был очень весел, один тост следовал за другим. Каждое заздравное питье сопровождалось залпом из 41 пушки. Орудия располагались на плацу, а также на яхте «Лизетта», плавающей неподалеку от дворца.

После обеда – разговоры, пиво, мужчины курили трубки, и, конечно, танцы. Веселились до трех часов ночи, после чего Прасковья Федоровна отвела Анну в спальню. Позднее государь привел туда герцога Фридриха.

Свадьбу праздновали два дня. На второй день Петр приготовил для гостей диковинку. На столах стояли два огромных пирога. До времени к ним никто не прикасался. Когда все напились и наелись, государь собственноручно вскрыл пироги, и к изумлению всех присутствующих из них выскочили две разряженные карлицы. Восторги, смех! Карлицы с самым серьезным видом раскланялись и прямо на столе исполнили в честь новобрачных менуэт. Можно себе представить, в каком состоянии находились Анна и юный Фридрих. Вечером под руководством Петра на Неве был сооружен великолепный фейерверк с аллегорическими фигурами. После окончания действа молодые уехали в собственный дом. Можно было передохнуть.

Через три дня курляндский пастор благословил новый брак, прочитал соответствующую проповедь, а в воскресенье герцог устроил ответный пир. Но на этом дело не кончилось. Петр придумал новую забаву вполне в духе времени. Он устроил потешную свадьбу карлика с карлицей. До нас дошло подробнейшее описание и этой свадьбы. Как часто ощущается нехватка важнейших документов той эпохи, а тут, пожалуйста – известно даже имя жениха – Еким Волков. На свадьбу со всей округи, и из Москвы, собрали 72 карла и карлиц. Скоморошья свадьба в мельчайших подробностях при общем хохоте повторяла обряд Анны и Фердинанда. Венчание в церкви по православному обычаю, сам Петр держал над невестой-карлицей венец, потом на шлюпках все отправились во дворец Меншикова и в тех же залах сели за обеденные столы. Присутствовало все царское семейство, свита и многочисленные гости. Вот цитата из М. И. Семевского, который в свою очередь цитирует немецкого гостя («Описание Петербурга 1710–1711 гг.»): «Трудно представить себе, какие тут были прыжки, кривляния и гримасы! Все гости, в особенности же царь, были в восторге, не могли навеселиться, и смотря на коверкание и ужимки 72 уродцев, хохотали до упаду. У иного были коротенькие ножки и высокий горб, у другого большое брюхо, у третьего ноги кривые и вывернутые, как у барсуковой собаки, или огромная голова. Или кривой рот и длинные уши, или маленькие глазки и расплывшееся от жира лицо!» Постель карликов-новобрачных была устроена в опочивальне его царского величества. Государь, кажется, до конца хотел насладиться зрелищем.

Чем была эта вторая свадьба? Насмешкой, желанием показать, что брак племянницы с герцогом такой же несерьезный, как венчание карликов? Вряд ли… Шутки Петра, при всей его гениальности, были необычайно грубыми, примитивными, часто

злыми.

После свадьбы молодые, предаваясь всевозможным увеселениям, еще два месяца пробыли в северной столице и, наконец, в январе 1711 года отбыли в Митаву. И тут случилось невероятное. Все произошло неожиданно и страшно. 9 января в 40 верстах от Петербурга, на мызе Дудергоф, герцог Фридрих Вильгельм Курляндский неожиданно скончался.

Ах, как не похожа реальная жизнь отпрысков царской фамилии на приключения тех сказочных принцесс и принцев, о которых мы с упоением читали в отрочестве и юности! История рассматривает их в лупу, все недостатки – и внешности, и воспитания, и характера. Эти принцы и принцессы не просто люди, они существа публичные, они и не люди вовсе, а шахматные фигуры. И уж если короли и королевы проигрывают партию, общественное мнение к ним совершенно безжалостно. О них пишут в черных или серых тонах, из всех дошедших документальных сведений выбирают заведомо негативные, а если не хватает этих сведений, то домыслят по своему усмотрению и навесят на человека ярлык, чем совсем размажут образ и смешают его с грязью.

О причинах смерти герцога Курляндского документы говорят уклончиво. Русские историки пишут просто: скончался от непомерного употребления крепких напитков, то есть с перепоя. Можно, конечно, предположить, что за пять месяцев пребывания в России герцог стал законченным алкоголиком. Но алкоголики вот так вдруг не умирают, на разрушение печени нужно время. Скорее всего дело было в алкогольном отравлении.

Поистине жаль восемнадцатилетнего герцога Курляндского. Где-то в европейских архивах хранится подробный отчет, как везли тело на родину, как тащилась в повозке за гробом молодая вдова, написано, конечно, где и когда были похороны. Русская историография об этом умалчивает. Неинтересно. Умер и умер – мальчишка, дурак, слабак! Как жестока история на расправу!

Мы мало знаем о первых годах жизни Анны Ивановны в Курляндии. Известно только, что она надеялась после траура вернуться в Россию. Петр запретил. Престол Курляндский занял бывший опекун покойного герцога – Фердинанд (последний из рода Кетлеров). Вдовствующая герцогиня Анна ему совершенно была не нужна. Оппозиция выступала и против Фердинанда, и против русской герцогини.

Еще мы знаем про Анну, что она не переносила спиртного. Видимо, ужасная смерть мужа произвела на нее сильное впечатление. Она жила в Митаве своим двором, ходила в свою православную церковь. Обещанное ей содержание во многом

было фикцией. Вряд ли, конечно, герцогине приходилось считать копейки, но содержание двора требовало таких денег, что их не всегда хватало. А чтобы двор русской великой княжны и герцогини был беднее курляндского, допустить было нельзя.

30 июня 1712 года получил назначение ехать в Курляндию Петр Михайлович Бестужев-Рюмин (отец известных дипломатов Михайлы и Алексея Бестужевых, последний при Елизавете был канцлером России). Бестужев стал обер-гофмейстером двора Анны. Он ведал кассой и канцелярией герцогини, контролировал соблюдение этикета и т. п. Но главной задачей Петра Михайловича было не просто исполнение вышеупомянутой должности. Петр I послал его в Курляндию, как пишет С. М. Соловьев, «для охранения царских интересов». Бестужев находился при Анне неотлучно и со временем сделался фактическим правителем Курляндии.

* * *

Анне было скучно и одиноко в Митаве. Она рвалась домой, в Россию. Но не тут-то было. Петр не только не позволил ей вернуться на родину, но решил расширить и тем самым укрепить в Курляндии русский двор. В апреле 1712 года царь писал в сенат: «Понеже невестка наша Прасковья Федоровна с детьми своими в скором времени поедет отселе в Курляндию и будет там жить, а понеже людей у них мало, для того отпустите к ним Михайла Салтыкова с женою, чтоб он ехал с Москвы прямо в Ригу, немешкав».

Но вдовствующая царица «мешкала» до последнего. Идея ехать за границу на житье не пришлась Прасковье Федоровне по вкусу. Благо случился повод для отсрочки. Это было весьма важное и торжественное событие – царь решил сочетаться браком со своей давней возлюбленной Екатериной Алексеевной. Венчание произошло в Петербурге в том же 1712 году в деревянной церкви Исаакия Далмацкого (предтечи Исаакиевского собора). Царица Прасковья была на той свадьбе посаженной матерью, дочери ее Екатерина и Прасковья тоже состояли в «ближайшем штате».

Потом дело об отъезде в Курляндию само собой замялось. Содержать в Митаве еще один обширный двор Прасковьи Федоровны было и накладно, и неразумно.

Царица меж тем уехала передохнуть в Москву, и туда, в родное Измайлово, наконец, приехала погостить дочь Анна. Гостевание вышло долгим (1714 год – по март 1716-го). Для Анны

эта поездка была трудной. Как мы видим из письма Прасковьи Федоровны, дочь в России тяжело заболела. Насколько тяжело, мы не знаем. Не исключено, что болезнь Анны явилась отличным предлогом, чтобы дочери не возвращаться в Митаву, а матери – в нелюбимый Петербург. Боясь гнева государя, Прасковья Федоровна писала кабинет-секретарю Макарову:

«Алексей Васильевич, здравствуй на множество лет. Пожалуй донеси невестушке, царице Екатерине Алексеевне, ежели мой поход замешкается до февраля или до марта, чтоб на меня какова гнева не было от царского величества; во истинно, за великими моими печалями. А печаль у меня та, что неможет у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла каменной болезнью, о том и ты известен. А ныне лежит тяжкою болезнью горячкою; а ежели им угодно скоро быть и я, хотя больную, повезу; и ты, пожалуйста, отпиши ко мне, как их воля мне быть, что мне их не прогневить. Остаюсь царица Прасковья. Измайлово. 15 декабре 1714 года».

Вернувшись в Курляндию, Анна застала там безрадостную картину. Положение ее, как финансовое, так и политическое, стало еще более трудным. Престарелый герцог Фердинанд не хотел платить вдовствующей герцогине ежегодное содержание в 40 тысяч рублей, а потому всячески пытался лишить силы брачный контракт покойного племянника. Курляндская шляхта тоже считала, что русский двор обходится ей слишком дорого. Плелись интриги, оппозиционная партия упирала на то, что герцог Фридрих Вильгельм был только формально объявлен совершеннолетним, а на деле он не дотягивал до нужного срока. А раз наличествовал такой политический подлог, то и свадьба с ним была чистой фикцией. В конце концов Бестужев стал собирать причитающиеся Анне деньги с помощью русских драгун. Начальствовали над отрядом два курляндских комиссара. Шляхта роптала. На сеймах шли бесконечные дебаты. Образовались две партии – русская и польская.

Велись разговоры о будущем браке герцогини, но как-то вяло. А природа меж тем брала свое. Анна устала ждать женихов и нашла свое женское счастье, став любовницей своего гофмейстера. Можно сказать иначе, чтобы было вполне в духе времени: Анна сделала Бестужева своим фаворитом.

А что? При назначении в Курляндию Бестужеву было сорок восемь лет – тридцать лет разницы. Время не оставило нам изображения Петра Михайловича Бестужева, но, судя по воспоминаниям современников, он и в пятьдесят был весьма представителен, умен, на хорошем счету у государя, а в Курляндии он стал для Анны защитником, другом и вообще самым близким человеком.

Каким образом достигло ушей царицы Прасковьи известие о любовной связи Анны с ее гофмейстером – неизвестно. Вряд ли дочь сама рассказала об этом матери, когда гостила в Измайлово. Отношения у Анны с матерью никогда не были доверительными. Что герцогиня уж точно делала, так это жаловалась на тяжелое житье в Курляндии, на скуку и, если можно так выразиться, на бедность. В этом вопросе Прасковья Федоровна была, конечно, на стороне дочери. Анна дочь русского царя, поэтому двор свой должна содержать сообразно своему положению. Вдовая царица рисковала писать с обидами и просьбами даже государю-батюшке. Вот выдержка из одного из ее посланий, которую она для убедительности снабдила пунктами:

«1. Правительствующий сенат, не получа указа именного из походу, никакого денежного вспоможения на пути моей царевны учинить не хочет, о чем прошу указу к тому сенату.

2. Из моей определенной дачи, как вам известно, бывшую мою царевну отпуская, всяческие снабдивала, и посуду серебряную с ней отпустила, а ныне мне того отпустить мочи нет.

3. Соизволили писать ко мне, что в Курляндии все ей, царевне моей, определено; а чем ей там жить и по обыкновению княжескому порядочно себя содержать, о том именно не означено. Прошу о подлинном того всего себе уведомления; из вашей ли казны, или с подданных того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей».

И так восемь пунктов, а последний самый примечательный: «Прошу вседокучно, по своей крайней милости и по своему слову, переменить оттуда прежнего гофмейстера, бывшего прежде при царевне моей, который весьма несносен, и тем нас не печалить; а быть на его месте впредь иному, кому вы соизволите».

Чем уж так раздражал царицу Бестужев? Можно, конечно, предположить, что ее волновали вопросы нравственного характера, и вообще, что люди скажут, и уж если так приспичило, то найди себе кого помоложе, а не старика-любострастника. Конечно, такие соображения могли иметь место, на то она и мать, но больше всего, кажется, и письма тому свидетель, царицу Прасковью раздражала самостоятельность дочери.

Когда трон достается юной принцессе, семья всегда тут как тут. Так будет и с юной Фике (будущей Екатериной Великой). Когда ее призвали в Россию в качестве невесты наследника, мать ее, Иоганна Елизавета, приехала в Россию и тут же стала заявлять права, которые вовсе не соответствовали ее положению и уму. Курляндия не Россия, но и там есть такое понятие, как трон, дочь при нем герцогиней, а Прасковья Федоровна не кто-нибудь, а царица великого государства. В Курляндию ей ехать не хотелось,

но она желала контролировать поведение дочери, хотела окружить ее своими людьми. В преклонных летах власть всегда соблазнительна. Но Анна не слушала советов матери.

Больше государю писать об отставке Бестужева Прасковья Федоровна не отважилась, но к государыне Екатерине Алексеевне с подобной просьбой обращалась неоднократно. Она уже очень давно, почти сразу, нашла правильный тон в общении с царствующей семьей.

Отношение в России к супруге Петра было, как говорят сейчас, неоднозначным. Народ ее не любил. А за что любить, если в ней нет ничего русского, она немка, да еще из простых, а в страну попала, потому что была захвачена в плен? Верхушка общества была такого же мнения. Князь Щербатов в своих «Записках о повреждении нравов», конечно выражая мнение большинства, пеняет Петру на его первый развод с Лопухиной. Ладно, Василий III развелся с бездетной Соломонией Сабуровой. Он по делу развелся, и церковь развод одобрила. Но Лопухина родила царю наследника – царевича Алексея. Мало того, что она многие годы была собственностью Шереметьева, потом Меншикова, и только после них стала возлюбленной Петра, так еще, кажется, у нее кто-то есть на стороне. То есть здесь все против закона и не по обычаю.

Прасковья Федоровна всего этого словно и не замечала. Умная женщина всегда была почтительна с Екатериной Алексеевной, вела себя с ней как ближайшая родственница, не уставала поздравлять со всеми праздниками и писала ей очень занятные, уважительные письма. Екатерина отвечала ей с полным благоволением: «…Об отправлении в Курляндию дочери Вашей, ее высочества царевны Анны Иоанновны, от Его царского Величества уже довольно писано к светлейшему князю Александру Даниловичу, и надеюсь я, что он для того пути деньгами и сервизом, конечно, снабдит, ибо его светлости о том указ послан. И когда, бог даст, Ее Высочество в Курляндию прибудет, тогда не надобно Вашему Величеству о том мыслить, чтоб на Вашем коште Ее Высочеству, дочери Вашей там себя содержать» и т. д. и т. п. Но приговор по Бестужеву был всегда один: «Что же о Бестужеве, дабы ему не быть, а понеже оный не для одного только дела в Курляндию определен, чтоб ему быть только при дворе Вашей дочери, царевны Анны Иоанновны, но для других многих Его царского Величества нужнейших дел, которые гораздо того нужнее, и ежели его из Курляндии отлучить для одного только Вашего дела, то другие дела станут, и то Его Величеству зело будет противно».

Трудно понять глубинную ненависть царицы Прасковьи к

Бестужеву. Видимо, здесь имеет место не только забота о нравственности дочери, но и личная неприязнь. Недаром Екатерина Алексеевна пишет в том же письме про Бестужева: «И зело я тому удивляюсь, что Ваше Величество так долго гневство на нем имеете, ибо он зело о том печалится, но оправдание себе просит, что он, конечно, учинил то не с умыслу, но остерегая честь детей Ваших. В чем на него гнев имеете?» Что учинил обергофмейстер? О какой чести идет речь? Неизвестно. История – потемки.

Будь Анна замужней, эти сплетни потеряли бы смысл. Разговоры о новом браке Анны велись не один раз. Она осталась вдовой в восемнадцать лет и, конечно, мечтала о семье и детях. Петр I меньше всего думал о счастье племянницы, но политические дела требовали активности в этом вопросе. Так что в том числе и самому Бестужеву пришлось искать Анне жениха.

И он появился. В 1717 году царь Петр договорился с польским королем Августом о браке Анны с герцогом Саксен-Вейзенфельдским Иоанном. Однако Август выставил довольно жесткие условия. Задача Бестужева была обеспечить в Курляндии избрание Иоанна в герцоги. Бестужев действовал очень активно, но идея этого брака с самого начала была обречена на провал, ибо Россия хотела прибрать Курляндию к своим рукам.

В мае 1718 года опять встал вопрос о сватовстве Анны. На этот раз в женихи предлагался племянник прусского короля маркграф бранденбург-шведский Фридрих Вильгельм. То же имя, что и у покойного мужа. И вот ведь насмешка судьбы – сватовство опять разладилось! Король польский восстал категорически против этого брака.

Да Петр и не очень настаивал. Сейчас его занимали другие, куда более важные дела, чем сватовство курляндской племянницы. Весь 1718 год царь был занят разоблачением заговора, к которому имел отношение его сын и наследник Алексей. Расскажем в нескольких словах о драматической судьбе первого сына Петра Великого. Алексея обманом принудили вернуться на родину. Здесь он подписал отречение от престола, признавая законным наследником трехлетнего сводного брата Петра Петровича. А дальше началось лютое следствие. Алексей обвинялся в том, что искал за границей «защищения» и покровительства императора Священной Римской империи (Алексей и Карл VI были женаты на сестрах), что желал с помощью иностранного войска добиться, низложив отца, русского трона. Что тут правда, а что навет – неизвестно. Маловероятно, чтобы при мягком и нерешительном характере Алексей замыслил с помощью Карла VI добывать себе престол. Высокий суд из 127

человек признал Алексея достойным смертной казни. 26 июня 1718 года царевич Алексей скончался в Петропавловской крепости. Как он умер – неизвестно, это потемки истории, по одним предположениям был задушен, по другим – отравлен.

Судя по письмам, Анна была в 1718 году какое-то время в Петербурге, но потом Петр велел ей срочно вернуться в Митаву. Царице Прасковье не давала покоя старая забота. Она решила сама разобраться в курляндских делах и отправила присматривать за дочерью своего брата Василия Федоровича Салтыкова. Тот приехал в Митаву с супругой, и вскоре разразился огромный скандал.

Салтыков был женат вторым браком. Первую жену он схоронил и в 1707 году женился на княжне Александре Григорьевне Долгорукой. Брак этот был несчастливым. Салтыков приехал не только шпионить за племянницей, но, как старший в семье, учить ее нравственности и вообще уму-разуму. Человек он был грубый, самоуверенный, нрав имел бешеный, поэтому церемониться с Анной не стал.

Позднее в письме к царице Екатерине Алексеевне от 4 июля 1719 года Анна напишет (сохраняем орфографию герцогини): «Исволили вы, свет мой, ка мне приказовать, штоб я отписала про Василия Федоровича. И я донашу: каторай здеся бытнастию свое, многие мне противности делал, как славами, так и публичными поступками, против моей чести, между которыми раза стри со слезами от него отошла… Он же сердился на меня за Бестужева, показывая себя, штоб он был, или хто другой, ево руки, на Бесутужева места. И прошу, свет мой, до таво не допустить: я от Бестужева во всем довольна, и в моих здешних делах, он очень харашо поступает». В письме Анна не пишет, что дядюшка дерзко намекал Анне на ее преступную связь и все время требовал, чтобы племянница писала прошение царю о немедленной отставке милого ее сердцу обер-гофмейстера. Анна отмалчивалась и плакала украдкой.

А меж тем сам Салтыков, как сообщает М. И. Семевский, «своей семейной жизнью являл соблазн на всю Курляндию и Польшу». За десять лет брака жена ему совершенно опротивела. Он завел любовную связь с девицей из простонародья, своей служанкой, представлял ее в обществе как свою фаворитку. И при этом бил жену смертным боем. Если бедная Александра Григорьевна слишком ему досаждала слезами и попреками, то он морил ее голодом.

Страшная картина! Княгине Салтыковой не у кого было просить в Курляндии защиты, и, естественно, она бросилась за помощью к герцогине Анне. Неизвестно, вместе ли они сочиняли

челобитную в Петербург или Александра Григорьевна самолично в один прекрасный день послала в Петербург два письма: одно государю Петру, другое – государыне.

О челобитной проведала в столице Прасковья Федоровна. Она испугалась и за себя, и за любимого брата, защитника ее и помощника, и немедленно отписала в Митаву, бросай-де все и поспешай в Петербург, дабы на месте разобраться с этим делом. Клан Долгоруковых силен, они в обиду свою Александру Григорьевну просто так не дадут. Батюшка Александры, князь Григорий Федорович, тайный советник и кавалер, обретается в Варшаве чрезвычайным и полномочным министром. Он достойный противник и может такое дело раздуть, что потом греха не оберешься.

Салтыков внял совету сестры и спешно уехал в Петербург. Жену он с собой не взял, но для острастки избил ее до бессознательного состояния. Во всем, что случилось, он видел происки Анны Ивановны. В Митаве он не может отомстить ей полной мерой, но уж в России постарается взять свое.

И как в этой ситуации могла повести себя Анна? Конечно, она забрала полумертвую женщину во дворец и поручила ее заботам лекаря. Прошло какое-то время, и Александра Григорьевна получила строгий приказ от мужа – немедленно ехать в Россию. Опять на унижение и побои? До Петербурга далеко, там страшно и люто, а до Варшавы ближе. Бедная женщина решила ехать к отцу, и Анна ее в этом поддержала.

И поехала Александра Григорьевна к батюшке, трясясь от ужаса и собственной смелости, но в дороге смалодушничала, решила «подстраховаться» и послала мужу письмо, едет-де в Варшаву, но не по собственной воле, а по приказу отца. «Не смела я его воли преслушать. А когда изволите приказать быть – я готова. Не надеюсь я от Вашего на то гневу, понеже имела давно от Вас дозволение». Письмо это потом послужило уликой против Долгоруких в длинной бесконечной тяжбе супругов Салтыковых.

Князь в Варшаве пришел в ужас от бедственного состояния единственной дочери и громыхнул в Петербург письмом к царю: «…негодяй супруг бил безвинно… морил голодом… такие гонения терпела, что и описать невозможно… что было ее, все ограбил». Салтыков тоже ответил челобитной: мол, не бил, не морил, не грабил… Обычное дело.

Во всей этой истории нас интересуют реакция и поступки герцогини Анны. Она была напугана. Салтыков в Петербурге столько всего наговорил сестре, столько намутил, что Прасковья Федоровна перестала отвечать на письма дочери, более того, грозила ей проклятием. И таки прокляла Анну со временем – но

перед смертью покаялась и простила дочь.

Гнев матери – крест тяжкий, но куда более опасна нелюбовь государя-дядюшки и супруги его. В письме Прасковья Федоровна не скрывала своей злости на Анну, но это дела родственные, а знать бы, что она наговорила при дворе. Может быть, такое, что уж и жить не стоит. Анна вполне натурально страшилась своей участи, ведь она целиком зависела от воли Петра.

Но в конце июня 1719 года Анна получила от императрицы доброжелательное письмо. Это было трудное время для Екатерины. Два месяца назад, в апреле, умер наследник Петр Петрович, любимый «шишечка». Он был горестно оплакан родителями. Россия осталась без наследника. И тем не менее царица нашла время и силы, чтобы написать племяннице. Екатерина Алексеевна интересовалась житьем герцогини Анны и между делом спрашивала о поведении Салтыкова в Митаве.

Из ответа Анны видно, какое облегчение и радость она испытала, дождавшись весточки от государыни. В ответ Анна пишет (письмо от 4 июля, мы его уже цитировали): «Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексеевна, здравствуй, государыня моя, на многие лета вкупе с государем нашим батюшком, дядюшком и с государынями нашими сестрицами.

Благодарствую, матушка моя, за милость Вашу, што пожаловала исволила вспомнить меня. Не знаю, матушка моя, как мне благодарить за высокую Вашу миласть; как я обрадовалась, Бог Вас, свет мой, самое так порадует. Ей, ей, дарагая моя тетушка! Я на свете ничему так не радовалась, как нынче радуюсь о милости Вашей к себе, и прошу, матушка мая, впреть меня содержать в своей неотменной милости: ей, ей, у меня кроме тебя, свет мой, нет никакой надежды! И вручаю я себя в миласть тваю материнскую, и надеюсь, радость моя тетушка, што не оставишь меня в своей миласти и до маей смерти».

Бесконечная преамбула! Анна словно бы все кланяется, кланяется, никак не может голову поднять и начать говорить по делу. Но, наконец, собралась с духом и рассказала про все безобразия своего дяди Василия Федоровича, и как ей самой «противности делал», и как над женой измывался. Потом в тех же страстных тонах начала писать про Бестужева, которым «всем довольна» и который «в моих здешних делах очень харашо поступает». Но скоро опять возвращается к дядюшке. Салтыков, судя по письму, наговорил матери не только про Анну, но и про сестру ее Екатерину.

Вот как она пишет: «При сем прашу, матушка моя, как у самаво Бога – у вас, дарагая моя тетушка: покажи нада мною материнскую власть: попроси, свет мой, милости у дарагова

государя нашева, батюшка-дядюшка, обо мне, штоб показал милость: мое супружественнае дела ко окончанию привесть, дабы я болше в сокрушении и терпении от моих злодеев, ссораю кматушке не была. Истенна, матушка моя, донашу: неснозна, как нами ругаютца! Если бы я таперь была при матушки, чаю была бы чуть жива от их смуток: я думаю, и сестрица от них, чаю, сокрушилась. Не оставь, мой свет, сие в своей милости».

Читать эти строки смешно и странно. Понятие «грамматика» забыто – как говорим, так и пишем. Длинное это письмо можно растащить на цитаты, и каждая из них показывала бы Анну со смешной и невыгодной стороны. Но не будем забывать, что знатнейшее дворянство в России было малограмотно, со временем некоторые из них вообще забыли родной язык и изъяснялись исключительно по-французски. Собственноручное письмо Анны полно бедой, неуверенностью, обидой. «Вам, матушка мая, извесна, што у меня ничего нет, краме што с воли вашей выписаны штофы; а ежели к чему случай позавет, и я не имею нарочетых алмазов, ни кружев, ни полотен, ни платья нарочетава: и втом ко мне исволте учинить, матушка моя, по высокой своей миласти, из здешних пошленых денек, а деревенскими доходами насилу магу дом и стол свой в гот содержать. Так же определен по вашему указу, Бестужев сын ко мне обар-камарам-юнкаром; живет другой год без жалованья, и просит у меня жалованья, и вы, свет мой, как исволите?»

Так и видишь, сидит Анна, льет слезы и пишет свои каракули. А ведь ей двадцать пять лет, она немецкая герцогиня и дочь русского царя. А как царю привести в порядок «супружественные дела», если он 1 мая этого года вышел в море, а в Петербург вернулся только 20 августа?

В Курляндии меж тем разгорелись нешуточные страсти. Польша принимала в этих разногласиях самое активное участие. Герцог Фердинанд был бездетным. После его смерти Курляндию можно было бы вернуть под власть Польши и разбить ее на воеводства. А здесь вдруг совсем не к месту русская герцогиня Анна. А если она вступит в новый брак и родит наследника? Тогда Курляндия будет потеряна для Польши навсегда. Следующий разговор о браке возник только в 1723 году, но и он был безрезультатным.

На сейме 1719 года произошла серьезная схватка между двумя партиями с условными названиями «русской» и «польской». Первая настаивала на герцогском управлении в Курляндии под немецким влиянием и нынешним положением дел. Вторая партия вообще не хотела герцогства. Борьба эта была столь активной, что Анне было рекомендовано до времени уехать из Митавы в Ригу и

там ждать решение вопроса. Сам герцог Фердинанд тоже сбежал от греха подальше и правил Курляндией из Данцига.

Бестужев как мог боролся за то, чтобы оставить за Анной привилегии, которые принадлежали ее мужу. Задачей обер-гофмейстера было навсегда связать Курляндию с Россией. Бестужев предложил Петру свой план – выкупить на имя Анны герцогские земли, заложенные еще отцом мужа. Петр согласился. Земли выкупили за 87 370 талеров, при этом взяли их из русской казны. Для того чтобы вернуть эту сумму России, Бестужев в 1722 году сдал земли в аренду, надеясь вернуть убыток в течение шести лет.

Анна, поскольку очень нуждалась в деньгах, попросила Петра отдать земли в ее пользование. Герцог Фердинанд регулярно слал в Петербург жалобы: его-де лишили наследственных владений и не дают управлять страной. Но опасность поджидала Бестужева и Анну с другой стороны. Варшава видела, что Курляндия уплывает из ее рук, и коронный польский суд вынес свое решение. По закону закладные земли герцога не могли быть проданы иностранцам, а потому суд присудил курляндским дворянам вернуть России выкупные деньги. Легко приказать, но трудно выполнить. Дворяне не желали возвращать деньги.

Теперь для России главная задача виделась в том, чтобы раз и навсегда доказать, что Анна не иностранка, а законная герцогиня Курляндская. Лучшим доказательством в таких делах является оружие, и Петр пообещал, что если шляхта и дальше будет упорствовать и не исполнять волю герцогини Анны, то он введет в страну полк драгун.

Анна всеми силами поддерживала Бестужева. Из письма к царице мы видим, что она хлопотала за сына его Михайлу, что служил при ее дворе. Да и самому Петру Михайловичу она хотела выхлопотать чин тайного советника: «…он здеся служит, а чина никакова не имеет, что от здешних людей ему подозрительно». Хлопотала она и за дочь Бестужева – в браке княгиню Волконскую.

После казни царевича Алексея и смерти малолетнего «шишечки» Петр издал указ о престолонаследии. По этому указу наследником назначался не старший сын, как было прежде, а лицо, назначенное самим государем. При этом он взял клятвенное обещание от близких к трону людей, что они выполнят указ безоговорочно.

В мае 1724 года Петр устроил в Москве коронацию Екатерины. После Марины Мнишек это была вторая женщина на Руси, удостоенная столь высокой церемонии. На коронации присутствовала и герцогиня Курляндская Анна.

Петр Великий умер 27 января 1725 года. У царя была уремия и почечная болезнь. Умирал он тяжело и долго. И тем не менее назначить наследника он так и не успел. В результате дворцового переворота при активном содействии Меншикова на русский трон взошла Екатерина Алексеевна.

* * *

А как обстояли дела в Курляндии? У Анны Ивановны появился новый жених – Мориц, граф Саксонский, незаконный сын польского короля Августа. Мориц искал богатой невесты, и таковой ему виделась герцогиня Анна. Для того чтобы уладить дело, необходимо было согласие государыни Екатерины. Мориц собирался было ехать в Петербург, но вместо этого поехал в Курляндию, чтобы лично засвидетельствовать Анне свое почтение. «Моя наружностьим понравилась», – писал Мориц из Митавы, имея в виду не только Анну, но и Бестужева, и курляндское дворянство.

В Петербурге тоже не хотели видеть Морица герцогом Курляндским. Тому было много причин. К Петру Бестужеву был 31 мая послан указ с объяснениями: во-первых, Мориц будет действовать в интересах короля польского, а интересы эти противны Курляндии; во-вторых, между Россией и Пруссией существует соглашение удержать Курляндию при прежних правах, и вообще, «прусский двор будет сердиться, зачем бранденбургскому принцу предпочтен Мориц?» Покуда шли все эти разговоры, выяснилось, что Польша одумалась и теперь тоже решительно против этого брака.

Несмотря на запрет Москвы, 18 июня сейм единодушно избрал Морица. Анна тут же послала письмо к Меншикову и Остерману с просьбой убедить императрицу дать согласие на этот брак. Это было чрезвычайно наивный поступок. Положим, Анна, по простоте своей, не разглядела интриги, но Бестужев-то был дипломат и тертый калач! Так или иначе, но он тоже не знал, что главным претендентом на Курляндию после смерти Петра выступил князь Александр Данилович Меншиков. Светлейший князь хлопотал для себя это герцогство еще в 1711 году – не вышло. А сейчас, видно, пришел срок.

Императрица же прислушивалась ко всем словам своего фаворита. Она направила в Курляндию Меншикова под предлогом осмотра войск «для предосторожности от английской и датской эскадр». Его сопровождал дипломат князь Василий Лукич Долгорукий. Он первым прибыл в Митаву. 6 июня от лица

Меншикова Долгорукий призвал правительство, сеймового марала, депутатов и объявил волю императрицы: выборы Морица необходимо признать недействительными, а герцогом курляндским следует избрать князя Меншикова. Маршал ответил, что сейм кончился, большинство депутатов разъехались по домам, а Меншикова в герцоги выбрать никак нельзя, поскольку он не немецкого происхождения и не лютеранского вероисповедания.

Очень показательно письмо Меншикова царице из Риги. Письмо длинное, не будем приводить его полностью. Вот начало: «Вашему Величеству нижайше доношу: прибыл я в Ригу 27 числа, а 28-го, уведав о моем прибытии, прибыла ко мне царевна Анна Иоанновна в коляске с одной девушкой, и, не быв в городе, стала за Двиною, и прислала ко мне служителя своего, который мне объявил о прибытии Ее Высочества и просил, дабы я к Ее Высочеству приехал туда повидаться, что я, выслушав, тотчас поехал и, когда прибыл в квартиру Ее Высочества, тогда изволила принять меня благоприятным образом и, приказав всех выслать и, не вступая в дальние разговоры, начала речь о известном курляндском деле с великой слезной просьбой, чтоб в утверждением курляндским князем Морица и по ее желанию о вступлении с ним в супружество, мог я исходатайствовать у Вашего Величества милостивейшее позволение, представляя резоны: первое, что уже столько лет как вдовствует, второе, что блаженные и вечно достойные памяти государь император имел о ней попечение и уже о ее супружестве с некоторыми особами и трактаты были написаны, но не допустил того некоторый случай». Это все одна фраза. Длинно, сбивчиво, но как уверенно держится Меншиков с двумя женщинами – и с императрицей, и с герцогиней!

Далее Меншиков пишет, что от имени императрицы дал герцогине достойный ответ. «Ваше Величество оного Морица для герцогства Курляндского для вредительства интересов российских и польских допустить никак не можете» – это во-первых, а во-вторых, «Ее Высочеству (то есть Анне) в супружество с ним вступать неприлично, понеже оный рожден от метрессы, а не от законной жены, что Вашему Величеству и Ее Высочеству и всему государству будет бесчестно». Вот где цинизм и двойные стандарты! Это пишет князь российский, бывший торговец пирожками, государыне с весьма туманным происхождением. Более того, Екатерина до венчания с Петром уже была замужем, мужа ее искали для развода, но так и не нашли.

Далее, судя по письму, между князем и герцогиней идет следующий диалог. Меншиков говорит, что Петр Бестужев, не

взирая на указы императрицы «не так поступал и по-видимому чинил фикции». Какие именно «фикции», Меншиков не говорит, но сообщает, что имеет об оном «особливый указ». Анна, прослушав этот указ, заявила, что если Морица нельзя в герцоги, то пусть уж им будет сам Меншиков, поскольку при нем она «во владении своих деревень надеется быть спокойна», а «ежели другой кто избран будет, то она не может знать, ласково ль с ней поступать будет и дабы ее не лишил вдовствующего пропитания». Далее она опять просит за Бестужева, чтобы «быть ему при ней по-прежнему». Меншиков на это, если вкратце, говорит, мол, посмотрим: «Ты с нами по-хорошему, и мы с тобой по-хорошему».

Анна отправилась в Митаву; Меншиков ехал за ней следом с большим конвоем и ночью вступил в город. На следующий день он уже грозил сейму вводом в Курляндию двадцатитысячного русского войска. Вот ведь какие страсти!

Императрицу напугала решительность Меншикова, она хотела решить дело миром. Анна тем временем приехала в Петербург, упала к монаршим ногам с жалобами и просьбой о Морице. Меншиков был отозван назад, а вместе с ним и Бестужев. Верховный совет стал «исследовать о проступках тайного советника Бестужева», а также давать оценку поведению Меншикова и князя Долгорукова (отца несчастной битой дочери Александры Салтыковой) – «все ли они тако чинили, как наши указы повелевали». Верховный совет решил, что «Бестужев не без вины», но его оставили в покое. Претензии Меншикова на курляндский трон были признаны несостоятельными.

Далее события развивались уже по шпионскому сценарию. В Митаву с тайным указом послан генерал-майор Девьер, доверенное лицо императрицы. Указ мы публикуем с некоторым сокращением, уж слишком он многоречив: «Надобно вам тайным образом разведать, кто из курляндцев желает присоединения Курляндии к Польше и кто этого не желает, кто относится доброжелательно к России и кто требует ее покровительства. Доброжелательных курляндцев обнадежьте нашей милостью и прилежно трудитесь всякими способами им внушить, чтоб они и противную партию к себе склоняли, при этом можно раздавать подарки и денежные дачи. Также проведайте, нельзя ли склонить к принятию подарков тех польских вельмож, которые назначены будут в комиссию для решения курляндского дела. Также разведайте о Морице, но чтоб это свидание происходило тайным образом».

Девьер «разведал о Морице» и дал в Россию подробный отчет (январь 1727 года). Мориц Саксонский, авантюрист европейского

масштаба, совершенно задурил Девьеру голову. При упоминании в разговоре имени Екатерины I он так расчувствовался, что пустил слезу. Девьер не удержался: «Что вы плакать хотите?» Оказывается, у Морица болело сердце, что его оклеветали перед императрицей, а он клянется ей в верности и никогда не поступит «вопреки русским интересам». Но что же делать, если курляндцы любят его без памяти, «и все в честь его носят такое же платье», «и дворяне говорят меж собой в компаниях: надобно нам за него умереть».

В Петербурге не поверили Морицу. Его боялись, потому что он мог поссорить Россию с Польшей, а там и до войны недолго. Договорились до времени как бы забыть о Морице и имени его не упоминать. Меж тем отставленные женихи герцогини Анны ждали своей очереди. Бестужев поехал в Варшаву, чтобы объяснить польскому королю, что против Морица настроена и Речь Посполитая, и король Прусский. «Императрица имела зрелое рассуждение, избирала изо всех принцев, кто бы не был кому противен, и особенно королевскому величеству польскому, и никого не имела найти удобнее светлейшего князя Меншикова, который ни с какими посторонними державами не имеет никаких партикулярных интересов… и никакому другому государю противен быть не может». Великая наука дипломатия! Уж кто-то, но Меншиков был особенно «противен» любому из европейских королей.

Говорили, рассуждали, спорили… А между тем дни государыни Екатерины были сочтены. 10 апреля 1727 года у нее открылась горячка, 6 мая она скончалась. Императрица только-только слегла, а дворцовые интриги в борьбе за власть вошли в полную силу. Девьер был взят под стражу, пытан, потом обвинен в отравлении государыни и сослан в Сибирь. Отравителем Девьер не был, но «сказка» эта уже стала мифом. Покойная императрица любила сладости. Во дворце ее во всех комнатах стояли блюда с засахаренными фруктами. «Девьер отравил ее засахаренной грушей» – от этого вымысла Девьер не освободился за двести с лишком лет.

Сильный противник Меншикова Толстой тоже попал в ссылку с сыном, в Соловки. Бутурлина отправили в дальние деревни. Список битых и сосланных можно продолжать. «Птенцы гнезда Петрова» после смерти своего вождя вели себя самым непотребным образом.

Новым императором стал 11-летний Петр Алексеевич, внук Петра Великого. Роль опекуна до его совершеннолетия возлагалась на Верховный совет. Меншиков чувствовал себя при троне полноправным хозяином. Бестужева он вызвал в Россию, но

самой Анне не позволили приехать в Петербург для поздравления императора с восшествием на престол, хотя она об этом слезно просила. Меншиков хотел подчеркнуть, что линия Петра Великого возобладала, а потомкам соправителя Ивана рядом с русским престолом нет места.

Бестужев был вызван в Петербург с дальним прицелом. На имя молодого императора пришел донос на польском языке, в котором Бестужев обвинялся в хищении государственных денег, превышении власти и в распутстве.

Донос этот совпал по времени с возникновением «политического дела», инициатором которого был сам Меншиков. Дело Девьера вывело его на некий «кружок». Это были люди, которые сразу сосредоточились около молодого двора в надежде подняться при юном императоре вверх по служебной лестнице. В кружок входило много народу. Душой его была княгиня Аграфена Волконская. В кружок входили также братья ее Алексей и Михайло Бестужевы. Меншиков боялся чрезмерного влияния этих людей на императора и любимую им сестру его Наталью, а потому решил кружок разорить.

Повел себя сиятельный князь, как всегда, решительно. Около дома княгини Волконской была поставлена стража, ей запретили приезжать ко двору. Настоящих улик против княгини не было, но тем не менее ей велено было ехать жить в своих деревнях безвыездно. Другие члены кружка тоже пострадали, кто-то был понижен в должности, кто-то попал в ссылку. Братья Бестужевы были за границей на дипломатических должностях, их не тронули. Отца Бестужева пока не тронула опала, но Меншиков держал его при себе. Анна писала унизительные прошения к Меншикову с просьбой вернуть к себе фаворита, хотя непонятно, что она так старалась. В любовниках герцогини Анны уже ходил другой человек – Эрнст Иоганн Бирен. О нем поговорим позднее.

Мы знаем, что карьера Меншикова вскоре окончилась судом и сибирской ссылкой. 9 апреля 1728 года был издан указ, по которому князь был лишен дворянства и орденов, имущество его было конфисковано, а он сам, как простой арестант, должен был вместе с семьей отбыть на поселение в Березов.

Анна вздохнула с облегчением и тут же написала мальчику-императору верноподданническое письмо: «Я неоднократно просила, чтоб мне позволено было по моей должности Вашему Императорскому Величеству с восприятием престола российского поздравить и целовать Вашего Величества дорогие ручки, но получила на все мои письма от князя Меншикова ответ, чтоб мне не ездить. Ныне паки всепокорно Вашего Императорского Величества прошу повелеть мне для моей поездки в Петербург

поставить в прибавку почтовых, как прежде давно было, лошадей».

Прибавку почтовых Анне не сделали. Место Меншикова при троне занял Андрей Иванович Остерман, а он, видимо, считал, что Анне совершенно не обязательно лично видеться с императором и докучать ему просьбами. Бестужев вернулся в Митаву, где был встречен очень прохладно. Где и когда произошел столь крутой перелом в отношениях Анны и Бестужева? Да, у герцогини был новый любовник, но и при Бироне она продолжала хлопотать о Петре Михайловиче. А потом вдруг нет.

Бестужев осознал, что лишился поддержки Анны. Лишились ее и его дети. Особенно душа Петра Михайловича болела за опальную дочь. Несмотря на уединенный образ жизни княгини Волконской, между отцом и дочерью шла активная переписка.

Когда Анна вместе с Бироном отправилась в Москву, Бестужев написал дочери подробное письмо: «Я в несносной печали, едва во мне дух держится, потому что через злых людей друг мой сердечный друг от меня отменился, а Ваш друг (Бирон. – *Авт.*) более в кредите остался. Но Вы об этом не давайте знать, Вы должны угождать и твердо поступать и служить во всем, чтоб в кредите быть и ничем нимало не раздражать, только утешать во всем и искусно смотреть, что о нас он (Бирон. – *Авт.*) говорит, не в противность ли?» Далее идут подробные указания, с кем поступать дружески, кого избегать, чьей любви искать, а от кого таиться. «Отпишите осторожно под чужим конвертом о состоянии двора Ее Высочества (Анны. – *Авт.*), отпишите, как Ее Высочество и от кого принята будет». «Вы о моей обиде не давайте знать. Как будто ничего не знаете; служите старательно и верно. Безо всякой противности, хотя что и видите – молчите, только меня уведомляйте». И везде призыв: осторожнее! «Ради Бога осторожнее живите и пишите!»

Господи, что за мука так жить, без конца юлить, хитрить, ни одного шага в простоте, все игра и лицедейство! Но, видно, такова она, придворная жизнь.

Бестужевские призывы к осторожности не помогли. От дворового человека князя Волконского был написан Остерману донос на свою барыню: несмотря-де на приказ жить в деревне, она ездит в Москву и ведет тайную переписку с многими лицами, а недавно посыльный из Митавы привез письма от отца ее, а письма те зашиты в подушку.

Волконскую схватили, и 10 мая 1728 года она предстала перед собранием Верховного совета. Она призналась, да, виделась в Москве с некоторыми друзьями и родственниками. У нее

потребовали объяснения некоторым непонятным местам в письмах. Как ни темнила княгиня в своих ответах, у собрания создалось впечатление, что «княгиня Волконская и ее приятели делали партии и искали при дворе Императорского Величества для собственной своей пользы делать интриги и теми интригами причиняли при дворе беспокойство». Кроме того, собрание обнаружило и другие, более серьезные обвинения. Словом, княгиню Волконскую отправили в дальний монастырь, а «приятелей» разослали на поселения.

Пришла очередь за Бестужевым-отцом. Его взяли в Курляндии «с опалой», бумаги его были опечатаны. Герцогиня Анна и Бирон были в это время в Москве. Им были известны некоторые подробности из дела «кружка». Бирон проведал, что в письмах Волконская иначе как «каналья» его не называла. Анна была в негодовании: эта та самая княгиня, которой она столько лет оказывала покровительство! Бестужев знал, что бывшая благодетельница не простит ему последней интриги. Недаром он писал дочери: «Они могут мне обиду сделать, хотя б она (Анна. – *Авт.*) и не хотела, да он (Бирон. – *Авт.*) не простит».

Так оно и получилось. Бирон не простил, и Анна решила наказать Бестужева за строптивость. Для этого надо было заручиться поддержкой молодого двора. Император Петр обожал охоту, и Анна всерьез обеспокоена поиском охотничьих собак. Она пишет цесаревне Наталье Алексеевне: «Доношу Вашему Высочеству, что несколько собак сыскано для Их Величества так и для Вашего Высочества, а прежде августа послать невозможно». Уже в августе Анна пишет: «О себе Вашему Высочеству нижайше доношу: в разорении и печалях своих жива». Старая песня о бедности ее двора, но теперь послышалась новая нота. Она не просто бедна, она «разорена». А кто разоритель? Вот он, Бестужев Петр Михайлович, бывший ее обер-гофмейстер! Она ему чин тайного советника исхлопотала. А он? «По необходимой моей нужде послала я моего камер-юнкера Корфа в Москву, велела донести Его Императорскому Величеству, каким образом меня разорил и расхитил Бестужев».

Читатель еще не забыл про заложенные герцогские деньги, которые русская казна выкупила за 86 тысяч с лишком талеров? Те самые земли, которые Бестужев отдал в аренду? Анна пишет, что деньги Бестужев «тайно утащил и к великому повреждению моему с собой увез… Через злую диспозицию меня обманул и в великий убыток привел через финесы свои, как обо всем от меня посланный камер-юнкер Корф обстоятельно представит и доказательно учинит». Учредили комиссию с разбирательствами. Видимо, действительно было трудно разобраться, куда эти деньги

утекли, поэтому заседания комиссии длились долго.

На место Бестужева в Митаву для управления делами Петербург назначил «курляндца Рацкого». При дворе Анны он был принят плохо. Рацкий давно состоял на русской службе и честно отрабатывал свои деньги. Он докладывал в Россию Остерману, что двор Анны живет не по средствам и утопает в роскоши. Бирон состоит при ней камергером. Штат очень раздут, нравы вольные, герцогиня содержит много лишних людей и платит им высокое жалованье. Видно, герцогиня Анна жила гораздо веселее, чем писала об этом петербургскому двору.

* * *

Пришла пора объяснить, кто же такой новый возлюбленный Анны, Эрнст Иоганн Бирон. Как бы ни ругали его русские историки, личностью он был яркой, целое царское правление в России названо его именем. И время это – «бироновщина» – было мрачным. С последним не поспоришь, казней действительно было много. Но ведь это смотря с кем сравнивать. Если с Елизаветой, то все знают, дочь Петра в церкви обет дала не казнить смертью своих подданных. Но если сравнивать с правлением Петра… Анну и на трон-то выбрали из соображений, что она своим мягким правлением сгладит в памяти народа жестокости великого преобразователя.

Бирон родился 23 ноября 1690 года, то есть он был на три года старше своей благодетельницы. Подлинная фамилия Эрнста Иоганна – Бирен, но позднее ему сочинили достойную родословную, происходит-де он из старинного рода Биронов, корни которого восходят к XVI столетию. Однако наиболее правдивой является версия, по которой дед Эрнста Иоганна был всего лишь конюхом при дворе курляндского герцога, а отец с трудом дослужился до офицерского чина.

Еще в 1714 году Бирон (в 24 года) приезжал в Петербург искать места при дворе принцессы Софии – супруги царевича Алексея. Однако в должность Бирон не был принят из-за своего низкого происхождения.

Из переписки самого Бирона следует, что он учился в Кенигсбергском университете, но не окончил курс. Подвыпившие студенты затеяли на улицах города драку с городской стражей. Один из стражников был убит, и Бирон угодил под арест. В тюрьме он просидел довольно долго, поскольку городское начальство требовало уплаты штрафа в 700 талеров. Бирон ходатайствовал перед прусским двором о сложении с него

штрафа или хотя бы уменьшения суммы. Ответных документов не сохранилось, но из тюрьмы его выпустили. После неудачной учебы Бирон вернулся в Курляндию и был представлен обер-гофмаршалом Бестужевым вдовствующей герцогине Анне. По словам Нейбауера, Бирона пристроил на службу у герцогини курляндский канцлер Кайзерлинг, родственник посланника барона Кайзерлинга. Бестужев-отец вначале «по-родственному» покровительствовал Бирону, поскольку сам находился в любовной связи с его сестрой.

Присутствуя на коронации Екатерины в 1724 году, Бирон сблизился с Рейнгольдом Левенвольде, ее фаворитом, и стал известен императрице как знаток в лошадях. Екатерина Алексеевна потом писала Бестужеву об отправке в Бреславль «обер-камер-юнкера Бирона или другого, который бы знал силу в лошадях и охотник к тому был и добрый человек». В феврале 1725 года Бирон в чине обер-камер-юнкера был послан в Петербург поздравить императрицу с восшествием на престол и просить о некоторых курляндских делах; Анна Иоанновна лично писала по этому поводу к князю Меншикову и Андрею Остерману, прося о содействии.

Бирон был молод, хорош собой, он сумел найти правильный подход к герцогине Анне и стал для нее совершенно незаменимым человеком. А ведь он был женат. Что касается его брака, существуют различные точки зрения. Иные историки считают, что Анна, желая прикрыть свои любовные отношения с Бироном, сама женила его на своей фрейлине Бенигне Готлиб, даже без согласия родителей. Но остались нежные письма Бирона к Бенигне, они относятся к 1724 году.

Как бы то ни было, Бенигна отлично поняла смысл этой игры и постаралась стать «неразлучным другом» герцогини, а потом и императрицы. Суть своей жизни она видела в том, чтобы сохранить положение своего мужа при Анне I. Так они и жили втроем. Анна Ивановна, как говорили тогда, не имела «собственного стола», а потому обедала и проводила все вечера в обществе Бирона и его супруги.

Леди Рендо, супруга английского посланника в России, в своих «Письмах» пишет, что Бирон был представителен, но взгляд имел отталкивающий; Бенигна же «так испорчена оспой, что кажется узорчатой, у нее прекрасный бюст, какого я никогда не видела ни у одной женщины». Бюст в XVIII веке был неотъемлемым атрибутом подлинной красоты, того требовала мода, а оспины на лице часто просто не замечали. Оспа была так же распространена, как у нас насморк, с той только разницей, что многие умирали от этой страшной болезни.

Мы уже писали, что Анна любила охоту, знала толк в лошадях. Безусловно, всему этому ее обучил Бирон. Уже будучи императрицей, она носила одежду ярких цветов, никто не смел появляться на балу в черном – это тоже вкус ее фаворита.

Обрисуем еще несколькими мазками фигуру Бирона. Вот что пишут о нем современники уже в ту пору, когда Анна занимала русский трон:

«Бирон не отличался умом, но не был лишен здравого смысла, хотя многие и отказывали ему в этом. К нему можно по справедливости отнести пословицу, что обстоятельства создают человека: приехав в Россию, он не имел ни малейшего представления о политике, но через несколько лет коротко узнал все, что касалось государства. Он чрезвычайно любил роскошь и великолепие, в особенности лошадей». Манштейн, «Записки о России».

«Он говорит о лошадях и с лошадьми как человек, а с людьми – как лошадь». Граф Остен.

«Герцог очень тщеславен и вспыльчив, и когда выходит из себя, то выражается запальчиво. Он вообще очень откровенен и не говорит того, чего у него нет на уме, и отвечает напрямик или не отвечает вовсе. Он имеет предубеждение против русских и выражает это перед самыми знатными из них так явно, что когда-нибудь это сделается причиной его гибели». Леди Рендо, «Письма».

Хочется сказать несколько слов в его защиту. Обычная русская привычка – списывать все неприятности на окружение царя. Сам он чист, а вот ближайшие сотрудники – звери. Бирон не был садистом, не был жестоким человеком. В деле Волынского он действительно показал себя, но в лице Артемия Волынского он увидел своего соперника и расправился с ним в духе своего времени.

Он пережил Анну на тридцать два года. Был интриганом, честолюбие его не знало предела, но он, как умел, служил России: с достоинством перенес ссылку, а при Екатерине получил-таки давно желанную должность – стал герцогом Курляндским.

О том, как приглашали Анну на русский трон, написано очень много. Об этом мы тоже поговорим, но позднее. А теперь следует рассказать о судьбе старшей дочери царицы Прасковьи Федоровны, о несчастной Екатерине Ивановне, герцогине Мекленбургской.

Великая княжна Екатерина Иоанновна

Северная война России против Швеции в полном разгаре. Теперь военные действия перенесены на южный берег Балтийского моря, где большой стратегический интерес для русской армии имела Померания, а именно Мекленбургское герцогство.

Формально Мекленбург придерживался нейтралитета, но это никого не волновало. Русские и их союзники (Польша, Саксония, Дания) вели себя здесь как хозяева, брали провиант у местных жителей, останавливались у них на постой, а на все жалобы отвечали, что во всем виноваты шведы. Они наши противники, и мы имеем право преследовать их везде, включая и ваше нейтральное государство.

Во главе герцогства стоял герцог Карл Леопольд. Что такое Мекленбург – малый лоскуток Германии. А спеси! Карл Леопольд сумел переругаться не только с братом и собственным дворянством, но и со всей Европой. Вот этого человека Петр I и решил сделать своим родственником, женив его на племяннице Екатерине Ивановне.

Герцог Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский родился в Грабове 26 сентября (9 октября) 1678 года в семье герцога Фридриха I фон Мекленбург-Шверин (1638–1688) и герцогини Кристины Вильгемины Гессен-Гомбургской (1653–1722). Он вступил на престол в 1713 году после смерти своего старшего августейшего брата герцога Фридриха Вильгельма (1675–1713). Первой супругой герцога была с 27 мая (9 июня) 1708 года принцесса София Гедвига Нассау-Фрисландская (1690–1734). Вот как пышно все это звучит!

Мы не знаем, как отнеслась царица Прасковья Федоровна к этому браку. Наверное, скорбела – дочь была ее любимицей, и отпускать ее от себя в дальние края было истинной мукой. Но всякая скорбь должна иметь предел. Средняя дочь Анна давно замужняя, живет хоть и вдовой, но имеет свой двор, а свет-Катюшка все в девках сидит. А ведь, считай, уже перестарок, двадцать четыре года.

Брак Карла Леопольда был задуман давно. Еще осенью 1714 года в Петербург явился мекленбургский посланник барон Габихсталь сватать царевну Екатерину. Петр нашел предлагаемые брачные условия вполне приемлемыми. Но вот незадача, герцог был женат! Правда, всем было известно, что Карл Леопольд не сошелся с женой характером, что они давно не живут вместе и фактически разведены. Петру Великому нужен был официальный

развод.

Дело о сватовстве возобновилось два года спустя. В 1716 году в Петербург вновь прибыл барон Габихсталь с грамотой от герцога. Однако на этот раз герцога Карла Леопольда в качестве невесты интересовала другая сестра, а именно вдовствующая герцогиня Анна Курляндская. Богатые Курляндские земли были великолепным приданым. Впрочем, и от брака с Екатериной герцогу не хотелось отказываться. Император еще раньше обещал, что в случае женитьбы Карла Леопольда на княжне Екатерине, он, Петр, поможет вернуть Мекленбургскому герцогству потерянный город Висмар. Этот богатый город, принадлежащий некогда Ганзе, лежал в семи верстах от Балтийского моря и был совершенно необходим для морской торговли. По Вестфальскому мирному договору Висмар перешел к Швеции. На самом деле Петр сам бы хотел распоряжаться Висмаром – это было очень удобное место для военных складов, удобный порт и т. д.

В пересказе барона Эйхгольца (мы сошлемся на него еще не один раз) сватовство это выглядело следующим образом. Карл Леопольд колебался, кого из русских царевен взять в жены. Главным для него было заполучить в союзники могучего русского царя. Эйхгольц, обер-маршал Карла Леопольда и советник его во всех делах, в разговоре заметил, что царевна Екатерина Ивановна старовата для деторождения, а ведь главная цель этого брака – родить наследника.

Чтобы прозондировать обстановку, герцог отправился в Штральзунд к дипломату и царскому любимцу Павлу Ягужинскому за советом. Разговор кончился тем, что Карл Леопольд отдал Ягужинскому обручальное кольцо и письменное заявление, что женится на той из царевен, которую сам царь Петр ему порекомендует. Ягужинский отослал заявление в Петербург.

Между тем верный своему патрону Габихсталь продолжал обивать царский порог, умоляя дать в невесты вдову. Петру не нужны были сейчас разговоры о Курляндии – с Курляндией он сам разберется. Ему нужна была Мекленбургия. Тут весьма кстати пришла бумага от Ягужинского. Петр объявил посланнику, что дело решено, а если он будет настаивать на браке с герцогиней Анной, то его сошлют в Сибирь. Габихсталь смолк. Воистину браки заключаются на небесах.

Теперь предстояло составить брачный контракт. По заключении договора герцог обязывался вступить в брак немедленно в том месте, которое будет назначено по взаимному соглашению. Свадьба должна будет обставлена с подобающим торжеством. Герцог обязывается определить на содержание жены, ее штата достойное содержание, а именно незамедлительно

выплачивать по 6000 ефимков шкатульных денег в год и закрепить за ней, на случай своей кончины, замок Гистров с 25 000 ефимков ежегодного дохода. Все придворные чины должны были получать приличное содержание. Ее высочество останется православной, равно как и весь русский штат, при этом герцогиня Екатерина будет иметь православную церковь. Особо оговаривалось, что в надлежащие дни стол для ее высочества должен быть приготовлен постный.

Теперь обязанности императора. В силу свадебного договора Петр должен был снабдить царевну Екатерину Ивановну экипажами, гардеробом, посудой и прочим скарбом, кроме того, он обещал, «буде не удастся силой оружия отнять у шведов город Висмар с Барнеминдом», дать в приданое племяннице 200 000 рублей.

Еще царь Петр I Алексеевич гарантировал герцогу Мекленбург-Шверинскому и его наследникам необходимую военную помощь и защиту от внутренней оппозиции. В полное распоряжение великого герцога Карла Леопольда на время Северной войны передавались десять русских полков! Со своей стороны, русские получали право проживать в столице герцогства г. Мекленбурге, заниматься торговлей, иметь в портах пристани и склады, но главное – строить православные церкви. Отныне русские войска во время военных действий могли свободно проходить через Мекленбург и иметь здесь базы.

Свадебный договор был подписан представителями двух государств – вице-канцлером Шафировым и посланником Габихсталем. За мекленбургским посланником остался должок – грамотно оформленные документы о разводе. Габихсталь обязался в особом сепаратном артикуле предъявить эти документы до совершения брака.

Решено было, что венчание герцогской четы произойдет в городе Данциге. Туда должна была направиться целая делегация во главе с императором. Мать Прасковья Федоровна очень горевала, что по старости и нездоровью не сможет присутствовать на столь торжественном событии. А пока в Петербурге гремели балы в честь сватовства царевны Екатерины. Мать невесты тоже расщедрилась на богатый прием в честь немецкого свата Габихсталя. Всех и каждого она просила быть внимательным к любимой свет-Катюшке, которой трудно будет на чужбине.

27 января 1716 года невеста, а также государь с государыней и многочисленная свита выехали из Петербурга в Данциг. Жених приехал туда позднее, а именно 8 марта. Только здесь произошло его знакомство с невестой. До этого он ее никогда не видел. Как произошла эта встреча, мы не знаем. Безусловно, был соблюден

весь этикет, но о том, была ли в женихе хоть капля искренней приветливости, хроника молчит.

Остается фантазировать нам самим. Как уже было сказано, Карл Леопольд имел не просто трудный, но скверный характер. Перед нами, как сказали бы сейчас, «гламурное» его изображение – поясной портрет. Цвета серебра парик в мелкую буклю, лицо длинное, узкое, в нем есть что-то бабье. Виной тому круглый, как сдобная булочка, подбородок. Губы тонкие, злые, взгляд беспредметный, в никуда, как у профессиональной модели. Но видно, что герцог цену себе знает.

Историки пишут о нем как о деспоте. Он сжег замок брата, со своими подданными обращался круто, возражений не терпел, сам чинил суд, на расправу был скор, и разборки кончались не только тюрьмой, но и эшафотом. При этом был скуп. Известна его любимая поговорка: «Старые долги не надо платить, а новым нужно дать время состариться».

Теперь рядом с герцогом шла по жизни наша веселая толстушка Екатерина Ивановна. Судя по тому, что о ней пишут, у княжны «полупустой стакан» всегда был «наполовину полон», то есть она была оптимисткой и при этом остроумной, с каждым находила общий язык.

После первой встречи жениха и невесты в замке бискупа Варминского, князя Потоцкого, состоялась торжественная ассамблея. Праздник был великолепным. На свадьбу съехались не только представители союзников Дании и Пруссии, но приехал и блистательный король Польский Август II. Вся Европа спешила к Петру Великому засвидетельствовать свое уважение. Надеемся, что княжне Екатерине Ивановне удалось потанцевать на той ассамблее.

Вот еще интересная и необычная подробность. Накануне первой встречи Карла Леопольда и его суженой в небе полыхнуло вдруг северное сияние, которое раскинулось от горизонта до зенита. Петр писал об этом в Москву, что хоть и «натуральное это дело, однако зело ужасно было его видеть». Прекрасное зрелище это по народному поверью предвещало неминуемую беду. Сияние было столь обширно, что и в Москве его видели. Прасковья Федоровна лоб оббила перед иконами, молясь за здравие своей любимой дочери.

Что думала по этому поводу сама свет-Катюшка, мы не знаем. Каждая минута молодых, вплоть до самой свадьбы, была расписана. Они посещали музеи, замки, соборы и прочие достопримечательности. И это в немецкий март, солнце сияет, все зеленеет, кареты цугом, улыбки, смех, все нарядно, празднично. Вечером Екатерина Ивановна в театре, ей все было внове. Театр

произвел на нее сильнейшее впечатление.

А что жених? Заинтересовались ли молодые друг другом? Мимолетные взгляды, касание рук, нежные улыбки? Эйхгольц сообщает нам, что с царем Карл Леопольд держится скромно, «почти с рабским унижением», а с невестой – вежлив, но холоден. В СССР в пору развитого социализма был обычай продавать дефицитные продукты, или вещи, или книги – «с нагрузкой». Продают вам, скажем, «Трех мушкетеров», а в нагрузку – «Сборник отчетов по партийным съездам КПСС». Екатерина Ивановна была для герцога не более чем «нагрузкой» к возвращению Висмора и прочим благам, обещанным Петром. Впрочем, с царицей Карл Леопольд тоже был «вежлив, но холоден», холоден настолько, что Эйхгольц вынужден был защитить своего патрона перед дамами: «Кажется, светлейший жених еще не довольно познакомился и от дороги не в веселом расположение духа, но это пройдет».

Но время шло, а веселья у герцога не прибавлялось. Он был вежлив, но насуплен, а потом вдруг и с самим Петром проявил строптивость. М. И. Семевский описывает забавную сцену.

«…На четвертый день вдруг возник спор: лучше ли для кавалерии колоть по-шведски или рубить по-русски? Царь был последнего мнения, а герцог придерживался первого так усердно, что спор сделался шумным, а Эйхгольца бросало в пот, как Иуду».

Возвращаясь домой, Эйхгольц сказал герцогу: «Ради Бога, ваша светлость, берегитесь! Вы имеете дело с таким государем, с которым надобно обходиться осторожно. Какое вам дело, что лучше: колоть или рубить? Конечно, вы приехали сюда, чтобы колоть, но иначе».

Меж тем шло активное обсуждение брачного договора. Главное было на повестке дня – содержания двора Екатерины Ивановны. Эйхгольц в своих расчетах ссылался на расходы первой жены герцога. Но русские – Головкин, Шафиров и Толстой – подняли его на смех. Княжна Екатерина Ивановна дочь русского царя, ее нужно обеспечить куда богаче, чем прежних герцогинь Мекленбургских. Ранее герцог и герцогиня имели одного духовника. Это понятно, оба были одного вероисповедания. Но русская царица, хоть дома, хоть на чужбине, не может обходиться без архимандрита. А как обряд церковный соблюдать? Для этого надобно двенадцать певчих и ни на одного человека меньше! И вольно вам было платить гофмейстерине 500 талеров. Наши дамы стоят дороже. Жалованье гофмейстерины не менее 3000 талеров, и соразмерно этой «зарплате» должны получать и придворные дамы. Эйхгольц спорил до хрипоты, но сам герцог соглашался на все требования русских министров.

На радостях царь расщедрился и предложил Карлу Леопольду 200 000 рублей серебром. Это было наследство Екатерины Ивановны от покойного отца. Сумма эта в пересчете составляла 400 000 талеров. Карл Леопольд отказался от этих денег, напомнив царю, что ему обещан Висмар. Обиженный такой расточительностью герцога, Эйхгольц писал потом: «Так у нас из-под носу ускользнули 400 тысяч талеров. Зачем было не взять этих денег в зачет за несправедливые притеснения, претерпеваемые Мекленбургским краем от российского войска? Берегитесь, ваша светлость, чтобы эти русские не пожрали целого Мекленбурга!

– Пустое, – ответил герцог, – они нам ничего не сделают. Нет народа, который довольствовался бы столь малым. Русские едят траву и пьют воду».

Хорошее же мнение было у герцога о своей невесте и о России в целом!

* * *

Бракосочетание состоялось 8 апреля 1716 года в четвертом часу пополудни. Площадь перед домом, где жил царь, была полна народу. Люди приветствовали герцога криками. Маленькая подробность: когда герцог выходил из кареты, он зацепился своим роскошным париком за гвоздик и предстал перед людьми с лысой, как коленка, головой. Верный Эйхгольц поторопился снять парик с гвоздя и нацепить Карлу Леопольду на голову. Трудная, унизительная минута. Если есть какие-нибудь приметы относительно париков, то этот эпизод явно предвещал что-то нехорошее.

А во всем остальном все прошло благополучно. На бракосочетании присутствовали государь Петр, царица, король Польский и множество знатных русских и иностранных лиц. Перед торжественной церемонией царь, как раньше выражались, наложил на герцога орден святого Андрея Первозванного. Орден этот был учрежден 17 лет назад и считался в России самым главным. Герцог Карл Леопольд Мекленбургский был четвертым европейским монархом, ставшим кавалером этого ордена.

Обряд венчания состоялся в специально построенной для этого случая часовне. Таинство совершил православный архиерей. Далее последовал широкий свадебный пир. Темное небо расцветили огни фейерверков. Следующие дни тоже были отданы обедам и увеселениям. Король Август, желая блеснуть перед Петром, устроил различного вида потехи, в частности показную

битву саксонцев с городским войском.

Молодые весело провели медовый месяц. После свадьбы они отправились в Шверин. Туда же 8 мая прибыл Петр и был торжественно встречен войсками и министрами. Царю предоставили лучшие во дворце покои, но он отказался от них, переехав в помещение, предназначенное для его камердинера. Эйхгольц высказал предположение, что царь выбирает себе для ночевки тайные места из соображений безопасности. Но это чушь. Петр сызмальства чувствовал себя комфортно в маленьких комнатках с низкими потолками.

Петр мотался по европейским городам и весям, писал приказы, торопил в военных действиях союзников. В Шверин и Росток он только изредка наведывался, зато государыня Екатерина Алексеевна жила у молодой четы подолгу. Она не хотела задерживать Петра в его разъездах.

В Европе у Петра была серьезная задача, он искал дипломатические пути для заключения мира со Швецией. За этим он и взял с собой в поездку Шафирова, Толстого, Остермана и прочих своих «птенцов». Быть посредником в трудном замирении вызвалась Франция. Петр поехал в Париж. Пока царь знакомился с красотами Версаля, дипломаты сочиняли пункты мирного русско-шведского договора.

Здесь немного забежим вперед и дадим необходимые пояснения, чтобы потом не возвращаться к этой теме. Переговоры со шведами начались в 1718 году. Король Карл XII смирился с потерей балтийских владений, но неожиданная его смерть в Норвегии при Фридрихсгалле (и там он воевал!) круто изменила ситуацию. На шведский престол взошла сестра Карла – Ульрика Элеонора. Она думала ценой проволочек как-то договориться с русскими. Не получилось. Война возобновилась с новой силой.

Все эти страсти мало касались молодого Мекленбургского двора. Герцог плел домашние интриги, занимался большой политикой и мелкой склокой, герцогиня жила делами женской половины дома. Из записок Эйхгольца мы знаем, что у герцогини Екатерины, кроме обер-гофмейстерины, были еще три фрейлины: Салтыкова, Наталья Балк и Воейкова. Все трое были красавицами. Герцог и Эйхгольц решили приволокнуться за девицами, разыгралась придворная интрига, в результате которой Салтыкову отозвали в Россию.

Наталья Балк вышла впоследствии замуж за морского офицера Лопухина и в правление Елизаветы стала главной участницей драмы под названием «бабий заговор». Все перипетии этого заговора подробно описаны нами в романе «Трое из навигацкой школы» (серия «Гардемарины»). Бедную женщину

подвергли публичной казни, отрезали ей язык и сослали в Сибирь.

На первый взгляд у герцога Карла Леопольда и супруги его все выглядело благополучно, живи и радуйся, но на деле было не так. Неприятности давно поджидали молодую чету, да и самого Петра. Собственно, они появились еще до свадьбы. Вся Европа была настроена против этого брака. Дипломат Куракин писал Петру из Гааги: «Женитьба герцога Мекленбургского и отдача ему Висмара противна двору английскому. Мой долг донести, что никак не должно спешить с этою женитьбой, но прежде обстоятельно узнать о разводе герцога с его первой женой. Я от многих слышу, что при цесарском (венском) дворе еще идет процесс об этом разводе; цесарский министр мне говорил, что новый брак герцога не может считаться законным и дети от него рожденные способными к наследству. Положим, что этого брака не желают из зависти, не желают, чтобы царское величество имел сообщение с империей посредством Балтийского моря, то и этого достаточно. Если все друзья царского величества завидуют и подозревают и через это нынешняя дружба может быть потеряна, дружба очень нужная при нынешних обстоятельствах, то не знаю, сможем ли мы получить столько же пользы от герцога Мекленбургского, сколько от тех, которых дружбу для него можем потерять».

Куракин прав. И Англию, и Вену, и Данию, и ганноверского министра Бернсторфа волновала судьба Висмара. И дело здесь не только в том, что все эти государства не желали возвращения торгового города и порта Мекленбургии. Европа боялась Петра, боялась, что он начнет распоряжаться там, как в собственной вотчине, а ведь Россия никогда не имела недостатка в солдатах. Мы союзники, воюем сообща со Швецией и воюем, у каждого свой интерес. Но оставь нам право распоряжаться по-своему южными берегами Балтийского моря!

Петра эти европейские измышления не волновали. Свадьба свадьбой, но голова его всегда была занята делами государственными. Он оставил отечество не для того, чтобы на свадьбе у племянницы плясать, а чтобы лично следить за военными делами и реализовать основной план. В соответствии с ним, по договору с Данией последняя должна была высадить на шведский берег десант, а также помочь перевести морем туда же наши войска. По замыслу Петра, эта операция должна была вынудить Стокгольм просить мира. Необходимо также было отвоевать у шведов обещанный герцогу Висмар. Датчане готовы были воевать за Висмар, но явно не собирались отдавать его Мекленбургии. А что касается высадки десанта, то они

безобразно тянули время.

Кончилось дело тем, что датчане не высадили десант ни в июне, ни в июле, ни в августе, летнее время для операции было потеряно, но еще большая конфузия произошла с Висмаром. Генерал Репнин пришел к Висмару с четырьмя полками и пятистами драгунами на помощь датчанам, которые до этого осадили город. Но датчане объявили, что город и так им сдается и русская помощь не требуется. Репнин взбунтовался: как же не требуется, если он послан сильнейшим из союзников – русским государем! Но датчане стояли на своем: «В трактате о висмарской осаде, – сказал датский генерал Девиц, – ничего не упомянуто о русском войске, а только о датском, прусском и ганноверском, и теперь я без указа впустить русских в город не смею». Дело чуть не дошло до драки, но русские войска в Висмар так и не впустили, Репнин должен был повернуть назад.

Карл Леопольд Висмара тоже так и не увидел. Энциклопедический словарь за 1892 год сообщает: «Висмар был в 1256–1358 годах главным городом Мекленбурга и принадлежал Ганзейскому союзу. По Вестфальскому мирному договору (1648 год. – *Ред.*) после тридцатилетней войны он перешел во владение Швеции. В 1803 году Швеция заложила его Мекленбург-Шверину за 1 258 000 талеров с условием, что после уплаты той суммы она сможет взять его обратно, так что и теперь Швеция имеет номинально некоторые права на город, но о реализации их, конечно, нет и речи».

* * *

От герцога Карла Леопольда одна за другой шли жалобы на разорение его земли войсками датскими, прусскими и ганноверскими. Петр пытался защитить своего нового родственника и давал своим дипломатам жесткие указания обуздать союзников. Но главными врагами герцога были не датчане и не ганноверцы, а его же собственная шляхта. Местное дворянство было крайне недовольно политикой своего государя. Причем они готовы были терпеть неудобства от европейских армий, но только не от русских. Шляхта была готова приложить все усилия, чтобы выдавить армию Петра из Мекленбурга. Русские были чужаки, они были непонятны и неприятны.

Главным врагом герцога и самого Петра в этом деле был ганноверский министр Бернсдорф, урожденный мекленбуржец. Он с самого начала был против брака герцога с русской княжной и в своих интригах дошел до того, что рассорил Петра с Англией

и много навредил в отношениях России с союзниками. У Бернсдорфа было много «согласников» и при датском дворе, и в самом Мекленбурге. Формируя оппозицию, он откровенно пользовался денежным подкупом.

Сам герцог своих подданных иначе как «мятежниками» не называл. Эйхгольц дает описание заседания правительства Мекленбурга, на котором герцог председательствовал. Со стороны царя во дворце присутствовали Шафиров и барон Шлейниц. Заседание обсуждало проблемы нового брака герцога, Висмара, военных убытков и дворянства. Первые вопросы были быстро согласованы, но дальше пошла ругань. Видимо, четвертый пункт касался прав и привилегий шляхты. Герцог так поносил своих дворян, грозил им такими карами, что Эйхгольц сказал ему в сердцах: «Если ваша светлость станете так поступать, то лишитесь земли и подданных». Шафиров держался дипломатично, утверждая, что не знает законов Мекленбурга, поскольку в каждом германском княжестве свои законы.

Дело кончилось тем, что Петр поддержал герцога, и многие депутаты мекленбургского дворянства были арестованы. Ягужинский советовал царю этого не делать, Европа не Россия, но к его мнению не прислушались.

Тем временем, содержание русского экспедиционного корпуса числом до 10 полков легло тяжелым бременем на мекленбургское дворянство, которое взбунтовалось против Карла Леопольда так, что ему пришлось бежать за пределы герцогства и начать собирать армию, чтобы наказать обидчиков и противников его монаршей власти. В конфликт на стороне дворянства вмешался австрийский император Карл VI, который и направил в конце 1718 года в Мекленбург ганноверско-брауншвейгский корпус. Армия герцога была разбита, часть ее дезертировала.

Теперь герцог постоянно должен был прятаться за спину русского царя. В 1717 году к Петру, пребывавшему тогда в Ахене, явился вдруг Эйхгольц и высказал просьбу своего господина. Герцог просил при удалении русских войск из страны оставить семь полков для защиты его особы «против всякого насильства». Царь спросил удивленно: «Знает ли герцог, что требуемые семь полков составляют 11 000 человек? Не много ли это для его личной защиты?»

Эйхгольц промолчал. Он часто находился между двух огней. Петр поручил Остерману и Толстому разобраться с «просьбой» герцога. Может быть, его жизни действительно угрожает опасность? В конце концов, решено было оставить Карлу Леопольду для личных услуг два русских полка.

Эйхгольц очень нервничал, везя в Шверин царский ответ, ведь

герцог всегда требовал от приближенных, чтобы его приказы исполнялись неукоснительно. Однако на этот раз Карл Леопольд остался доволен распоряжением царя, послал ему благодарственное письмо с курьером, но потом не удержался и опять стал канючить о защите его особы от врагов, реальных и мнимых.

Петр разозлился и велел ответить герцогу, что не намерен ради прихоти Карла Леопольда ссориться со всеми, и в частности с Австрийской империей.

А тут произошла и вовсе детективная история. Герцогиня Екатерина Ивановна, во всяком случае первые годы, жила в согласии с мужем, выполняла его желания и тоже писала царю просительные «грамотки». Одно из таких писем Эйхгольц передал царю. Тот из-за занятости не распечатал его сразу, а сунул в шкатулку. Готовясь к отъезду из Ахена, Петр в ту шкатулку заглянул и увидел письмо племянницы. Приведем это письмо с сокращениями и с исправлением орфографических ошибок: «Милостивый Государь мой дядюшка и батюшка, царь Петр Алексеевич, здравствуй на множество лет! При сем прошу Ваше Величество не применить своей милости до моего супруга, понеже мой супруг слышал, что есть Вашего Величества на него гнев, и он то слыша, в великой печали себя содержит, и надеется, что некий наш злодей Вашему Величеству донес неправду, не хотя его видеть в Вашей милости. При сем просит мой супруг дабы Ваше Царское Величество не изволили слушать таковых несправедливых доношений на него; истинно мой супруг Вашему Величеству себя объявляет верным слугой» и т. д.

При прочтении письма присутствовали Толстой и Шафиров. Легко понять, что про некого «нашего злодея» Екатерина не сама придумала. Герцог через жену обращался к Петру по-родственному, а у Карла Леопольда все вокруг были негодяи и мошенники, такими же он видел и окружение Петра. Но не тут-то было. Толстой и Шафиров смертельно обиделись и обозлились – кто этот «наш злодей»? Что значит «донес неправду»? К ответу был призван Остерман. Ведь это он вместе с Толстым урегулировал вопрос с русской армией и охраной герцога от «злопыхателей».

Дело принимало неприятный оборот. Объяснить все мог только Эйхгольц. Когда пришел грозный приказ царя «идти на ковер», бедный Эйхгольц сидел в ванне. На негнувшихся ногах пошел он прояснять ситуацию. Ему пришлось немало повыкручиваться! Он клялся, что ничего не знал о содержании письма герцогини. Божился, что даже представить не может, кого герцог, вернее герцогиня Екатерина, подразумевает под «злодеем

и доносителем»! Допрос вел один Шафиров, Толстой по приказанию царя успел отбыть в Вену в поисках скрывавшегося там царевича Алексея. Но, конечно, Эйхгольц не осмелился приписать вину Толстому. Он говорил, что скорее всего оскорбительные намеки Карла Леопольда относятся к Головкину или Долгорукову… поскольку герцог подозревал недоброжелательство последних к его особе. Так Карл Леопольд одним махом восстановил против себя окружение царя.

Далее герцог Карл Леопольд сочинил некую меморию. Это был список претензий к своему дворянству. Карл Леопольд беззастенчиво присваивал себе движимое и недвижимое имущество своих подданных, сорился из-за меркантильных интересов с австрийским императором, а у Петра просил для себя защиты. Петр отдал меморию Остерману для перевода на русский язык, а когда ознакомился с этим трудом, сказал герцогу с раздражением: «Что вы тут затеяли? Это вещи несправедливые и весьма тиранские. Не забывайте, что император этого никак не позволит. А я не могу и не хочу вам помогать в подобных делах».

Меж тем дела с оформлением развода тоже шли с большим скрипом. Первая жена герцога была не согласна с решением суда. Она требовала, чтобы герцог вернул ей приданое и назначил пенсию, приличную ее сану. Но герцог скандалил, не соглашался и кричал, что это грабеж. Скуп был Карл Леопольд. Он никак не хотел расставаться со своими деньгами.

Когда Петру рассказали об этом последнем, он пришел в ярость. Рушились все его планы. Если долго тянуть с разводом, то брак Екатерины Ивановны могут счесть недействительным. Царь не пожелал разговаривать с Карлом Леопольдом, который находился тут же, во дворце за стеклянной дверью, а вызвал секретаря и велел передать на словах.

– Скажи ему, что я дал племянницу свою на совесть, но никогда не соглашусь, чтобы ее могли когда-либо считать за наложницу!

Через стеклянную дверь Петр видел, как герцог, выслушав секретаря, заломил в тоске руки: «О, горе мне!» Карл Леопольд был не только хорошим интриганом, но и неплохим актером.

Но деваться ему было некуда. С разведенной герцогиней был заключен новый договор. Ей выдали единовременно 30 тысяч талеров, а также назначили пенсию в 5000 талеров. Развод был оформлен по всем правилам, брак русской княжны с герцогом был всей Европой признан действительным. И как раз вовремя, потому что 7 декабря 1718 года Екатерина Ивановна родила дочь. При крещении по лютеранскому обряду девочку нарекли Елизаветой Христиной. Ребенок родился крепким и здоровым.

При крещении в России в православную веру девочка получила имя Анны Леопольдовны. Так ее по русской традиции и называют.

Екатерина Ивановна загодя написала в Петербург, что ей вскоре предстоит стать матерью. «Принимаю смелость я, государыня тетушка, Вашему Величеству о себе донесть: милость Божию я обременела, уже есть половина. И при сем просит мой супруг, також и я: да не оставлены мы будем у государыня дядюшки, також и у Вас, государыня тетушка, в неотменной милости. А мой супруг, такоже и я, и с предбудущим, что нам бог даст, покамест живы мы, Вашему Величеству от всего нашего сердца слуги будем государю дядюшке, такж и вам, государыня тетушка, и государю братцу царевичу Петру Петровичу, и государыням сестрицам: царевне Анне Петровне, царевне Елизавете Петровне».

В 1719 году Екатерина Ивановна побывала в гостях у сестры своей Анны, герцогини Курляндской. Видимо, сестры пожаловались друг другу на тяжкую судьбу свою. Анна как была, так и оставалась вдовой, но замужней Екатерине Ивановне впору было завидовать судьбе своей вдовой сестры. Здесь приоткрылась занавесочка, и стало понятно, что жизнь Екатерины Ивановны невыносима. Карл Леопольд оказался груб, жесток, жаден. Он и не собирался соблюдать правила свадебного контракта – не давал жене содержания. Попросту говоря, держал ее в черном теле.

Ах, как разволновалась мать, узнав о бедственной судьбе своей дочери. И тут потоком потекли письма к Екатерине Алексеевне: «Прошу у Вас, государыня, милости… побей челом царскому величеству о дочери моей, Катюшке, чтоб в печалях ее не оставил в своей милости; так же и ты, свет мой матушка моя невестушка, пожалей, не оставь ее в таких несносных печалях. Ежели велит Бог видеть Ваше Величество, я сама донесу о печалях ее. И приказывала она ко мне на словах, что и животу своему не рада… приказывала так, чтоб для ее бедства умилосердился царское величество и повелел быть к себе…»

Петр и сам знал о несладкой жизни племянницы. Еще когда Екатерина Ивановна гостила у сестры Анны, Петр велел выдать ей тысячу рублей из курляндских доходов. Через год, когда Екатерина Ивановна была с мужем в Вене, Петр перевел через банк для племянницы 5000 ефимков. Но эти подачки ничего не решали. Денег все равно не было, двор был беден, штат был мал, певчих не хватало и со священниками была нехватка. Мать Прасковья Федоровна последним была очень обеспокоена и активно хлопотала о посылке в Мекленбург священников.

Мало того, Екатерина Ивановна оказалась больна. Видимо, это были осложнения после родов. Диагноз издалека мы

поставить не можем. Известно только, что у Екатерины были судороги и вздутие живота. «А что пишешь ты про свое брюхо, – пишет в ответ дочери заботливая мать, – и я, по письму вашему не чаю, что ты брюхата. Живут этакие случаи, что не познается; и я при отъезде так была, год чаяла брюхата, да так изошло. Отпиши еще поподлиннее про свою болезнь и могут ли дохтуры вылечить?»

Как это трогательно звучит: «да так и изошло…». Мать Прасковья Федоровна подозревает беременность, сама же в нее не верит, боится, нет ли у дочери «в брюхе опухоли» и уговаривает ее в письмах поехать лечиться на Олонецкие воды. Помогут или нет «марципановые воды» – неизвестно, но одно точно: не помешают.

Водолечение было очень модно в то время. Ввел эту моду сам Петр, который часто ездил «лечиться на воды». Он был крайне любознательным человеком, и одними из важнейших его увлечений являлись анатомия и медицина. Желая людям помочь и совершенно искренне пытаясь облегчить страдание, он сам рвал зубы, иногда здоровые, а не будем забывать, что об обезболивании в XVIII веке речь не шла. Так же, собственноручно, Петр пускал кровь, вскрывал нарывы, «спускал воду» при водянке и искренне удивлялся, если больные умирали.

В своих медицинских опытах и поисках новых знаний он не знал жалости. Вспомните историю фрейлины Гамильтон. Фрейлина состояла в штате императрицы, по совместительству была любовницей царя, потом влипла в историю – было какое-то дело о пропавших драгоценностях. Впрочем, версии о причинах немилости Петра разноречивы. Одно точно: фрейлина Гамильтон поплатилась головой, то есть буквально – состоялась казнь «с отрублением». Петр присутствовал на страшном действе. Самая устойчивая легенда на этот счет: он подошел к плахе, взял в руки отрубленную голову, поцеловал ее в губы, вернул на плаху и ушел прочь. Это романтическая подкладка события. Неромантическая версия: Петр поднял снесенную голову и с интересом принялся рассматривать «сруб». Последней версии верится больше. Это чудовищно, но таков уж он был, наш великий царь-преобразователь.

А супругу Карла Леопольда он всегда жалел, неоднократно звал герцогиню посетить Петербург, не забывая при этом увещевать ее своенравного мужа, чтобы тот «не все так делал, чего хочет, но смотря по времени и случаю». Но герцог Мекленбургский сам не ехал в Россию и жену не пускал. Прасковья Федоровна очень нервничала по этому поводу. Царица терялась в догадках, надеялась на лучшее, молилась за судьбу

своей дочери, ждала, ждала. А пока она посылала дочери подарки, это были дорогие меха – лисьи, собольи, бобровые, драгоценности, внучке – игрушки всякие для забавы. Не доверяя письмам дочери, в которых та заверяла мать, что все у нее благополучно, царица засылала в Мекленбургию своих людей, чтобы сами посмотрели, как свет-Катюшка живет-поживает, а по возвращении в отечество рассказали бы истинную правду.

Внучка подрастала, а Прасковья Федоровна еще ни разу ее не видела. Старушка уже была серьезно больна (58 лет), с кровати не вставала и всерьез опасалась, что не увидит перед смертью любимую свет-Катюшку и «крошечку-малюточку внученьку мою Аннушку». Малое дитя живет в неметчине, русского языка не знает, а ведь пора уже ребенка и грамоте учить…

«А о себе пишу, что я всеконечно больна и лежу в расслаблении и тебе, Катюшка, всеконечно надобно ко мне приехать для благословления и для утешения мне». «А письма твои, Катюшка, чту, и всегда плачу, на их смотря». Наверное, Екатерина горевала из-за тяжелого характера мужа и, как следствие, трудного его положения. Прасковья Федоровна совершенно искренне была уверена, что если герцог с женой приедут в Россию, то все его неприятности тотчас рассеются. Уж кто-кто, а государь Петр все сможет решить в самом наилучшем виде.

Как мы уже говорили, Петр хорошо относился к племяннице и неоднократно писал ей. Обычно письма были писаны секретарем, но часто Петр делал собственноручные приписки. Например, в 1720 году Петр написал Екатерине Ивановне, «дал зело радостную весть» о нашей победе над шведской эскадрой в Ламеланской гавани. Значит, он считал, что племяннице это будет интересно. «А что требовали Вы о твоей нужде, то исполним вскоре, також не извольте думать, чтобы мы Вас позабыли; но летать не умеем, а идем хотя тихо, только слава Богу не остаемся; а когда в наших делах добро свершитца, то и Вам без труда добро последовать будет». «Летать не умеем», – пишет Петр легким пером, заранее уверенный, что Екатерина Ивановна оценит его стиль и шутку. И поверит его обещаниям.

Екатерина Ивановна сама часто писала царю и всегда получала в ответ неизменно дружелюбные «грамотки». Герцогиня поздравила царя с Новым годом – получила в ответ иронично-светское послание: «Пресветлейшая герцогиня, дружелюбно-любезная племянница! Мы благодарствуем Вашему Царскому Высочеству и любви за учиненное по отправленной к нам Вашей приятной грамоте от 10 января минувшего года поздравление с новым годом. И яко мы, во всем том, что Вашему Царскому

Высочеству приятное и пожеланное приключиться может, особливо радостное участие приемлем, такого взаимно желаем мы Вашему Ц. Высочеству, и любви от Всевышнего, так в наступившем новом году, как на многие следующие лета всякой счастливости, постоянного здравия и саможелаемаго благоповедения и пребываем навсегда Вашего Царского Высочества дружебно-охотный дядя Петр». Вот как поздравляли в XVIII веке с Новым годом!

И, конечно, Петр не забывал давать через жену мудрые советы неразумному мужу. Карл Леопольд так допек соседей, что в Мекленбург теперь уже на законных основаниях были введены войска союзников. Он тут же стал жаловаться на «экзекуцию». Петр писал Екатерине Ивановне: «Сердечно соболезную, но не знаю, чем помочь? Ибо ежели бы муж Ваш слушался моего совета, ничего сего б не было; а ныне допустил до такой крайности, что уже делать стало нечего. Однакож прошу не печалиться, по времени Бог исправит и мы будем делать сколько возможно».

А царица Прасковья совсем отчаялась. Уж сколько писем было писано, а дочь все не едет и не едет. В конце концов Прасковья Федоровна стала грозить Катюшке гневом Божьим. А как иначе заставишь неразумную исполнить дочерний долг?

* * *

Наступил 1721 год. Война со Швецией, продолжавшаяся двадцать один год, закончилась. 30 августа 1721 года в финском городке Ништадте был заключен мирный договор. Русские навсегда закрепили за собой выход к морю. По просьбе Сената и Синода Петр принял титул императора, а также наименование Великого и Отца отечества.

В официальном поздравлении племянницы с сим знаменательным событием Петр приписал: «И ныне свободни можем в Вашем деле Вам вспомогать, лишеб супруг ваш помягхче поступал».

Тут приключилась вдруг странная и таинственная история. В начале 1722 года, а именно в январе, в Россию прибыл курьером некто Тилье, мекленбургский полковник, и проследовал в Москву. Прибыл и прибыл, мало ли какие дела могут быть у этого полковника? Но случилась незадача. На подъезде к старой столице бедный Тилье был ограблен. Разбойники обобрали его до нитки, а одежду сменили на крестьянский полушубок – воистину ему встретились рыцари ночных дорог. Тилье вынужден был рассекретить себя. Так выяснилось, что полковник ехал в Россию

с тайным поручением раскрыть какой-то заговор против герцога Карла Леопольда. Непонятно, почему Тилье решил искать корни этого заговора в Москве. Следствием этого «заговора» явилось то, что многие серьезные люди в Мекленбурге подверглись аресту.

Между делом полковник Тилье сообщил, что сам герцог Карл Леопольд собирается в Москву. Сведения эти почерпнуты из записок Берхгольца, насколько им можно верить – судить историкам. Во всяком случае, Петр принял эту весть к сведению. Сам он собирался в Персидский поход и накануне отъезда написал племяннице: «Обнадеживаем Вас, что мы его светлости герцогу, супругу Вашему, в деле его вспоможения чинить не оставим. Но понеже потребно о так важном сем деле нам с его светлостью самим рассуждение иметь и о мерах к поправлению того согласиться; того ради мы к нему ныне отправили капитана Бибикова с грамотою нашей, требуя, дабы его светлость купно с Вами в Ригу приехали, и уповаем, что его светлость, оное, ради своей собственной пользы, учинить не отречется. А если, паче чаяния, его светлость для каких причин в Ригу не поедет, то в таком случае желаем мы, понеже невестка наша, а Ваша мать, в болезни обретается и вас видеть желает, дабы Вы для посещения оной приехали сюда, где мы с Вами и о делах его светлости переговорить и потребное об оных определить можем».

При этом капитану Бибикову еще вручена была незапечатанная собственноручная государева записка: «Паки подтверждаем, чтобы Вы приехали, понеже мать того необходимо желает для своей великой болезни». Зачем послал царь эту отдельную записку? Видно, не надеялся, что муж покажет жене приглашение.

Это тем более вероятно, потому что герцог «купно с женой в Ригу не поехал», «рассуждение» с царем иметь не захотел и остался дома. А Екатерина с четырехлетней дочкой поехала и прибыла в Москву в августе 1722 года. Прасковья Федоровна принимала дочь в Измайлово. Узнав, что свет-Катюшка едет на родину, она пришла в величайшее волнение. Навстречу дочери были посланы верные люди. Когда та была уже близко, хотела сама ехать, но болезнь не дала, и она послала встречать дорогих гостей своего фаворита – Василия Алексеевича Юшкова.

Ах, какая это была встреча: и мать, и дочь смеялись и плакали от радости! Герцогине с дочерью отвели хоромы во дворце рядом с матерью. Многочисленная свита разместилась во флигелях. Старушка сразу обнадежила дочь, что никакого убытку ей от пребывания на родине не будет, поскольку «весь кошт будет государев». Тогда еще никто не знал, что Екатерина Ивановна больше никогда не вернется в Мекленбург к мужу.

Жизнь в Москве в ту пору была «тихая». Государь, а с ним и Екатерина Алексеевна еще в мае отправились в Персидский поход, в Астрахань, с ними уехали многие из придворных. Дочери Петра, Анна и Елизавета, в сопровождении большой свиты отбыли в Петербург. Из знати в Москве оставались герцог Голштинский со своим штатом, светлейший князь Меншиков, генерал-прокурор Ягужинский, так что все-таки были вечера и балы.

В отсутствие двора старая столица «развлекалась» публичными казнями. В августе на Болоте (напротив дома на Набережной, на месте сквера с памятником Репину) был обезглавлен «государственный злодей» старец Левин. За строптивый нрав его признали безумным и осудили на смерть. Вина его была очевидной: он находил в императоре Петре Великом олицетворение Антихриста и даже не скрывал этого. Казни предшествовал розыск, многие лица духовного звания были тогда арестованы. Вместе с Левиным было казнено шесть человек. Отрубленные их головы были выставлены на колах для всеобщего обозрения, а голову самого Левина отвезли на его родину в Пензу. Подобным страстям Москва не удивлялась, к казням привыкли. Думаю, что Екатерина Ивановна, хоть и пригубила западную жизнь, тоже находила это вполне естественным. В Европе тоже казнили. Правда, там забыли уже, когда выставляли колья с головами, но ведь все дело в обычае. У вас такой обычай, у нас такой.

У Екатерины Ивановны было замечательное настроение. Не было рядом угрюмого, строптивого и вечно обиженного мужа, и она не упускала случая повеселиться. А случаев было много. Каждую радостную весть с театра персидской войны нужно было «отметить». Вот тебе и бал, и гремит музыка, и порхают дамы в менуэтах. Но главным развлечением было, конечно, питие. Тостов было не счесть, пили весь вечер, помня заповедь государя, пили Большого орла. Дамы не отставали от мужчин, но не забывали и про танцы. Екатерина Ивановна особенно искусна была в польском, менуэт ей давался менее.

А еще были свадьбы, именины, танцевальные собрания. Свет-Катюшка спешно целовала мать, которая передвигалась по дому в кресле на колесах, и бежала к своей карете. За веселый нрав и острый язык герцогиню Екатерину Ивановну очень отличал герцог Голштинский. С Басевичем, его министром, она тоже легко находила общий язык.

Описание этого периода жизни герцогини Екатерины Ивановны мы находим в записках заезжего голштинского офицера Берхгольца. Он молод, весел и доброжелателен, но на русскую

жизнь он смотрит глазами иноземца, а потому не упускает случая критиковать непонятное. В описаниях иностранцами жизни России много верного, но нельзя верить всему до конца. Русский путешественник в XVIII веке писал про Париж, что это город «овражистый и голодный». Заметки нашего замечательного сатирика и писателя Фонвизина тоже рисуют жизнь Запада с неприглядной стороны. Берхгольц, посещая Измайловское, каждый раз пишет, что кормили плохо, вина отвратительные и везде грязь. Глядя сейчас на ухоженную Европу, мы верим каждому его слову. Но не будем забывать, что в XVIII веке самое серьезное нарекание иностранцев вызывала, например, наша баня. Они не могли понять, как это человек может мыться два раза в неделю, а то и чаще. И тут же был сочинен миф, что баня нужна русским исключительно для разврата. А что иначе делать голому человеку в этой жаре, в этом чаду? И ведь еще вениками себя секут. Что это, как не изощренное любострастие?

А что мог понять камер-юнкер Берхгольц в уважительном отношении русских к юродивым? Какая там древняя традиция! Просто странная любовь к нечистым, нечесанным, пропахшим чесноком уродам! Чесночного духа Берхгольц русским никак не мог простить и был в этом вопросе особенно непримирим.

Берхгольц сразу по приезде Екатерины Ивановны посетил Измайловское и отозвался о русском быте очень строго. Дворец грязный, меблирован плохо, а что совсем ужасно, так это фланирование тут и здесь тех самых странных, грязных, пропавших чесноком людей. Вот старик гусляр, который уселся удобно и затянул диковинные, ни на что не похожие песни. Екатерина Ивановна слушает его с удовольствием. Разве можно ее понять? Ведь уже жила и в Ростоке, и в Шверине, могла бы черпануть западной культуры. Тут же шуты, скоморохи, какая-то старуха в отрепье, босая, нечесаная, исполняет странный, явно неприличный танец, а Екатерина Ивановна знай смеется громко, явно приглашая голштинцев разделить ее веселье.

24 ноября 1722 года в здании Сената отмечали день ангела императрицы Екатерины Алексеевны и герцогини Екатерины Ивановны. Знатная была пирушка! Екатерина Ивановна была в центре внимания. Кормили изрядно, и если бы не чесночный и луковый дух, так любимый русскими, то Берхгольц был бы доволен. Пили по обычаю очень много, а потом, хмельные, шумной компанией отправились в Измайлово.

В Измайлово все на скорую руку, да, комнаты неудобные, все спальни проходные, но гостям, как всегда, рады. Больная Прасковья Федоровна принимала гостей лежа в кровати, но тем не менее весело осушила за компанию не одну чарку. Берхгольца

всерьез занимают отношения Екатерины Ивановны и герцога Голштинского. Видно, он подметил в отношениях этих двоих взаимную симпатию и теперь ждет продолжения. И вот он приехал! Оказывается, Екатерина Ивановна уже приготовила герцогу подарок, который и преподносит торжественно. Это прекрасно сделанные четки, молодая хозяйка знает, что нужно дарить.

Ужин за длинным узким столом, все наскоро перекусили, чем Бог послал, вина, по обыкновению, плохие. А дальше танцы, танцы до упаду!

Между делом Берхгольц замечает, что между Екатериной Ивановной и Басевичем, секретарем герцога Голштинского, возник горячий спор из-за ее далекого супруга, герцога Мекленбургского. Берхгольц предполагает, что Басевич придерживался справедливости, то есть активно порицал герцога за сумасбродства, а Екатерина Ивановна как могла защищала мужа. Бог весть, о чем там был спор. Вряд ли наша героиня, пребывая дома в веселой компании, так уж пеклась о репутации своего мужа. Хотя, кто знает, понять психологию герцогини, даже несчастливую в браке, нам не дано.

Прошло три дня, и бдительный Берхгольц обнаружил, что Екатерина Ивановна опять встретилась с герцогом Голштинским. На этот раз встреча произошла на обеде в доме у ее дядюшки, уже известного нам Василия Федоровича Салтыкова. Дом его, «деревянный, ветхий, весьма плохой», находился рядом с Немецкой слободой. Публика самая изысканная, тут и родня – семейство Ромодановских (сестра Прасковьи Федоровны была замужем за князем-кесарем), а также Головкины, Татищевы и прочие. На дворе пост, а за столом у дядюшки для мужчин подавали скоромные блюда.

7 декабря знатная попойка состоялась уже в Измайлове. Праздновали день рождения четырехлетней Анны, дочери герцога Мекленбургского. Все то же самое: вина скверные, кушанья приготовлены плохо, на стол поданы некрасиво. Герцог Голштинский танцевал с Екатериной Ивановной, весело было необычайно. Малютка Анна плясала наравне со всеми.

Список званых обедов можно продолжать, но описания их мало отличаются один от другого. Перейдем к театру, новому увлечению Екатерины Ивановны. Она стала театралкой в Европе и теперь в Измайлово решила использовать накопленный опыт. Сколько их потом было, этих театров, где актерами были крепостные! И среди приусадебных театров были поистине великолепные, вспомните Парашу Жемчугову в Останкино. А в Измайлово искусство это только зарождалось, и пьеса была

наивной, и декорации убогими, и костюмы самые доморощенные. Об актерах и говорить нечего. Им непонятны и странны были барские забавы. Но ведь играли. Правда, заглавные роли исполняли фрейлины и придворные дамы. Обязанности режиссера, автора и распорядителя взяла на себя Екатерина Ивановна. Премьера… Сцена, занавес, зрители в креслах. Больную маменьку Прасковью Федоровну доставили на спектакль в кресле на колесиках.

Немцы тоже присутствовали на спектакле, но не поняли ни слова из русского текста. Берхгольцу было за что критиковать театр. Он не понял текста, но понял хозяйку дома, когда она, показав на актера, играющего царя, сказала насмешливо, что этот «царь» перед выходом на сцену получил двести палочных ударов. Актер был «холопом» Екатерины Ивановны. Думается, что Берхгольц или не понял или перепутал количество ударов, после двухсот палочных ударов сам на сцену не выйдешь – надобно будет нести. Кроме того, на каждом представлении Берхгольц нес материальные убытки. То у него табакерку украли прямо из кармана, то шелковый платок. Может, виновником кражи был как раз «сценический царь»? Но это не меняет дела, избитый холоп – это всегда отвратительно.

Только отпраздновали день рождения малютки Анны Карловны (или Леопольдовны, как зовут дочь герцога Мекленбургского по русской традиции), как пришло известие, что через несколько дней в старой столице будет царь. Возвращение Петра из Персидского похода ждали давно, но приезд его, как выпавший в ноябре снег, был все равно «неожиданностью». Поздно вечером в Измайлово на взмыленной лошади прискакал Берхгольц и объявил: «Государь в 15 верстах. Завтра будет здесь!»

Приезда царя страшились. Как обычно бывает, ближайшие сподвижники императора в его присутствии состояли друг с другом в отличных отношениях – все для благо отечества! Но стоило им остаться одним, «птенцы» тут же вцеплялись друг другу в глотку. Уезжая в Астрахань, Петр оставил «оком государевым» генерал-прокурора Павла Ягужинского. Его должны были слушаться все. Его и слушались, может быть, для виду, но каждый защищал свои интересы. В отсутствие Петра в Сенате произошла большая свара между знатнейшими тузами России – князем Меншиковым и бароном Шафировым. Оба вельможи имели великие заслуги перед государством, но «деньги не поделили». И разразилась великая брань. Партикулярные споры привели к ругани не только словесной, письменной, но и к драке. Приезд государя все должен был расставить по своим местам.

Петр въезжал в Москву с триумфом. Благо триумфальные

ворота сохранились еще с прошлого года, народу на улицах было великое множество, у всех ворот шло угощение, пушки палили, колокола звенели. Народ кричал «ура!». Конечно, Екатерина Ивановна присутствовала на встрече государя, была она и на пиру, который состоялся в тот же вечер в Преображенской съезжей избе.

Москва пила неделю беспробудно. Государь был весел, и хотя дела государства требовали его участия, он находил время и для увеселения на ассамблеях, публичных маскарадах, балах, театральных представлениях и т. п. Не забыл государь и свою больную родственницу – царицу Прасковью Федоровну. Первый раз он приехал в Измайлово по-семейному, соболезнуя болезни невестки, поговорил пристойно, расспросил о новостях, пожелал доброго здравия, а второй раз явился уже для пирования со свитой. Прасковья Федоровна, несмотря на болезнь, составила обществу компанию. Это было приятно царю. Он всегда обходится с ней ласково, видно, Прасковья Федоровна во все время долгих их отношений умела угодить царю. Она поддерживала его во всех начинаниях. Кроме того, у нее был легкой характер, она ценила шутку, не было в ней боярской угрюмости и подобострастия. И хоть она не отказывала себе в удовольствии придерживаться старых обычаев и превратила дворец свой в странноприимный дом, который Петр за глаза называл прибежищем уродов, юродов и ханжей, он явно угадывал в ее поведении что-то новое, западное, европейское. Кто поймет старые русские обычаи? Самозванцу Дмитрию бояре не простили, что он ел телятину, пел и любил танцы. Смеяться тоже считалось зазорным. А в доме Прасковьи Федоровны при всем боголепии царил легкий дух.

И свет-Катюшку царь любил. Несмотря на тучность, она отплясывала без всякого стеснения. Царь давал ей советы: чтоб похудеть и в порядок себя привести, надо меньше спать и поменьше есть. Екатерина Ивановна свято поверила словам Петра, назначила себе строгий пост, но натура брала свое. Кому суждено быть тучным – так тому и быть.

Меж тем в Сенате шел разбор свары между Шафировым и Меншиковым. Последний от волнения даже слег. Ясное дело, что виноваты были оба, но царь решил дело в пользу Меншикова. Тем не менее следствие по одному из его дел не было закрыто. Как обычно, за Меншикова заступилась Екатерина, на что Петр ей сказал в сердцах: «Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила мать его, и в плутовстве скончает живот свой, и если он не исправится, то быть ему без головы».

Дело Меншикова-Шафирова было кончено 14 февраля 1723 года, и тут же была назначена казнь министра и вице-канцлера

барона Шафирова. К действу приступили в 7 часов утра при огромном стечении народа. Шафирова привезли к эшафоту в простых санях, тут же был прочитан приговор с перечислением его злодеяний. Огласили приговор – смертная казнь с отсечением головы. Приготовление к казни было очень тщательным. Несчастного раздели, сняли парик, уложили голову на плаху. Палач поднял топор и опустил его с аханьем… Но не на плаху, а подле. Шафирову оставили жизнь. Попугали, постращали, потом доктор пустил кровь во избежание шока от пережитого потрясения, и поехал наш барон в ссылку в дальние края. Конечно, герцогиня Екатерина Ивановна видела все действо и вместе со всеми порадовалась бескровному концу. Она не была жестокой. Кто ей Шафиров – никто, но помилование – это всегда приятно и празднично.

Петр окончил московские дела и отбыл в Петербург. За ним, как водится, потянулись все прочие. Прасковья Федоровна с дочерьми, несмотря на хворь, тоже решила перебраться в Северную столицу. По распоряжению государя к измайловскому дворцу были поданы подводы и, не дожидаясь весенней распутицы, семья тронулась в дорогу. С трудом добрались до Великого Новгорода, а там решили передохнуть. Кроме того, в дороге расхворалась младшая дочь княжна Прасковья, и маменька срочно пишет письмо в Петербург благодетельнице Екатерине: «Пожалуй, государыня моя невестушка и матушка, прикажи уведомить нас о общем здравии В. И. В. – чего от сердца слышать желаем; при сем Вашему Величеству доношу: дочь моя, царевна Прасковья, гораздо больна, и я прошу у Вашего Величества – пожалуй, государыня моя невестушка и матушка, прикажи прислать к нам доктора или лекаря с лекарством; признаваем в ней болезнь лихорадку с горячкою». На следующий день, 5 апреля, Прасковья Федоровна послала царской фамилии поздравление с днем рождения императрицы.

Екатерина Алексеевна любезно ответила на поздравления и тут же выслала доктора. Болезнь отступила. Петр также выказал заботливость о семье покойного брата и послал в Новгород струг, чтобы можно было продолжить путешествие водой со всеми удобствами. В мае были уже на месте. Семья разместилась в собственном доме на Васильевском острове.

Екатерина Ивановна надеялась в столице получить новости о своем супруге и узнать, наконец, когда он приедет в Россию. Пока слухи о правлении герцога были неутешительными. Говорили верные люди, что если Карл Леопольд не угомонится в своих неправых деяниях и не выкажет покорности, то Римский император (австрийский двор) намерен передать управление

Мекленбургом брату его – Христиану-Людвигу.

Екатерина Ивановна была уверена, что царь поможет ее мужу выпутаться из сложной ситуации, как уже не раз бывало. Но для этого надобно, чтобы герцог приехал в Петербург. По просьбе Екатерины Ивановны и самой Прасковьи Федоровны, которая принимала горячее участие в делах дочери, Петр еще раз предпринял попытку вызвать в Россию герцога Мекленбургского. Но никакие уговоры не помогли. Карл Леопольд был занят делами недавно раскрытого заговора, он жаждал справедливости и уже дал приказ отрубить голову своему тайному советнику Вольфрату. Реален ли был этот заговор или он явился порождением нездоровых фантазий Карла Леопольда, сказать трудно.

Не хочешь ехать – тебе же хуже. Видимо, так думала Екатерина Ивановна, погружаясь в вихрь столичных праздников и развлечений. А праздники следовали сплошной чередой. Петербургская светская жизнь была богаче, разнообразнее и представительнее, чем московская. Самые большие праздники были посвящены спуску кораблей. 26 мая 1723 года при огромном стечении народа на воду был торжественно спущен корабль «Михаил Архангел». Желая сделать Петру приятное, Прасковья Федоровна велела перенести себя на барку, чтобы, покачиваясь на волнах, лично поздравить императора. На барке рядом стояли обе дочери и внучка, но на «Михаила Архангела» отправилась одна Екатерина Ивановна. Дальше – вселенский пир и вселенская пьянка.

23 июля спускали на воду корабль «Крейсер», пышное действо повторилось во всех подробностях. В августе состоялось морское путешествие в Ревель и Ригу. Все семейство Прасковьи Федоровны было на корабле. Куда же без них? На этот раз Екатерине Ивановне было не до веселья. Матери стало плохо. Все ее хвори, и «каменная и макротная», обострились из-за морской болезни. Екатерина не отходила от матери ни на шаг. Возвращение в Петербург не сулило отдыха, потому что всех ждало новое торжество – встречали ботик Петра, дедушку русского флота. Далее пир, каких не видел мир!

В начале сентября отмечали годовщину Ништадтского мира. А это был для Петра особый праздник, и отметили его необычайно. Император желал видеть своих подданных веселыми и счастливыми, и горе тебе, если позволишь взять верх плохому настроению. Словом, в Петербурге был объявлен всенародный восьмидневный маскарад. Все обязаны были подпиской выйти на улицы в костюмах. И ведь вышли, как и было велено. Сам Петр являлся народу то в костюме католического кардинала, то

простого матроса. По улицам ходили люди, обряженные поляками, немцами, итальянцами эпохи Возрождения, были здесь капуцины, индусы, японцы, татары, всех не перечислишь.

Была составлена «Роспись компании машкарада», в которой подробно описали «неусыпную обитель». Ее составляли архимандрит в старинном костюме, от гвардии фендрих Афанасий Татищев, князь Ярославский, от гвардии фендрих Нелюбохтин со своей княгиней и со всей фамилией и синклитом; обитель сопровождала большая свита в разных духовных, арлекинских, нищенских и прочих старинных уборах. Надо полагать, что в какой-то условленный день вся эта публика должна была шествовать по улицам города, как на советской демонстрации. За «обителью» должен идти известный всем шут Семен Тургенев в костюме Нептуна, певчий Карпов, обряженный Бахусом, следом архиереи: митрополит Санкт-Петербургский, митрополит Кроншлотский и Котлинский, митрополит Псковский и Изборский, митрополит Сибирский и Тобольский… всего десять человек.

Далее следовали государыня во фряжеском уборе, тут же царевна Екатерина Ивановна и прочие дамы в гишпанских костюмах. В следующем «отделении» следовала княжна Прасковья Ивановна с тринадцатью дамами и девицами в «шкармуцких» платьях.

Но невинные радости княгини Екатерины Ивановны и княжны Прасковьи Ивановны были омрачены болезнью матери. Прасковья Федоровна умирала. Пятьдесят восемь лет, по нашим временам вовсе не запредельные годы, никто не назовет женщину до шестидесяти старухой, но в XVIII веке это уже критический возраст. Да и в письмах Прасковья Федоровна давно называла себя «старенькой бабушкой».

* * *

Осень в этом году выдалась суровая. Дожди залили город, ветер гнал воды в Неву. 2 октября случилось одно из сильнейших наводнений, вода затопила улицы города. Люди думали о том, как спасти имущество и не погибнуть в пучине. Ничего этого царица Прасковья уже не замечала. Кажется совсем недавно еще была бодра, и хватило сил отпраздновать день рождение дочери. 24 сентября княжне Прасковье Ивановне исполнилось двадцать девять лет. По этому случаю в доме был прием, на котором побывала императрица с дочерьми и весь двор. А потом вдруг силы оставили царицу, она стала таять на глазах. 8 октября дом

на Васильевском острове посетил сам государь и пробыл у постели умирающей более двух часов.

Теперь в доме хозяйкой была Екатерина Ивановна. Здесь она стала и деловой, и собранной. В доме должен был быть порядок, надо было ободрить и поддержать умирающую и напомнить ей о христианском долге. Чтобы уйти из мира с чистой душой, надобно было всех простить и главное – примириться со средней дочерью герцогиней Анной. Ведь не придумки это, Екатерина Ивановна точно знала, что в минуту душевного смятения мать прокляла непокорную дочь. Прасковья Ивановна нашла в себе силы продиктовать письмо в Митаву. Вот оно: «Любезнейшая моя царевна Анна Ивановна! Понеже ныне болезни во мне отчасу умножились, и тако от оных стражду, что уже весьма и жизнь свою отчаяла, того для, сим моим письмом напоминаю Вам, чтобы Вы молились обо мне Господу Богу, а ежели его Творца моего, воля придет, что я от сего света отьиду, то не забывайте меня в поминовении.

Также слышала я от моей вселюбезнейшей невестушки, государыни Екатерины Алексеевны, что ты в великом сумнении и яко бы под запрещением – или паче реци, проклятием – от меня пребываешь, и в том ныне не сумневайся; все Вам для вышепомянутой Ея Величества, моей вселюбезнейшей государыни невестушки, отпускаю и прощаю Вас во всем, хотя в чем вы предо мной и погрешили. Впротчем, предав Вас в сохранение и милость Божию, остаюсь мать Ваша ц. Прасковья».

Вот такое письмо – торжественное, холодное, проще сказать, официальное, как документ. И не семейные дела царица в нем решает, а выполняет государственный долг. Попросила вселюбезнейшая невестка, так ради нее и прощу, а не попросила бы, так и осталась ты, непокорная дочь, навек с материнским проклятием. Известно также, что Прасковья Федоровна написала письмо и государыне, в котором отчиталась, простила-де негодницу Анну. Но видно не было в этом прощении подлинного душевного порыва и христианского смирения. Во всяком случае так считали люди – свидетели дальнейшей страшной судьбы любимой внучки Анны Леопольдовны и детей ее.

13 октября, отметив последний свой день рождения, Прасковья Федоровна преставилась. Перед смертью она вручила судьбу дочерей своих императрице и попросила, чтобы в гроб ее положили портрет мужа – царя Ивана Алексеевича. Петра не было в Петербурге, ему немедленно дали знать о смерти царицы. В городе объявили траур. Через три дня Петр был уже на месте, надо было заняться организацией пышных похорон. Они были назначены на 22 октября. Петр сам озаботился их устройством.

Все это действо, прощание с покойной царицей, подробно писано нашим знакомым – Берхгольцем. Повторим его рассказ, поскольку он живо рисует нравы того времени. Из всего – из юбилеев, свадеб, дней рождений, спуска на воду судов и так далее – устраивали праздники, и похороны тоже служили общему удовольствию.

Катафалк был устроен как парадное ложе под балдахином из фиолетового бархата с галунами и бахромой, на головной части балдахина – вышитый золотой двуглавый орел на фоне из горностая, символа царственной власти. Рядом на красной подушке лежала царская корона, сделанная специально для этого случая и богато украшенная драгоценными камнями. Тут же стояло государственное знамя. По обеим сторонам гроба находились двенадцать больших свечей. Вообще вся комната была ярко освещена тремя люстрами и множеством настенных подсвечников. Тело охраняли двенадцать капитанов в черных кафтанах и мантиях, с черным флером на шляпах и вызолоченными алебардами в руках. У дверей стояли гренадеры, над гробом два священника по очереди читали церковный текст.

Решено было похоронить царицу Прасковью Федоровну в Благовещенской церкви Невской лавры. Государь решил везти гроб водой. Но в последний момент передумал, и процессия шла посуху. За час до выноса тела явилась вся царская семья. В большой зале отслужили панихиду. В четыре часа вынесли гроб и разместили его на высоком открытом катафалке. Черный бархат, обшитый серебряными галунами, спускался до земли красивыми складками. Пушечных салютов не было, только выпустили в воздух ракеты, и по этому сигналу во всем городе начали звонить колокола. Перезвон их сопровождал процессию до самой Невской лавры.

Торжественное шествие двигалось медленно. Первыми, в сопровождении поручика, шли унтер-офицеры с тесаками на плечах, на всех тесаках траурные крепы. Потом шел маршал Румянцев, он возглавлял военное и гражданское чиновничество. Далее следовали иностранные послы и дипломаты, за ними хор певчих и духовенство с горящими свечами. Потом шел маршал Мамонов и Матвеев с красной подушкой в руках, на подушке лежала корона. Далее катафалк, за которым шесть полковников несли за гробом фиолетовый бархатный балдахин, потом поручики со свечами, капитаны-алебардисты… Словом, очень красиво и торжественно.

«Третье отделение» – траурное – возглавлял маршал Аллар с огромным жезлом в руках. Здесь были император, «ведомый» Апраксиным и Меншиковым, герцогиня Мекленбургская и сестра

ее царевна Прасковья в глубоком трауре с закрытыми лицами. Екатерину Ивановну вели под руки сановники самого высокого ранга. Императрица и вся ее свита тоже были в глубоком трауре и с закрытыми лицами. Шествие замыкали солдаты с зажженными факелами и большая воинская команда.

Холодно было, ветер дул с залива, под ногами страшная грязь. Дамы вскоре сели в кареты, но мужчины продолжали пешее шествие. Процессия шла около двух часов. У ворот Невской лавры траурный кортеж встретило духовенство. Все вошли в храм. Далее проповедь, длинная служба, певчие.

Начали прощаться. По обычаю, целовали руку усопшей или губы. Женщины рыдали, но тихо, пристойно, без траурных причитаний. Исполняя просьбу Прасковьи Федоровны, положили на лицо ее портрет покойного мужа, зашитый в белую объярь. Гроб опустили в могилу перед алтарем. Потом состоялись поминки, вначале тихие, на следующий день уже настоящая пьянка.

Герцогини Анны Курляндской не было на похоронах. Она даже не сразу узнала о смерти матери. Как мы знаем из ее письма к императрице, она просила Екатерину Алексеевну дозволения приехать повидаться с матерью, когда той уже не было в живых.

Про Екатерину Ивановну М. И. Семевский пишет: «Свет-Катюшка, как и надо было ожидать по ее характеру, скоро очень развеселилась; она уверяла, что причина ее веселости заключается в добрых вестях о благоверном супруге: дела его будто бы поправлялись, в Данциге с ним вели переговоры уполномоченные австрийского императора и английского двора. Петр также отправил туда курьера».

Но дела герцога так и не поправились. Его лишили трона, а Екатерина Ивановна с дочерью… так и остались в России. Правление Петра Великого сменилось царствованием его супруги – Екатерины I, потом престол перешел к мальчику Петру II. Все это время Екатерина Ивановна вела себя тихо, политическими делами не занималась, она только неизменно принимала участие во всех праздниках царской семьи. Между тем вор императора уехал из Петербурга в Москву, за ним и Екатерина Ивановна отправилась в старую столицу.

Мальчик Петр II занимал русский трон четыре года. Время это было ознаменовано сложными интригами, кровавой игрой за власть. Вот уже и Меншиков в ссылке, а могучий клан Долгоруковых прочит в жены юному царю красавицу Екатерину Долгорукую: жениху четырнадцать лет, невесте семнадцать. Обручение молодой пары происходило 30 ноября 1729 года в Лефортовском дворце. Место это выбрали в знак уважения к

покойному императору, Петр Великий во время своих редких посещений Москвы обычно жил именно здесь. На церемонии мы видим весь генералитет, членов Верховного совета, послов и все избранное московское общество. Из царской семьи на обручении присутствовали Елизавета (сестра Анна умерла от родильной горячки), герцогиня Мекленбургская с дочерью Анной, девочке уже двенадцать лет, и княжна Прасковья Ивановна. Для такого случая приехала из монастыря бабка Петра II Евдокия (первая жена I). Она была счастлива. Исполнилось ее заветное желание. Хоть и казнили горячо любимого сына, но восторжествовал внук, и женят его по старинному русскому обычаю на боярской дочери.

Обручение было очень торжественным. Невесту везли из Головинского дворца в большой парадной карете, окруженной камер-юнкерами, фурьерами и конной гвардией. Вслед тянулась вереница карет с Долгорукими. Огромную эту семью охраняла тысяча всадников. Установленный обряд совершил Феофан Прокопович. По окончанию церемонии по обычаю поздравляли молодую чету и целовали им руки.

Долгорукие уже делили государственные посты, но… катастрофа была близка. На 6 января 1730 года приходился великий праздник – водосвятие. Мороз был жесточайший, но юный царь присутствовал на церемонии освящения воды. Назад он возвращался на запятках саней своей невесты – конечно, промерз. Вернувшись во дворец, он понял, что простудился. Вызванные на следующий день доктора обнаружили у царя еще и оспу. Петр хворал очень тяжело. Почти все время он находился без сознания. 12 января ему стало лучше. Двор вздохнул с облегчением. Но это была временная передышка.

Понимая шаткость своего положения, клан Долгоруких пошел на подлог. Было сочинено ложное завещание, по которому трон, в случае смерти царя, переходил к его невесте – Екатерине Долгоруковой. Иван Долгорукий, фаворит Петра, подделал царскую подпись.

18 января врачи объявили состояние юного царя безнадежным. Бабка Евдокия не вставала, молилась о спасении внука. В час ночи в бреду Петр потребовал лошадей, чтобы ехать к сестре Наталье, и испустил дух.

* * *

Манштейн в своих «Записках» рассказывает, что, как только царь умер, Иван Долгорукий побежал по дворцу с обнаженной шпагой, крича: «Да здравствует императрица Екатерина!». Но

народ, как говорится, «безмолвствовал». Осознав, что его не поддерживают, он ушел к себе и сжег подложное завещание. Правда, вымысел? История на этот вопрос не дает ответа.

Русский трон, как и пять лет назад, после смерти Петра Великого, опять не имел прямого наследника. И вновь встал вопрос, кому царствовать на Руси? Этой насущной проблеме было посвящено знаменитое заседание в Лефортовском дворце в ночь с 18 на 19 февраля 1730 года. Всех членов этого совета в русской традиции называют «верховниками».

Стали перебирать кандидатуры. Дочерей Петра I – Елизавету и Анну – отвергли сразу как незаконнорожденных, а потому и сына покойной Анны – Карла Петра Ульриха – не приняли в расчет. Согласились, что мужская линия рода Романовых пресеклась.

Долгорукие заикнулись было, что обрученная Екатерина Долгорукая имеет право на престол. Но эту кандидатуру даже обсуждать не стали – невеста не может быть царицей. Вспомнили престарелую Евдокию Лопухину, но и от этой мысли сразу отказались. Зачем звать на трон вдову-монахиню, когда есть молодые, законные дочери царя Ивана – Екатерина и Анна. Первая была старшей, но ее тут же отвергли из-за непутевого мужа. Характер и деяния герцога Мекленбургского были хорошо известны в России. А если жена займет трон, он тоже возомнит себя царем русским и начнет здесь куролесить. Нет, такого добра нам не надо.

Другое дело Анна, герцогиня Курляндская. Кровно русская, тридцать семь лет, живет на скромном пансионе от нашего двора, скромна, не чванлива и вообще обладает «высокими качествами». Мало того, что она всех устраивала, была еще тайная, невысказанная вслух надежда, что своим женским, «кротким» правлением она смягчит жестокости и бури ее предшественников (включая Петра Великого).

Избрание на трон Анны могло стать великим поворотом в судьбе России, потому что верховники в известном смысле вознамерились ограничить монаршую власть. Так возникли пункты в «Кондиции», которые по сути своей являлись предтечей парламентской власти. По «Кондиции», Анна обязывалась содержать Верховный совет в восьми персонах и без их согласия не вступать в брак, не назначать себе наследника, новых законов не издавать, доходами казны не распоряжаться, ни с кем войны и мира не заключать… Всего восемь пунктов. «Кондиции» заканчивались фразой: «…а буде чего по своему обещанию не исполню, то лишена буду короны российской». Пункты не были предложены на одобрение Сената, Синода и Генералитета.

Некогда было, да и как-то в голову не пришло.

С предложением короны на условиях «кондиций» в Митаву в строжайшей тайне было послано посольство из трех человек во главе с Василием Лукичем Долгоруким, двое других членов ничего не знали о пунктах, ограничивающих монаршую власть. До согласия Анны смерть Петра II решено было держать в тайне. Верховники боялись, что Анну кто-нибудь предупредит, что «Кондиции» составлены не «всем народом», а только Верховным советом. Москва была оцеплена караулом по всем дорогам и выпускали людей из столицы только с паспортом, подписанным верховниками.

Все эти меры предосторожности оказались бесполезными. В окружении Анны находились два брата Левенвольде. Один из братьев жил в Митаве, другой в Москве. Последний и известил Анну о затее бояр и заверил, что народ «Кондиций» не поддерживает. Вторым доносчиком был прокурор Ягужинский. Он больше всех на совете кричал про «Кондиции», а потом сам же и предал своих коллег.

Меж тем делегация благополучно добралась до Митавы. Анна безоговорочно подписала «Кондиции» и выехала в Москву. 10 февраля 1730 года она прибыла в село Всехсвятское под Москвой. Как не ослеплена была Анна открывающимися перед ней перспективами, настроение у нее было не из лучших. Василий Лукич сумел испортить всю бочку меда ложкой дегтя: он запретил брать с собой в Россию Бирона. Анна вынуждена была подчиниться, но семью фаворита она привезла с собой. Она словно пыталась доказать совету, что со временем настоит на своем и любимый человек будет рядом.

В столицу Анна до времени не поехала. Там должны были похоронить царя Петра и подготовиться к приезду новой правительницы. Видимо здесь, во Всехсвятском, у Анны произошла встреча с сестрами. Какая она была, мы можем только предполагать. Хохотушке Екатерине Ивановне уже тридцать восемь лет. Историки пытались разобраться в отношениях двух сестер, но для этого на руках слишком мало исторического материала. Вряд ли Екатерина так уж безропотно приняла кандидатуру верховников. Раз уж решили оставить трон за семьей тщедушного Ивана, а не Петра Великого, то по закону Екатерина Ивановна имела гораздо больше прав на это место, чем сестра Анна. Но, похоже, вслух герцогиня Мекленбургская своих протестов никак не выражала. Более того, в этой сложной ситуации она, как могла, поддерживала сестру.

Верховники позаботились ограничить общение Анны с миром. Каждый, кто появлялся во Всехсвятском, находился под

пристальным вниманием. Да туда и не ездил никто, кроме дам. И кто были эти дамы? Сестра Екатерина, княгиня Черкасская, княгиня Трубецкая (урожденная Салтыкова), Наталья Федоровна Лопухина (бывшая фрейлина Анны) и т. д. За этими дамами стояли их мужья, которые образовали некий политический кружок противников «Кондиций». К этому кружку примыкал также новгородский митрополит Феофан Прокопович, его влияние на умы было по-прежнему велико. Именно Прокопович прислал Анне план действий в пользу самодержавия. И сделано это было в лучших традициях детективной прозы. Прокопович послал через Екатерину Мекленбургскую в подарок столовые часы. В этих часах был потайной ящик, куда и поместили нужные бумаги. Екатерине Ивановне принадлежала также идея использовать в качестве почтового ящика ребенка. Маленького Бирона каждый день приносили Анне, под его курточкой в рубашке герцогине доставлялись секретные письма.

Полной неожиданностью для верховников явилось то, что Анна объявила себя полковником Преображенского полка и капитаном кавалергардов. Это был тревожный знак, но Верховный совет еще не мог поверить, что дело проиграно, цеплялись за подписанные «Кондиции».

15 февраля Анна торжественно въехала в Москву. А столица гудела от бесконечных разговоров и споров. На предполагаемую свадьбу Петра II съехалось много дворян. Оцепление удержало их в Москве. Кандидатура Анны всех устраивала, но предложенные царице «пункты» у многих вызывали нарекание. Гвардия, духовенство, дворяне, купечество – все вопили в один голос: лучше одна законная властительница, чем восемь кичливых бояр. Самодержавная власть от Бога, а тут какие-то верховники-выскочки будут править страной?!

Тут встал вопрос – кому присягать? Предложена была такая формулировка: присягнуть государыне и Верховному совету. Но присутствующая во дворце гвардия высказалась очень решительно. Лихие гвардейцы пригрозили переломать ноги автору подобного предложения. Тогда решено было присягать царице и отечеству. Верховники знали о брожении в дворянской среде. Необходимо было переходить к решительным мерам. Манштейн в своих «Записках» пишет, что совет собирался арестовать Остермана, Черкасского, Головина и других поборников абсолютизма. Многие из опасения ареста не ночевали дома.

25 февраля собрался Верховный совет, Сенат, Генералитет, туда же явилась толпа из дворян. Мемуаристы путаются в описании этих событий. Одни утверждают, что в зале было около

восьмисот человек, другие называют более скромную цифру – сто пятьдесят, примерно. Дворяне пришли, чтобы представить будущей царице челобитную, которую подписали восемьдесят семь человек. Бумагу с поклоном отдал Анне Черкасский Алексей Михайлович (по другим документам – Татищев). Челобитная начиналась словами благодарности за высокую милость государыни, выражающуюся в том, что она подписала предложенные ей пункты, но далее следовали некоторые протестные слова, высказанные чрезвычайно обтекаемо и витиевато: «…в некоторых обстоятельствах тех пунктов находятся сумнительства такие, что большая часть народа состоит в страхе предбудущего беспокойства, хотя они с благорассудным рассмотрением, написав свои мнения, представили Верховному тайному совету, прося безопасную государственного правления форму учредить; однако ж, об этом не рассуждено, а от многих и мнений подписанных не принято и не объявлено, что без воли императорского величества того учинить невозможно».

Очень осторожная челобитная. Иными словами, мы со всем согласны, и с пунктами согласны, и государыне преданы всей душой, но не мешало бы, прежде чем ставить будущей государыне какие-то условия, с нами посоветоваться. Но и эта деликатная, если не сказать трусливая челобитная, вызвала гнев Долгоруких. Гвардейские офицеры из охраны тут же стали громко кричать об обязательном восстановлении самодержавия, хотя пока его никто не разрушил. Василий Лукич дождался тишины и строго спросил Черкасского:

– Кто позволил вам, князь, присвоить себе право законодателя?

Черкасскому уже нечего было терять:

– Вы вовлекли государыню в обман. Вы уверили ее величество, что подписанные ею в Митаве «Кондиции» составлены с согласия всех чинов государства. Это неправда!

Василий Лукич уже готов был подхватить Анну Ивановну за руку и увлечь в другую комнату.

– Мы непременно обсудим дворянскую челобитную. А сейчас не время, сейчас есть дела поважнее. Да и время обеда подоспело, – сказал он решительно.

Но с другой стороны, к Анне подошла сестра Екатерина Ивановна. На этот раз герцогиня Мекленбургская была очень серьезна и уверенна в себе. В руках у нее была чернильница с пером.

– Нечего тут думать, государыня, – сказала она сестре на ухо, – подписывать надо сейчас. Подписывайте, а там видно будет. Вот перо.

И Анна подписала дворянскую челобитную: «Учинить по сему». Передавая Черкасскому бумагу, она поручила обсудить предмет прошения немедленно и в этот же день сообщить ей о принятом решении.

Историк Валишевский пишет, что, предчувствуя всякие неожиданности, Анна заручилась поддержкой армии. По приказанию Долгоруких стража во дворце была удвоена, но чью сторону она примет? Командовал охраной пруссак Альбрехт. На него она могла рассчитывать в случае опасной ситуации. Через Альбрехта она и передала приказ гвардии: «Подчиняться только Семену Андреевичу Салтыкову». Этим она уже отрешала Долгоруких от командования армией. Хотя и без этого приказа гвардия была предана Анне всей душой и выражала свою верность криками: «Государыня, мы верные рабы вашего величества. Мы всегда служили верно и теперь готовы жизнью пожертвовать ради вас. Мы не потерпим ваших злодеев. Прикажите, и мы всех их из окон повыкидываем!»

Анна ушла обедать вместе с Верховным советом, дворяне-челобитчики сели заседать в соседней комнате. Наконец все собрались в аудиенц-зале. Государыне была представлена новая челобитная. На этот раз ее подписали сто шестьдесят шесть человек. Прочел ее сам автор, князь Антиох Кантемир, славный поэт и сатирик XVIII века. Он тоже был против ограничения царской власти. «Усердие верных подданных побуждает нас по возможности не показаться неблагодарными; для того, в знак нашего благодарства, всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилостивейшее принять самодержавие таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные к Вашему Императорскому Величеству от верховного тайного совета пункты и подписанные Вашева Величества рукой уничтожить». Также просило дворянство восстановить Сенат в том его значении, какое дал ему Великий Петр, еще кой-какие просьбы, то да се – по мелочам.

Анна выслушала челобитную, это был трагический момент.

– Я подписала пункты, желая управлять моими подданными мирно и справедливо, – сказала она, обращаясь к верховникам, – и теперь должна знать: согласны ли члены Верховного тайного совета, чтобы я приняла то, что теперь предлагает народ?

Члены тайного совета, как говорится, «не нашлись с ответом».

– Значит, пункты, которые я подписала в Митаве, составлены не по желанию народа?

– Нет, нет! – кричал зал.

– Стало быть, ты обманул меня, Василий Лукич…

Далее Анна приказала доставить ей подписанные в Митаве

бумаги и при всем народе порвала «Кондиции». В тот же самый день императрица повелела немедленно доставить в Москву Бирона, что и было исполнено.

Правление Анны Ивановны было жестким, но не выходило из старой традиции. Все как обычно, бывают мягкие государи, бывают крутые. Да, она жестоко расправилась с верховниками и со всем кланом Долгоруких, казнила Волынского и многих людей из его окружения. Но надо помнить, что куда больше голов полетело в царствие Петра Великого. Здесь важно другое. Уж сколько лет живем, а настоящего парламента как не было, так и нет. А верноподданнические инстинкты сохранены в целости.

Прочитанная Кантемиром челобитная была истинным гимном самодержавию: «Мы, напоследок, Вашего Императорского Величества всепокорнейшие рабы, надеемся, что в благорассудном правлении государства, в правосудии и облегчении податей по природному Вашего Величества благоутробии презрены не будем, но во всяком благополучии и довольстве тихо и безопасно житие свое препровождать имеем. Вашего Императорского Величества всенижайшие рабы».

Не получила Россия тогда в 1730 году парламента, даже его подобия не получила. А что подпись – «всенижайшие рабы», так это просто канцелярский штамп. Хотя все равно как-то дико читать, например, такую подпись под письмом государыне нашей Елизавете: «раб твой Кант». Это было после того, как мы взяли в Семилетней войне Кенигсберг (сегодняшний Калининград), а великий философ жил именно там. Но смело можно и сегодня взять на вооружение старинный официоз и подписываться в государственных бумагах: «Верные рабы Ваши».

Великая княжна Прасковья Иоанновна

За грозной планидой Анны Иоанновны и печальной участью Екатерины Иоанновны совсем стушевалась судьба третьей из сестер-царевен: Прасковьи. В отличие от двух старших сестер ее не выдали замуж за иностранного принца. Всю жизнь она прожила рядом с матерью, и во всех письмах, мемуарах и прочих документах о ней говорится как о девушке хворой, тихой, покорной, словом, совершенно безликой. То у нее золотуха, то нога болит настолько, что она вынуждена уехать с бала. У нее и прозвище было «Царевна Волочи Ножку».

Вглядимся в портрет Прасковьи Ивановны кисти нашего великого художника Ивана Никитина. На нас смотрит юная красавица в богатом вишневого цвета платье. В прелестном лице нет и намека на немощь или убогость. Огромные, широко распахнутые глаза, соболиные брови, на губах полуулыбка, застенчивая и доброжелательная, высокий чистый лоб с двух сторон изящно осеняют темные локоны…

С именем этой женщины связана легенда о высокой и трагической любви. При этом имя ее окружено глубокой тайной. Оно и понятно. Разглашение сведений о жизни царской семьи приравнивалось к государственному преступлению. Слишком болтливых ссылали в Сибирь, а то и в тюрьму могли упрятать с пожизненным сроком.

Другое дело иностранцы – официально посланные в Россию с дипмиссией или тайные агенты. Они зорко следили за происходящим во дворце и все полученные сведения отправляли на родину в зашифрованных депешах. Делалось это не из любви к сплетне. Любая ссора среди царской семьи, а то и полюбовный приватный разговор, словом, всякое неожиданное происшествие, могли повлиять на политическую жизнь не только в России, но и в Европе. Благодаря профессиональному любопытству иностранных дипломатов мы иногда можем приподнять занавесочку, скрывающую роковые тайны.

Иван Никитин. Портрет царевны Прасковьи Иоанновны

Так, в октябре 1724 года, за два месяца до смерти Петра, иностранный представитель Кампредон пишет некому тайному адресату: «При царском дворе случилась какая-то неприятность. Угрожающая, кажется, немилостью некоторым министрам и любимцам царя. Мне не удалось еще узнать, в чем дело. Достоверно только, что некто, по имени Василий, первый паж и доверенный любимец царя, был три раза пытаем в собственной комнате царя». Спустя неделю Кампредон разузнал еще кое-что и написал продолжение: «Я открыл, что Василий (так зовут этого пажа) покровительствовал любовным отношениям царевны Прасковьи, племянницы царицы и сестры герцогини Мекленбургской и Курляндской, с Мамоновым, майором гвардии, тоже одним из любимцев Его Царского Величества. Оказывается, что царевна родила мальчика в Москве… Вашему сиятельству нетрудно понять, что это приключение не разглашается, поэтому умоляю Вас, будьте с ним осторожны и сами. Нет ничего опаснее

при здешнем дворе, как быть заподозренным в сообщении известий, касающихся домашних дел».

Да, у Прасковьи была любовная связь с Мамоновым, это уже общепризнано, но были ли они обвенчаны? Во всяком случае в родословных сборниках о браке этой морганатической пары нет сведений, и тем более нет информации о рождении ребенка. Так кто же был этот человек, полюбивший «Княжну Волочи Ножку»?

Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, генерал-аншеф, лейтенант кавалергардского корпуса, сенатор, родился 10 декабря 1680 году, то есть он был на четырнадцать лет старше своей суженой. В 1700 году Дмитриев-Мамонов был взят на службу в лейб-гвардии поручики в Семеновский полк. В первом же походе под Нарвой он был ранен. В 1701 году он стал капитан того же полка. В Полтавской баталии он уже майор, в Турецком походе он тоже участвовал. А в 1718 году он получил чин бригадира. В Шведском походе он брал Стокгольм. В 1719-м Дмитриев-Мамонов был назначен советником в военную коллегию и под наблюдением царя участвовал в составлении «Воинского регламента».

Какая стремительная карьера! Дмитриев-Мамонов – книгочей, умница, блестящий военный, отчаянный человек и, судя по всему, любимец Петра. Если он и стал тайным мужем княжны Прасковьи Ивановны, то не иначе как с согласия императора, а допрос с пристрастием пажа Василия – это еще одна загадка. Видимо, Петр желал разобраться в ситуации, разобрался и обвенчал Прасковью и Мамонова. Но поскольку негоже царской дочке выходить замуж на простого смертного, брак этот остался тайной. И это вполне понятно. Мы до сих пор спорим, была ли императрица Елизавета женой Алексея Разумовского или нет.

Мамонов играл заметную роль при дворе. В 1725 году, уже Екатериной I, он, в числе первых девятнадцати кавалеров, был пожалован за многочисленные военные походы и ревностную службу, которую он нес «порядочно, верно и беспорочно», орденом Св. Александра Невского. В следующем году Мамонов был назначен сенатором, пожалован в генерал-лейтенанты, потом в подполковники лейб-гвардии в Преображенский полк. Заняв трон, Анна Иоанновна сразу произвела его в генерал-аншефы. Благодаря родству своему с государыней, Дмитриев-Мамонов занял значительное положение при дворе; но скоропостижная смерть, в том же 1730 году, прервала его дальнейшую карьеру.

Смерть Мамонова была не только неожиданной, но и странной.

Коронация Анны состоялась в начале мая, а 4 июня императрица направилась в свою летнюю резиденцию –

Измайлово. Анну сопровождал весь двор. И вдруг… Испанский посол герцог де Лириа пишет в срочной депеше: «При выезде из Москвы генерал Мамонов, в звании поручика кавалергардов, сопровождавший Ее Величество верхом, вдруг был поражен ударом паралича и упал мертвый с лошади. Такое приключение произвело весьма неприятное впечатление на всех…».

Мамонову было пятьдесят лет. Как говорится, ушел в расцвете сил. Отчего он умер? Да мало ли, могла, например, произойти внезапная остановка сердца. Но люди в первую очередь думают, а не была ли эта смерть «нужной», есть такой старинный термин на Руси. А кому нужной? Императрице, кому же еще.

* * *

Вчитываясь в рассуждения историков, лишний раз убеждаешься – наука история, это всего лишь точка зрения. Одни говорят, что сестры были рады воцарению средней сестры и во всем помогали ей. Но тут же находятся оппоненты. Да, именно решительность герцогини Екатерины Ивановны повернула ход событий. Она заставила Анну подписать прошение шляхты и этим дала возможность сестре разорвать ненавистные «Кондиции». Но мы не можем знать, что думала Екатерина Ивановна на самом деле. А если она рассчитывала на силу верховников, если она надеялась, что шляхта не сумеет должным образом объединиться и выступить достойно, а возмущенные члены Тайного совета, ссылаясь на пункт уже подписанных Анной «Кондиций», отставят ее кандидатуру «за неподчинение»? Но Тайный совет, то есть верховники, оказались трусливыми и несостоятельными. А что думала о случившемся сама императрица Анна?

А как вы посмотрите на сверхсекретное донесение прусского посла от 2 февраля 1730 года: «Мне также в настоящее время сообщают, что герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна и ее сестра Прасковья Ивановна тайно стараются образовать себе партию, противную их сестре императрице. Однако мне трудно поверить этому, ибо успешный исход невозможен, и они этим делом нанесут наибольший вред самим себе». Положим, это только сплетни. Но если прусский посол их слышал, то уж Тайная канцелярия и подавно. А Мамонов был очень влиятельным человеком, особенно в армии.

Прасковья Ивановна умерла через год после смерти мужа. Это случилось в октябре 1731 года. Иностранные дипломаты писали, что она долго болела.

Два года спустя, в июне 1733 года, умерла и Екатерина Ивановна. Ей было сорок лет, через три месяца исполнилось бы сорок один. Причина смерти нам неизвестна. Карл Леопольд, герцог Мекленбургский, пережил жену, но уже в другом качестве. В 1736 году он окончательно потерял трон. Скончался он в Дёмице 28 ноября 1747 года на семидесятом году жизни.

* * *

Императрица Анна Ивановна осталась бездетной. Наследовать трон могли только ее племянник и племянницы. Разумеется, все преимущества были на стороне мальчика, Петра Голштинского – сына Анны Петровны и внука Петра Великого. Но это означало вернуть на трон линию Петра. Ах, как ей этого не хотелось! В ход пошли старые доводы – Анна Петровна родилась до брака родителей. По этой же причине не рассматривалась кандидатура Елизаветы Петровны.

В конце концов императрица остановила свой выбор на Анне Леопольдовне, дочери Екатерины Ивановны, герцогини Мекленбургской. Замысел был таков: принцессу следует выдать замуж, а рожденный ею мальчик (если таковой появится на свет) наследует трон.

У нас нет свидетельств того, чтобы Анна советовалась на этот счет со старшей сестрой. Нельзя также сказать, чтобы императрица испытывала особую нежность к племяннице. Куда больше она любила детей своего фаворита Бирона. Выбрать на трон принцессу Анну Леопольдовну ее заставила политическая необходимость. Мать Екатерина Ивановна не вмешивалась в придворные интриги, да ее попросту туда и не допускали. Но она знала о намерениях сестры. Для того чтобы родить наследника русского трона, принцессе Анне необходимо было перейти в православие, по отцу она была лютеранка. Известно, что Екатерина Ивановна обсуждала этот момент с архиереем Феофилактом Лопатинским, попавшим впоследствии под розыск в Тайной канцелярии. Дело архиерея не имеет никакого отношения к наследнику, но, благодаря опросным листам, мы знаем, что Екатерина Ивановна хотела иметь собственное мнение по поводу будущего дочери.

Анна Леопольдовна приняла православие за месяц до смерти матери. Екатерина Ивановна не увидела свадьбы любимой дочери, не узнала ее жениха.

Пятнадцатилетняя принцесса осталась фактически сиротой. Девочку стали готовить к будущей великой судьбе. Окружили

свитой, охраной, наставниками. Леди Рендо в своих дневниках отмечает, что Анна Леопольдовна вела «принужденную жизнь». Что это значит? Нельзя сказать, чтобы девушка жила затворницей, однако никто без соизволения императрицы не смел заводить с ней близких отношений, за всеми ее поступками следили самым пристальным образом.

Какой она была? Некоторые историки пишут о ней крайне неприязненно: глупа, безобразна, ленива, неряшлива. Другие более терпимы – миловидная блондинка, не блещущая никакими талантами. То, что принцесса Анна была мало образована и ленива, не подлежит сомнению, как обычная примета того времени. И еще юная Анна ненавидела фижмы, предпочитала простую одежду и любила читать романы. Портреты изображают внешность ее вполне приятной. Какое, кажется, дело до внешности принцессы, если речь идет о политике? Но в женское правление XVIII века женская красота ставилась очень высоко, это было серьезное достояние женщины, близкой к трону.

Пока Анна Леопольдовна не помышляла о браке. Пришла любовь, и она завела роман с саксонским посланником Линаром, светским красавцем. Ближайшим другом и наперсницей ее забав стала фрейлина Юлия Мегден. А жених был уже найден – Антон Ульрих Брауншвейг-Беверн-Люнебургский. Чем меньше княжество, тем длиннее титул. Антон Ульрих был племянником австрийского императора Карла VI, его брак способствовал сближению России с Австрией.

Антон Ульрих прибыл в Россию в 1733 году и был принят на русскую службу. Брак отложили до совершеннолетия принцессы. Анемичный, тихий юноша не понравился Анне Ивановне, да и невесте он не приглянулся. Плохонький был жених – ни ума, ни роста, однако на портрете того времени он выглядит великолепно. Роскошный, почти до пояса парик, тугие локоны, на плечах плащ с горностаем, рядом атрибуты рыцарства: шлем с забралом, лавровые ветви, герб со львом и оленем. И умные красивые глаза. Поди разберись, кто врет – историки или живописцы.

Бирон между тем времени зря не терял. Он замыслил женить на Анне Леопольдовне своего сына Петра и таким образом утвердиться на русском троне. Первые шаги в этом направлении были сделаны втайне от императрицы. Но фаворит надеялся на ее безусловную поддержку. Однако Анна Леопольдовна, поняв, в чем дело, отвергла непрошеного жениха. Он ей был неприятен, кроме того взыграла спесь – она не пойдет замуж за безродного! Планы Бирона относительно этой женитьбы так и остались тайной для Анны Ивановны.

Свадьба с принцем Антоном Ульрихом состоялась в июле 1739 года. В августе 1740 года у молодой четы родился сын Иван, наследник престола. Дни императрицы Анны Ивановны были уже сочтены. Она страдала каменной болезнью почек. Вокруг постели больной императрицы велись активные интриги. Вопрос с наследником давно был решен, но кто будет правителем государства до его совершеннолетия? Отец – человек без дарований, пустое место, мать слишком молода, а главное – еще жив ее отец-самодур.

Наследнику престола было два месяца, когда 17 октября 1740 года императрица скончалась. Перед смертью она подписала два манифеста: о наследнике Иване VI и о регентстве Бирона до совершеннолетия государя.

Регентство Бирона длилось ровно 22 дня. 7 ноября он был низложен гвардией во главе с Минихом. Регентшей при младенце-императоре была назначена его мать Анна Леопольдовна. Все свое недолгое правление она совершенно не занималась государственными делами, а между тем положение в Европе очень усложнилось. В 1740 году в Австрии умер Карл VI и на престол взошла его дочь Мария-Терезия. В этом же году прусский трон занял Фридрих II. Вся Европа перестраивалась, уничтожались старые договоры, подписывались новые. Франция хотела ослабить свою старую соперницу – Австрию, а заодно и Россию.

А в Петербурге в это время зрел заговор против правительства, на трон прочили дочь Петра Елизавету. Слухи эти уже долетали до ушей Анны Леопольдовны. 23 ноября правительница решила поговорить с цесаревной Елизаветой на чистоту. После куртага они уединились в гостиной, где Анна Леопольдовна высказала все свои подозрения. Елизавета все отрицала, в конце разговора они обнялись и от умиления расплакались.

Через два дня, 25 ноября 1741 года, годовалый Иван VI, а с ним вся Брауншвейгская фамилия, был низложен и арестован. В сопровождении гвардейцев Елизавета прибыла ночью во дворец. Охрана ее безропотно пропустила в спальню к Анне Леопольдовне.

– Сестрица, пора вставать!

После того как Анна Леопольдовна и Антон Ульрих были арестованы, Елизавета взяла на руки императора. Ребенок был весел, он узнал тетку.

– Бедное дите, – сказала Елизавета, – ты невиновно, твои родители виноваты.

В царском манифесте от 25 ноября Брауншвейгской фамилии

была обещана полная свобода. Елизавета, «не хотя никоих им учинить огорчений», отправила семейство в Германию. Но доехали они только до Риги. На их беду Елизавета узнала, что Анна Леопольдовна вела разговоры о пострижении цесаревны и заключении ее в монастырь. Курьер прибыл в Ригу с приказом, чтобы далее семью никуда не везти, а заключить до времени в замок в Дюнамюнде. Мол, потом разберемся. Там они и прожили полтора года.

За этот срок Елизавета поняла, что есть люди, желающие вернуть трон Ивану Антоновичу. В итоге последовал приказ увезти семью вначале вглубь России, а потом на Соловки от греха подальше. Зима на севере в августе 1744 года была ранняя, на море появился лед. Словом, Брауншвейгское семейство до Соловков не доехало. Их разместили в Холмогорах в архиерейском доме под крепким караулом. Четырехлетнего Ивана забрали от родителей, он жил и воспитывался в строгой изоляции.

В неволе у четы Брауншвейгской родилось еще четверо детей. В марте 1748 года Анна Леопольдовна умерла от родильной горячки. Ее торжественно похоронили в Благовещенском соборе Александро-Невской лавры. Смерть ее не облегчила положение семьи. Антон Ульрих провел в Холмогорах тридцать шесть лет, там и умер. В заключении умерли и его дети, кроме двух дочерей. Им со временем, уже при Екатерине II, было разрешено уехать за границу, хотя они в этом уже не нуждались: обе выросли неполноценными как физически, так и душевно.

Теперь про Ивана Антоновича, несчастного императора. В 1756 году двором были получены сведения, будто бы вокруг пленника организован заговор. Ивана якобы пытались освободить из заключения с помощью старообрядцев. Иван Антонович был немедленно препровожден в Шлиссельбургскую крепость. Начался новый этап его жизни. Одиннадцатилетний ребенок потерял имя, теперь в ежемесячных отчетах от коменданта крепости он именовался «известная персона». О бывшем императоре сознательно писали как об идиоте, хотя известно, что Иван был обучен грамоте, знал, кто он, читал Библию.

Так он и существовал, пережив правление Елизаветы, затем Петра III. А 1763 году, при воцарении Екатерины, в будущем Великой, произошла история, прозванная «шлиссельбургской нелепой». Армейский поручик Мирович решил освободить двадцатитрехлетнего Ивана Антоновича из крепости и провозгласить его императором. В Шлиссельбурге уже действовал тайный указ канцлера Н. И. Панина: при любой попытке освобождения Ивана Антоновича последнего сейчас же убить, а

уж потом разбираться с мятежниками. Мирович был казнен. Дело это покрыто совершеннейшим мраком. С одной стороны – трагическая случайность, но в этой случайности можно рассмотреть узор интриги. Если кому-то и была выгодна смерть «известной персоны», то Екатерине. Формально она не имела никаких прав на русский трон. Она в результате переворота отняла трон у мужа, который сразу был убит. Имелся реальный наследник – сын Павел. Но мало того, в крепости еще сидел «законный государь». Никаких обвиняющих Екатерину документов нет. Но на Бориса Годунова тоже нет документов, а его по сию пору обвиняют в убийстве царевича Дмитрия.

Жалко Анну Леопольдовну, и детей ее, и мужа, ужасна судьба императора Ивана Антоновича. Как тут не вспомнить о проклятии царицы Прасковьи Федоровны, и вспоминают… Но дело здесь не в проклятии. Политика, властолюбие, тщеславие и корысть вообще отвратительные вещи.

Глава 2. В тени красавиц: великие княжны Мария, Елизавета и Екатерина Михайловны

Иногда складывается впечатление, что, хотя жены мужчин из рода Романовых могли быть самыми разными, но вот дочери им доставались как на подбор: ангелочки. Необыкновенно миловидные (даже если делать поправку на стремление придворных живописцев приукрасить великих княжон), а порой и истинные красавицы, обаятельные, добросердечные, добродетельные… Истинные принцессы. Нет-нет, безусловно, они не были ангелами – они были живыми девочками, девушками, женщинами, и очень разными. У каждой были не только достоинства, но и, разумеется, недостатки – как у всех нас. Но в целом картина именно такова – или, по крайней мере, очень походит на таковую. Зло в мире они не преумножали, а вот добра успели натворить немало, хотя некоторым из них было отведено на это совсем немного времени…

Есть чудесный портрет трех дочерей Михаила Павловича Романова, написанный знаменитым В. И. Гау в 1838 году. Три девочки-погодка, тринадцати, двенадцати и одиннадцати лет – Мария, Елизавета, Екатерина. Гладкие блестящие волосы, уложенные в скромные девичьи прически, нежные овалы еще детских лиц, белые воздушные платья – действительно, ангелочки. Судьба отведет относительно долгую жизнь только младшей из них, Екатерине. Мария умрет в двадцать один, Елизавета – в девятнадцать. Да и если уж на то пошло, то дочерей у Михаила Павловича было не три, а пять, но самые младшие, Александра и Анна, умерли совсем маленькими, в год и в два соответственно. А сыновей не было вовсе. Разное можно сказать о младшем брате двух императоров, Александра I и Николая I, но никому не пожелаешь пережить почти всех своих детей.

Так что нелишним будет вспомнить добрым словом девочек, которые могли прожить самую блестящую жизнь, счастливую или несчастную, но блестящую, однако успели только-только вступить на свой путь.

Начать, наверное, следует с того, что брак родителей сестер, Михаила Павловича Романова, единственного порфирородного сына (то есть родившегося, когда его отец уже царствовал) Павла I, и Фредерики Вюртембергской, был несчастным. Фраза «все счастливые семьи одинаковы, каждая несчастная семья

несчастлива по-своему» уже давно набила всем оскомину, да и не совсем верна. Есть особая разновидность браков, супруги в которых несчастливы по одной и той же причине – это браки династические, заключенные без всякой симпатии между молодыми людьми, исключительно в политических целях. Бывает, новоявленным супругам удается шагнуть ближе друг к другу, и если не полюбить по-настоящему, то проникнуться к навязанному судьбой мужу или жене искренней симпатией и сочувствием. Иногда этого не случается, и люди, остающиеся чужими и нелюбимыми, вынуждены годами делить кров и постель. Именно это и произошло с Михаилом и его женой, Фредерикой Шарлоттой Марией, в крещении – Еленой Павловной.

И надо сказать, что бывшая немецкая принцесса, а затем и русская великая княгиня, была достойна и любви, и счастливой семейной жизни. Она подчинит своему уму, обаянию и тактичности буквально всех. Недаром В. В. Мусин-Пушкин так описывал ее: «Великая Княгиня Елена Павловна обладала редким и удивительным умением с каждым из своих собеседников – от искуснейшего дипломата до скромного офицера, от светила науки до малообразованного художника – вести разговор, настолько приспособленный к уровню их познаний и понятий, что давала им возможность выказывать их с выгоднейшей стороны. В разговоре с ней как бы умнел и самый ограниченный человек». «Женщина с обширным умом и превосходным сердцем» – так писал о ней другой современник. Свекровь, вдовствующая императрица Мария Федоровна, которая и устроила этот брак, император Александр I, унаследовавший после него трон брат Николай I, придворные, бесконечные гости императорского двора – почти все восхищались Еленой Павловной. Кроме мужа.

Карл Фридрих Вихман. Портрет великой княгини Елены Павловны (1835 г.)

Поначалу казалось, что все сложится удачно, и императрица писала в одном из писем, что все вокруг твердят о том, что принцесса Шарлотта – истинный ангел и в том, что касается внешности, и в том, что касается характера, что она девушка исключительных достоинств и сделает Михаила счастливой… Увы. Впоследствии сестра царственных братьев, Анна Павловна, будет писать, что не понимает Михаила. «Несмотря на то, что он мог бы любить свою жену, он поразительно холоден к ней и отказывается ее понимать. Я так и не знаю, в чем дело – в новизне ли ситуации, или, быть может, в стыдливости. На все мои расспросы по этому поводу он отвечает, делая вид, что всем доволен. Так что мне пришлось оставить его в покое, но вынести при этом убеждение в том, что без этого брака он вполне мог бы обойтись. Надеюсь, что со временем что-нибудь изменится. Две вещи более всего дороги ему – военная служба и сон. Остальное мало его заботит…»

Нет, ничего не изменилось. Женщина, которая «вечно училась чему-нибудь», как писал о ней В. Ф. Одоевский, не смогла

сблизиться с солдафоном, «который кроме военного устава ни одной книги не открыл», каким был Михаил Павлович. Четыре года спустя после заключения брака – а обвенчались они в феврале 1824 года – Константин Павлович, который, заметим, и сам, мягко говоря, не отличался деликатностью обращения, писал, тем не менее, о ситуации, сложившейся в семье невестки, брату-императору: «Положение оскорбительно для женского самолюбия и для той деликатности, которая вообще свойственна женщинам. Это – потерянная женщина, если плачевное положение, в котором она находится, не изменится».

Нет, Елена Павловна не «потерялась». «Княгиня Свобода», «княгиня милосердия», «мать-благодетельница» всю жизнь посвятила меценатству и благотворительности – школы для детей, дома призрения для бедных вдов, подготовка повивальных бабок и другие благотворительные учреждения, в особенности учреждение и содержание сестер милосердия… Число благодарных ей людей, от знаменитых поэтов той поры до скромных безвестных матерей семейств, огромно. Она сделала столько, сколько, пожалуй, не сделали другие дамы, члены обширной семьи Романовых, вместе взятые. Свое личное несчастье, неудачу в браке, она сумела побороть, помогая другим. И дочери пошли – или пошли бы, проживи достаточно долго – по ее стопам.

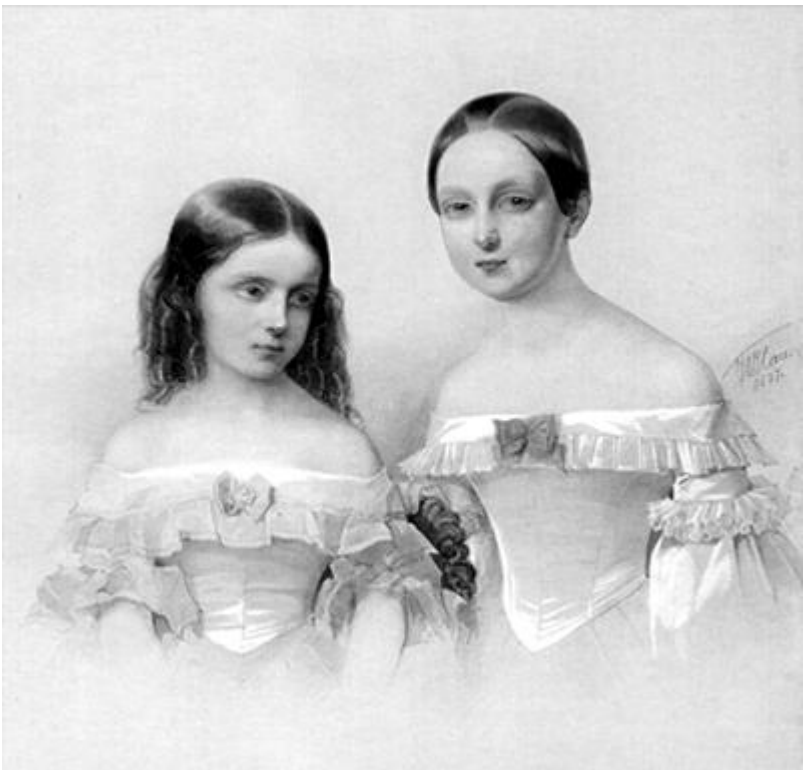
* * *

Первая дочь, Мария, родилась 10 марта 1825 года, почти ровно год спустя после свадьбы родителей. Конечно, Михаил Павлович рассчитывал на сына-наследника, что особо и не скрывал… Но, в конце концов, это был только первый ребенок юной жены – Елене Павловне было тогда всего девятнадцать, так что сыновья, казалось, еще будут. Знать бы тогда, что желанных мальчиков Михаилу не видать – даже внебрачный ребенок, который родится у него в 1843 году, окажется дочерью! И, пожалуй, то, что одна за другой в семье появлялись исключительно девочки, стало еще одной причиной недовольства великого князя супругой.

Но пол ребенка от желания родителей не зависит, и Елена Павловна искренне радовалась малышке. Год спустя, 26 мая 1826-го, родилась следующая дочь, Елизавета, а 16 августа 1827 года – Екатерина. После некоторой паузы, когда супруги на время вновь немного сблизятся, появятся еще две дочери. Александра родится в 1831-м, но умрет в 1832-м, и, наконец, Анна, последняя, можно

сказать, попытка ее родителей, появится на свет в 1834 году, а в 1836-м ее не станет. Так что трое старших станут свидетельницами того, какой мимолетной и скоротечной может оказаться жизнь, и никто, в том числе и члены императорской семьи, от быстрого конца не застрахован. Однако не будем забегать вперед.

Семья жила в Михайловском дворце – роскошном здании, чье строительство было запланировано еще в год рождения Михаила Павловича, началось в 1819 году, а закончилось в 1825 году. Это был роскошный, поистине императорский подарок Александра I своему самому младшему брату – строительством занимался знаменитейший Карл Росси. После венчания Михаил Павлович и Елена Павловна жили в своих покоях в Зимнем дворце, а после освящения Михайловского, состоявшегося в конце лета 1825 года, когда маленькой Марии было всего полгода, они переехали туда.



Владимир Гау. Портрет великих княжон Марии Михайловны и Екатерины Михайловны (1837 г.)

Если бы у Михаила Павловича рождались сыновья, то, вероятно, он уделял бы больше внимания семье и воспитанию детей. Но девочки, девочки, очередные дочери… Так что он с

чистой совестью отдавался военной службе, подолгу не возвращаясь домой и предоставив супруге заниматься их воспитанием. Что ж, в отличие от него, Елена Павловна была очень привязана к малышкам. Они получали все, что должны были получать принцессы крови, а это значит, прежде всего, вовсе не роскошную обстановку, а достойное воспитание.

Так, например, в 1835 году, когда Марии было десять лет, для нее начали издавать особый детский журнал, названный в ее же честь: «Детская библиотека, посвященная Ее Императорскому Высочеству великой княжне Марии Михайловне». Он просуществовал три года, и, конечно, зачитывалась им не только Мария, но и Елизавета с Екатериной.

Когда Мария подросла, то, помимо прочего, приступила к исполнению обязанностей члена императорской семьи – так, она была попечительницей Литейной школы Санкт-Петербургского патриотического общества, в год двадцатилетия она стала шефом Серпуховского уланского полка (после ее смерти шефство перейдет к младшей сестре, Екатерине).

К сожалению, здоровье Марии было хрупким, правда, до поры до времени оно не вызывало особых опасений. Планировалось, что со временем она, как и остальные сестры, родные и двоюродные, вступит в достойный ее положения брак. Так получилось, что первой из дочерей Михаила Павловича и Елены Павловны вышла замуж вторая дочь, Елизавета. Мария искренне радовалась за сестру, чей брак с молодым герцогом Нассауским оказался счастливым, а в качестве жениха для нее самой рассматривали кандидатуру другого наследного принца, Баденского.

Увы, счастье Елизаветы Михайловны окажется мимолетным – забегая вперед, скажем, что она скончалась через год после своей свадьбы, в январе 1845-го, и приблизительно в то же время здоровье Марии Михайловны резко ухудшилось.

Обнаружилось это в Вене. Елена Павловна отправилась в путешествие по Европе, поехала с ней и Мария Михайловна. Это была первая продолжительная поездка Марии за границу, она же оказалась и последней… Видимо, более проницательный, чем остальные, барон Модест Корф писал, что следовало бы искать Марии не столько жениха – а именно поиск подходящих кандидатов и являлся основной целью поездки (что, конечно же, не афишировалось) – сколько хорошего врача. Он оказался прав. Вена оказалась последней остановкой в пути – Мария Михайловна слегла и больше уже не поднималась.

Владимир Гау. Портрет великой княжны Марии Михайловны (1844 г.)

Поначалу родители по-прежнему не осознавали серьезности положения – девушка слабела с каждым днем, а Михаил Павлович, выехавший к дочери, все еще отказывался понимать, что их ждет. Сестра его, Анна Павловна, королева Нидерландов, писала другому брату, императору Николаю: «Будет слишком ужасно потерять двух дочерей за неполные два года». Все надеялись, что у Марии еще есть шанс поправиться… Родная сестра великой княгини Елены Павловны, Паулина, вдовствующая герцогиня Нассауская, приехала в Вену, чтобы поддержать семью сестры в этот тяжелый момент.

Если учесть, что Паулина была мачехой герцога Адольфа Нассауского, мужа Елизаветы Михайловны, и свидетельницей смерти юной герцогини, ей тоже приходилось нелегко: утратив родную племянницу, ставшую ей невесткой, теперь она беспомощно наблюдала за мучениями второй.

Чахотка, которая быстро перешла в скоротечную фазу, не

пощадила Марию. 19 ноября 1846 года, в возрасте двадцати одного года, она, первенец, старшая дочь, скончалась на руках у родителей. Это была вторая страшная потеря в семье за короткий срок, и не надо думать, что к горю можно привыкнуть, что второй удар переживаешь легче первого… Ничуть.

Тело Марии Михайловны перевезли в Петербург со всеми положенными почестями и похоронили в Петропавловском соборе рядом с младшими сестрами, Александрой и Анной. Елена Павловна так тяжело переживала смерть дочери, что даже не смогла сопровождать ее в этот последний путь. Михаил Павлович, который, несмотря на несбывшуюся мечту о сыне, дочерей все-таки любил, от этих двух смертей так и не оправился.

* * *

Однако прежде чем писать о смерти другой дочери, Елизаветы Михайловны, обратимся к ее жизни.

Елизавета, как упоминалась выше, родилась в мае 1826 года. Маленькой Марии было тогда год и два месяца. Декабрьское восстание, смерть Александра I, смерть его супруги, вдовствующей императрицы Елизаветы Алексеевны – все это было еще свежо в памяти. Более того, девочка родилась всего через десять дней после смерти Елизаветы Алексеевны и именно в ее честь и была названа. Хотя отношения императора Александра с женой были сложными и значительную часть жизни супруги прожили раздельно, Елена Павловна была очень дружна с ней, и назвать дочь именем только что ушедшей старшей подруги казалось ей естественным. Для окружающих же радостное событие, рождение очередной императорской племянницы, случившееся после ряда утрат, казалось добрым знамением.

Родные называли Елизавету не Лизой, как можно было предположить, а ласковым именем Лили, или Лилли. Если Мария всегда была хрупкой, то Лили, наоборот, – самой крепкой из всех дочерей Елены Павловны. Впоследствии в одном из отчетов, описывавших потенциальную невесту, а потому учитывавших все подробности, касавшиеся внешности, телосложения и характера девицы, о ней писали: «Самая здоровая из трех сестер, самая красивая, высокая и стройная. Волосы отливают глубокими красными тонами, длинные светлые ресницы и очаровательное личико». Сложно судить, была ли Елизавета действительно самой красивой из своих сестер – все они были милы по-своему. Однако, судя по воспоминаниям современников, у нее был живой и прямодушный характер, что подкупало окружающих. Ольга

Николаевна, дочь императора Николая I, так будет писать о кузине Лилли: «Бабушка приходила уже с утра, со своей гобеленовой вышивкой, в маленький деревянный дворец, садилась в детской и принимала там доклады, в то время как мы вовсю резвились. Она изучала наши склонности и способности; <…> кузина Лилли (Великая княжна Елизавета Михайловна, очень прямая, немного вспыльчивая и похожая на мальчика, звалась ею „честный человек“)». Что ж, для члена самой главной семьи страны это, пожалуй, почетный титул – хотя, заметим, и было-то Елизавете в ту пору всего два года.

Владимир Гау. Портрет великой княжны Елизаветы Михайловны (1844 г.)

Со временем, как и всем девицам, ей предстояло выйти замуж, а учитывая высокое положение Елизаветы, к выбору

жениха подходили с особой серьезностью. Скажем сразу – выбор этот оказался чрезвычайно удачным, и, можно сказать, все происходило, как в сказке: «И жених сыскался ей, королевич Елисей». Однако, опять-таки учитывая положение семьи, не обошлось и без трудностей, причем поджидали они вовсе не за рубежом, как можно было полагать, а здесь, в России, и касались самых близких родственников…

Родная сестра Елены Павловны, Паулина Вюртембергская, стала в свое время второй супругой овдовевшего Вильгельма, герцога Нассауского. Адольф (Адольф-Вильгельм-Карл-Август-Фридрих), его наследник, которому и предстояло стать женихом Елизаветы, родился в 1817 году. Мальчику было восемь лет, когда скончалась его мать, Луиза Саксен-Гильдбургхаузенская. Через несколько лет герцог Вильгельм женился во второй раз. К чести Паулины будет сказано, она, хотя и стала в этом браке матерью двух дочерей и сына, к детям от предыдущего брака своего мужа всегда питала симпатию и заботилась о них, как о родных. И, естественно, ее очень заботило их будущее.

Юного принца готовили к трону очень серьезно. Пожалуй, образованию, которое он получил, могли бы позавидовать европейские наследники более крупных государств. И он, и его младший брат Морис учились не только дома с частными преподавателями, как было тогда принято, а еще и в Венском университете.

Как вскоре оказалось, все это было проделано очень вовремя. Вильгельм Нассауский скончался в 1839 году, и Адольф стал новым герцогом в возрасте всего двадцати двух лет.

Каким он был в те годы? Среднего роста, не столько богатырского, сколько деликатного сложения, с приятным открытым лицом, столь же прямой речью, в меру скромный и сдержанный, в меру уверенный в себе, как и полагается монарху. Словом, немецкий герцог – уже не наследник, а монарх – представлял собой завидную партию и должен был как можно скорее жениться. Именно этим вопросом и озаботилась вдовствующая герцогиня Паулина, его мачеха. Заинтересовалась новоиспеченным герцогом Нассауским и… Александра Федоровна, супруга императора Николая I. Они с супругом сочли, что герцог – вполне подходящий жених для одной из их дочерей, Ольги Николаевны.

Идея породниться с российским императорским домом была хороша для Адольфа, с какой стороны ни посмотри. Кроме того, что это было чрезвычайно почетно само по себе, Нассау с Россией уже были связаны узами родства, и не только через Елену Павловну и ее сестру. В 1837 году Тереза Нассауская, родная

сестра Адольфа, стала супругой Петра Ольденбургского. А Петр был сыном герцога Георга Ольденбургского и Екатерины Павловны Романовой, дочери Павла I, то есть приходился императору Николаю I (и, соответственно, Михаилу Павловичу, отцу Елизаветы Михайловны) родным племянником.

Итак, сестра Адольфа стала женой племянника императора, а перед ним самим стал выбор – или племянница императора Елизавета Михайловна, или дочь Ольга Николаевна. Императрица Александра Федоровна, дама нежная и капризная, оказалась как раз одной из тех немногих, кто не очень восхищался Еленой Павловной. Ученость снохи и ее разносторонние интересы, скорее, вызывали раздражение, а когда дело дошло до этого своеобразного соперничества – чья же дочь станет супругой герцога Нассауского – едва не разразился скандал. Сама Ольга писала: «Стали подыскивать мне другую партию и остановились на герцоге Нассауском. Это чуть не привело к разрыву с Михайловским дворцом. Тетя Елена уже лелеяла мечту о том, чтобы сделать свою старшую дочь Марию наследной Великой герцогиней в Карлсруэ, младшую же Лилли водворить в Висбадене, как жену Адольфа Нассауского. Когда Папа узнал об этом, он сейчас же заявил, что его племянницы такие же Великие княжны, как мы, и он их считает своими детьми, поэтому Адольф Нассауский волен выбрать между нами по своему усмотрению».

Тот же свой выбор сделал – рыжеволосая Елизавета очаровала его, что называется, с первого взгляда. Впрочем, это значило не так уж много – в вопросах престижа симпатии может быть отведено самое последнее место, и то, что герцог в конце концов остановит свой выбор на дочери императора, а не на племяннице, не исключалось. Однако… Ольга Николаевна писала: «Папа приказал герцогу приехать в Ропшу, где был на маневрах, принял его в своей палатке, и герцог тогда же сказал ему, что просит у него руки Великой княжны Елизаветы (дочери дяди Михаила). Папа был удивлен, но ничего не имел против этого, и герцог поспешил уехать в Карлсбад, где в то время лечилась со своими дочерьми тетя Елена».

Счастливый Адольф отправился в Карлсбад, на встречу с невестой. А его брат Морис, которому Ольга как раз очень понравилась, и был бы рад на ней жениться, но этого не захотела она сама – ведь Морис являлся всего-навсего младшим братом и собственного государства у него не было…

В январе 1844 года в императорской семье состоялась не одна, а сразу две свадьбы. Александра Николаевна Романова, родная сестра Ольги и, соответственно, двоюродная сестра

Елизаветы Михайловны, обвенчалась с принцем Фридрихом Гессен-Кассельским, а через три дня, 1 февраля, обвенчались Елизавета и Адольф. Невесте шел восемнадцатый год, жениху – двадцать седьмой. Она была представительницей одной из самых могущественных семей Европы, он – монархом небольшого, но самостоятельного государства. Но, главное, он был по-настоящему влюблен, а она отвечала на его чувства…

Можно представить себе размах празднеств, которыми в Петербурге отмечали свадьбы правящего дома! И родители Елизаветы изо всех сил старались, чтобы свадьба их драгоценной Лилли ничуть не уступала по размаху свадьбе ее кузины.

Александра Николаевна осталась – на время, как считалось – в России, поближе к родителям, а вот Елизавета Михайловна отправилась на родину супруга. Жить им предстояло, разумеется, в столице герцогства – в Висбадене.

Будучи членом императорской фамилии, Елизавета Михайловна получила роскошное приданое – помимо личных вещей, подготовленных для нее семьей, великой княжне полагался один миллион рублей серебром; а если конкретнее, то она получала право пожизненно пользоваться доходами с этой суммы. Годовой процент был не так уж и высок, 4 %, но в итоге, благодаря размеру основного капитала, доход получался высоким – сорок тысяч рублей ежегодно, очень большая сумма по тем временам.

Более того, поскольку Елизавета Михайловна была супругой правящего герцога, то, помимо еще одной крупной суммы, «свадебного подарка», ей полагались и ежегодные выплаты, что называется, «на булавки». Словом, герцогиня была, в соответствии со своим рангом, очень обеспеченной женщиной.

Однако вместо того, чтобы спускать деньги на туалеты и драгоценности, Елизавета Михайловна с самых первых дней своего пребывания в Нассау пошла по стопам самого близкого и самого уважаемого ею человека – матери. Елена Павловна выделяла на благотворительность и время, и деньги, и Елизавете Михайловне было с кого брать пример. От выплат из казны Нассау она отказалась, настояв, чтобы эти деньги были пущены на удовлетворение нужд самых бедных жителей ее новой родины. Часть денег пошла на приобретение земельных участков, которые раздали беднякам с тем, чтобы те могли заниматься земледелием и таким образом прокормиться, часть – на выкуп вещей, которые были отданы под залог нуждающимся. Еще одна идея, которую Елизавета Михайловна не успела осуществить, – открытие детской больницы. Заметим, в те времена в Висбадене вообще не было такого лечебного учреждения, эта больница должна была

стать первой!

Словом, деятельная герцогиня нашла чем себя занять, а еще наслаждалась семейным счастьем. Спустя несколько месяцев после свадьбы стало ясно, что Елизавета Михайловна ожидает ребенка. Эта новость привела Адольфа в восторг, а вместе с ним и остальное герцогство – Елизавету Михайловну, такую юную, но внимательную и добросердечную, там успели полюбить. Ее окружали самой нежной заботой, Елена Павловна обещала приехать к дочери, словом, казалось, все складывалось как нельзя лучше.

Но летом того же, 1844-го, года в Царском Селе скончалась Александра Николаевна, прелестная кузина Елизаветы Михайловны, с которой они почти одновременно праздновали свои свадьбы. Чахотка не позволила ей доносить ребенка, и, родив шестимесячного мальчика, бедняжка скончалась. Эта смерть стала страшным ударом для ее родителей и всей большой семьи Романовых, так что Елена Павловна изо всех сил поддерживала и мужа, и деверя и не поехала в Нассау. А надо было…

27 января 1845 года Елизавета Михайловна родила дочку. Увы, девочка скончалась, а вскоре скончалась и она сама – почти ровно год спустя после свадьбы кузины и не дожив нескольких дней до собственной первой годовщины супружеской жизни.

Именно это и будет сводить с ума несчастного супруга, который будет хоронить свою Елизавету, все повторяя и повторяя: «Год назад я стоял с ней перед алтарем». Поверить, что этой жизнерадостной и такой юной – ей ведь не исполнилось еще и девятнадцати! – женщины, счастливой жены, которая могла стать столь же счастливой матерью, больше нет, было очень трудно.

В память о супруге герцог Адольф выстроил храм. Изящное здание с золотыми куполами высится на одном из самых высоких мест в окрестностях Висбадена – на так называемой Нероновой горе, Нероберге. Архитектор Филип Хоффман отправился в Россию, чтобы своими глазами посмотреть на лучшие образцы русского церковного зодчества, так что выстроенная из светлого песчаника церковь очень напоминает своих русских «собратьев», только очертания ее более вытянуты, отчего она кажется более стройной и элегантной. А над иконостасом работал Карл Тимолеон фон Нефф, который создал множество икон для храма Христа Спасителя в Москве и Исаакиевского собора в Петербурге. Фрески же писал Валерий Иванович Якоби, придворный художник.

В одной из стен храма Праведной Елизаветы сделана ниша. Там стоит саркофаг из белоснежного каррарского мрамора, в

котором покоится Елизавета Михайловна вместе с дочерью. Надгробие украшает мраморная же фигура – юная Елизавета в легкой тунике и венке из роз покоится на мраморном ложе, напоминая красавиц античной эпохи…

На кладбище рядом с церковью в Висбадене немало русских имен, и среди них, например, Юлиана Павловна Кюхельбекер, сестра «Кюхли», близкого друга А. С. Пушкина Карла Кюхельбекера. И граф Мусин-Пушкин, так восхищавшийся матерью Елизаветы, Еленой Павловной, тоже лежит там.

Впоследствии, в середине 1890-х годов, император Николай II выкупил и участок, прилегающий к церкви, и выстроенное рядом здание в русском стиле, и сам храм – все это сохранилось до наших дней и принадлежит Русской православной церкви.

Место для этой памяти о жене герцог Адольф выбрал неслучайно – холм с церковью Праведной Елизаветы виден из многих точек города, но главное – из герцогского дворца, где он и Елизавета были так счастливы – пусть и меньше года. Память о ней пытались сберечь всеми силами – в том же печальном 1845 году была открыта детская больница, строительство которой успела запланировать несчастная герцогиня. Имя больница, конечно же, тоже получила в ее честь, а работать в ней стал личный врач Елизаветы, который приехал с ней из России, А. Вейзенталь. Увы, сберечь свою подопечную ему не удалось, так что все свои силы он посвятил ее детищу.

А в России Елена Павловна, которая полтора года спустя потеряет и старшую дочь, Марию, откроет приюты в Петербурге и Павловске и назовет их приютами «Елизаветы и Марии». Такие поступки хоть и не облегчают боль, зато напоминают об ушедших не только членам семьи.

Адольф оставался безутешным долго. Быть может, он так и не женился бы, или женился бы годы спустя, если бы в 1850 году не скончался его младший брат Морис, который был наследником своего бездетного брата. Оставался еще только один представитель мужской ветви семьи, помимо Адольфа, – его сводный брат Николас, сын мачехи, герцогини Паулины. Словом, чтобы обеспечить стране наследника, Адольф был вынужден снова вступить в брак, и в 1851 году, через шесть лет после смерти Елизаветы Михайловны, он обвенчался (предварительно посоветовавшись с российским императорским домом) с Адельгейдой Марией Анхальт-Дессауской.

В 1866 году он потерял свое герцогство, когда поддержал Австрию в Австро-прусской войне. Австрия тогда потерпела поражение, а Пруссия аннексировала Нассау. Однако судьба бывает порой очень причудлива, и в 1890 году, когда Адольфу,

много лет прожившему в Вене в качестве монарха-изгнанника, было уже за семьдесят, его вновь пригласили занять трон, на этот раз – люксембургский. Королева Вильгельмина унаследовала от своего отца, Виллема III, корону Нидерландов, а вот корону Люксембурга получить не могла – наследование в великом герцогстве Люксембургском возможно было исключительно по мужской линии, а Адольф и был самым старшим из живших тогда представителей рода Нассау мужского пола. Словом, почти четверть века спустя он вновь стал правящим монархом, и ему суждено было увидеть новый, XX, век. Адольф правил Люксембургом вплоть до своей смерти в 1905 году и скончался в очень преклонном возрасте – ему было 88 лет. К тому времени его жизнь с Елизаветой в 1840-х казалась, надо полагать, уже не столько реальностью, сколько сном юности…

Заметим, что его старший сын от второго брака, Вильгельм (Виллем), который и станет следующим герцогом Люксембургским, одну из своих дочерей назовет Елизаветой. Прекрасное благородное имя, но, быть может, оно было выбрано в память о Елизавете Михайловне? Кто знает…

* * *

А меж тем в семье Елены Павловны и Михаила Павловича оставалась еще одна дочь, Екатерина. Единственный их ребенок, который пережил родителей.

Екатерина родилась в августе 1827 года – третий ребенок и третья дочь! Михаил Павлович уже совершенно не скрывал своего недовольства из-за того, что супруга вновь не родила ему сына, так что расстроенная великая княгиня, взяв с собой трех малышек, уехала из России в Германию, «на воды», чтобы побыть там вдали от человека, жизнь с которым оказалась для нее такой нелегкой. Быть может, она задержалась бы там еще дольше, но тут скончалась вдовствующая императрица Мария Федоровна. И Елена Павловна поспешила назад – не только потому, что ее присутствия требовал протокол, но и чтобы поддержать деверя-императора и собственного мужа. Супругом он был неважным, а вот сыном – очень внимательным, и смерть матери тяжело на нем сказалась.

К воспитанию всех девочек Елена Михайловна подходила с одинаковой тщательностью, но говорили, что старшие сестры затмевают Екатерину по всем параметрам. Учатся лучше, соображают быстрее, более способные… К тому же, хоть она и была симпатичной, на фоне Марии и Елизаветы все-таки

проигрывала – не такая стройная и изящная, скорее плотная, и личико – не идеальный овал, а круглощекое, более простое. Но более темные, чем у сестер, волосы, большие голубые глаза и румянец все равно делали ее очень привлекательной. А если учесть, что и характер у Екатерины был жизнерадостный и добродушный, то окружающих она легко располагала к себе.

Шли годы. Их, пусть и не счастливая, но большая семья уменьшалась год за годом. Екатерине было пять лет, когда умерла годовалая Александра, девять, когда скончалась Анна. Но они хотя бы были малышками, к которым старшие сестры едва успели привыкнуть и привязаться. А вот когда старшие, те, с кем рядом ты провела всю свою жизнь, ушли одна за другой… Конечно, родители тяжело переживали потерю дочерей, но и Екатерина страдала не меньше, потеряв самых близких подруг – старших сестер. Когда в ноябре 1846 года не стало Марии, девятнадцатилетняя Екатерина осталась единственным утешением родителей. А в конце августа 1849 года, через две недели после своего двадцать второго дня рождения, она лишилась и отца. Он находился в то время под Варшавой, и Елена Павловна вместе с Екатериной срочно выехали к умирающему – Елена Павловна успела примириться с мужем, пусть это и произошло перед самой его смертью, а дочь – попрощаться с отцом, пусть они никогда и не были особо близки.

Карл Фердинанд Зон. Портрет великой княгини Марии Михайловны (1847 г.)

После этого Елена Павловна и Екатерина остались совершенно одни, можно сказать, осиротели окончательно. Правда, Екатерина при этом стала единственной наследницей отца, и не менее завидной, а быть может, даже более завидной партией, чем ее сестры. Но она совершенно не хотела выходить замуж и покидать Россию. После смерти остальных детей Екатерина стала матери особенно дорога, и она не хотела с ней разлучаться. Конечно, идеальным выходом в такой ситуации было бы выйти замуж и остаться в Санкт-Петербурге, поближе к матери… Ведь осуществилась же мечта ее двоюродный сестры, дочери императора, Марии Николаевны, остаться в России? Она вышла замуж за Максимилиана Лейхтенбергского, который не забрал супругу с собой, а остался служить новой родине. Именно

такой вариант казался наиболее желанным и Екатерине Михайловне, и ее матери. Именно так в конце концов и произошло. Женихом Екатерины стал Георг, герцог Мекленбург-Стрелицкий.

Екатерина была не первой девицей из Дома Романовых, которая связала себя браком с представителем Мекленбургского дома. В первый раз это произошло в 1716 году, когда тезка Екатерины, только не Михайловна, а Ивановна, дочь царя Иоанна, племянница Петра Великого, была выдана замуж за герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского, от которого впоследствии сбежала в Россию, захватив с собой четырехлетнюю дочку. Она, это девочка, когда вырастет, станет правительницей России, правда, совсем ненадолго. Анну Леопольдовну, внучатую племянницу Петра I, уберет с дороги дочь Петра Елизавета.

Почти век спустя, в 1799 году, за Фридриха Людвига Мекленбург-Шверинского выдаст свою дочь Елену Павел I. Этот брак был счастливым, но Елену Павловну постигла участь многих молодых женщин той поры – чахотка, трудные роды и ранняя смерть. Однако после ее кончины связь с Мекленбургским домом не прервалась – сын Елены Павловны Пауль Фридрих женился на Александрине Прусской, чья сестра Шарлотта стала супругой Николая, будущего императора Николая I, и приняла в крещении имя Александры Федоровны. Так что герцог Мекленбург-Шверинский приходился императору одновременно и племянником, и свояком.

И забегая вперед, скажем, что герцог Фридрих Франц, правнук Елены Павловны, женится на Анастасии Михайловне, внучке императора Николая Павловича, своей троюродной сестре, а его родная сестра, принявшая имя Мария Павловна, будет супругой Владимира Александровича, внука Николая Павловича. Словом, ветви генеалогических деревьев переплелись очень тесно!

А тогда, в середине XIX века, представитель другой ветви Мекленбургского дома, Мекленбург-Стрелицкой, тоже внес в это переплетение свой вклад.

Георг Август Эрнест Адольф Карл Людвиг был вторым сыном великого герцога Георга Фридриха Мекленбург-Стрелицкого (заметим, что «великим» оно стало не так и давно, в результате решения Венского конгресса 1815 года; то же произошло и с герцогством Мекленбург-Шверинским). Отец Георга Августа был родным братом, а сам он, соответственно, племянником королевы Луизы Прусской. А значит, и двоюродным братом дочери Луизы Шарлотты Прусской, то есть Александры Федоровны, жены Николая I. Родство весьма близкое и выгодное, особенно если

учитывать, что Георг, младший сын, не наследовал герцогство.

Он родился в 1824 году, получил домашнее образование, посещал гимназию в Дрездене, а потом поступил в университет Бонна – словом, был образован лучше, чем многие из тогдашних принцев. Затем вступил в ряды прусской армии – как и многие его родственники по мужской линии, стал капитаном артиллерии. Когда вспыхнула революция 1848 года, Георг Август Мекленбург-Стрелицкий был одним из тех, кто выступал на стороне подавлявших революционное движение (что естественно, учитывая его происхождение). Однако, когда король Пруссии Фридрих Вильгельм IV дал слабину и отдал приказ оставить Берлин, Георг Август был так возмущен, что не смог дальше продолжать служить в прусской армии – капитуляция короля стала причиной его отставки. Он подал прошение и, даже не дождавшись подтверждения, уехал. Сначала вернулся на родину, затем отправился в Англию. Ему нужно было строить свое будущее заново, и Россия показалась наилучшим для этого местом, особенно учитывая, что на троне рядом с императором сидела его кузина.

Георг Август вступил в ряды русской армии, далее случилась его встреча с Екатериной Михайловной. Перспектива такого брака устраивала всех родственников и была благосклонно принята самим императором – так, еще до официального предложения, которое последовало в июле 1850 года, герцог получил орден Андрея Первозванного, а когда предложение было принято, то он стал генерал-майором артиллерии.

Свадьба состоялась через полгода, зимой 1851 года. Последнюю из остававшихся в живых дочь Михаила Павловича выдавали замуж с большим блеском. Помимо прочего, этот брак означал, что брату императора все-таки было суждено оставить потомство – если, разумеется, с Екатериной Михайловной и дальше все будет благополучно…

3 февраля жених получил очередной знак милости от императора – алмазные знаки к уже полученному ордену, а 4 февраля состоялось само венчание. Как это бывало в подобных случаях, сначала по православному обряду, затем – по лютеранскому. Как и все великие княжны, Екатерина Михайловна в этот день была в наряде из серебряной парчи и казалась если не ослепительной красавицей, то, по меньшей мере, очень привлекательной. Она не была такой юной, как ее сестра и кузины, вышедшие замуж рано, ей летом того года должно было исполниться двадцать четыре (жениху как раз исполнилось двадцать семь), зато она вступала в брак, что называется, с открытыми глазами. Пусть страстной любви между супругами и

не вспыхнуло, но они были вполне довольны сложившейся у них семейной жизнью.

Георг Август, которого стали называть Георгом Георгиевичем, продолжал поддерживать связь с родиной. Жили они с Екатериной Михайловной в отведенных им покоях Михайловского дворца, однако очень скоро приобрели очаровательное поместье Ремплин в Мекленбурге. Служба в российской армии занимала большую часть времени, однако всякий раз, когда он мог посвятить время семье, Георг Георгиевич вместе с женой и детьми отправлялся туда. А еще заметим, что, став герцогиней Мекленбургской, Екатерина Михайловна, хотя и продолжала жить в России, перестала быть российской подданной.

Семья увеличивалась год от года. Правда, первенец, Николай Георг, который родился в 1854-м, умер сразу, не выжила и Мария Фредерика, родившаяся семь лет спустя.

Великая княгиня Екатерина Михайловна

Зато остальные их дети прожили весьма долго. Елена Мария Александра Елизавета Августа Екатерина (Елена Георгиевна) – 1857–1936, Георг Александр Михаил Фридрих Вильгельм Франц Карл (Георгий Георгиевич) – 1859–1909, Карл Михаил Вильгельм Александр Август (Михаил Георгиевич) – 1863–1934.

Глава семьи продолжал служить в русской армии, причем

делал это весьма усердно, отдавая себя целиком новой родине. Начав службу при Николае I, он продолжил ее при следующем императоре, Александре II. В 1854 году он получил чин генерал-лейтенанта, а 1860-м – генерал-адъютанта, в 1861-м – генерала от артиллерии.

В феврале 1876 года он и Екатерина Михайловна отпраздновали свою серебряную свадьбу – вероятно, они надеялись отпраздновать когда-нибудь и золотую, но вскоре после юбилея Георг Георгиевич почувствовал себя неважно. Доктора поставили диагноз – болезнь почек. Это не было приговором, но, как оказалось, болезнь очень быстро прогрессировала, сопровождаясь сильными болями. 20 июня он скончался, оставив сорокадевятилетнюю Екатерину Михайловну вдовой. Останки его, после торжественной церемонии в Санкт-Петербурге, были отправлены на родину – после смерти герцог Мекленбург-Стрелицкий, отдав большую часть жизни России, желал покоиться в семейной усыпальнице в Мирро.

Незадолго до того, в январе 1873 года, Екатерина Михайловна потеряла еще одного близкого человека, свою мать Елену Павловну. Еще при ее жизни она помогала ей в делах благотворительности – так, например, в 1872 году она стала председательницей Санкт-Петербургского женского патриотического общества. Теперь же, после смерти матери, дочь чувствовала себя обязанной не дать угаснуть ее начинаниям.

Так, при ней был завершен и открыт Клинический институт, чего так и не успела сделать Елена Павловна (это учебное заведение существует и по сей день – Санкт-Петербургская медицинская академия последипломного образования), взяла под свое покровительство Мариинский и Повивальный институты (теперь это Институт акушерства и гинекологии). Ей принадлежал Ораниенбаумский дворец, и там Екатерина Михайловна открыла приют для больных детей. Самое, пожалуй, важное дело матери, Крестовоздвиженская община сестер милосердия, самое основание которой потребовало в свое время от Елены Павловны пройти через непонимание, протесты и даже насмешки (женщины будут ухаживать за ранеными! неслыханно, неприлично!), тоже оказалось под опекой Екатерины Михайловны. Словом, множество медицинских, а также образовательных учреждений, и не только в Санкт-Петербурге, но и по всей России, были, что называется, под ее крылом.

Продолжила она и другое начинание матери, которая была кроме всего прочего хозяйкой блестящего салона. Некогда граф П. Д. Кисилев писал о вечерах Елены Павловны так: «Вечера и обеды, которые она дает, не оставляют ничего желать в

отношении устройства и даже иногда роскоши. Приглашаемые не всегда принадлежат к высшим слоям общества: в этих приглашениях принимаются во внимание личные достоинства». И нельзя сказать, чтобы она потерпела на этом поприще поражение, отнюдь. Но… один из современников вспоминал потом: «Великая княгиня Екатерина была дамой старомодной, пытавшейся сохранить „салон“ своей матери, великой княгини Елены Павловны, но у нее не было той живости ума и духа, и ее вечера были очень скучными. Впрочем, она была выдающейся личностью, и когда входила в двери, вы тут же оказывались в атмосфере поистине королевской. Когда она скончалась, вместе с ней умерла целая эпоха».

Екатерина Михайловна скончалась в мае 1894 г. в возрасте шестидесяти семи лет и была похоронена, как и ее родные, в Петропавловском соборе.

В отличие от сестер, ей удалось оставить и воспитать свое потомство.

Елена Георгиевна, старшая из ее детей, вышла замуж очень поздно по меркам той поры – в 1891 году, когда ей было тридцать четыре года. Ее мужем стал принц Альберт Саксен-Альтенбургский, и брак этот остался бездетным – хотя от первого брака у ее мужа были дети, Ольга и Мария. Они жили попеременно то в Берлине (правда, после 1896 года из-за противоречий с кайзером Вильгельмом перестали туда приезжать), то в России, а после того как в 1902 году Альберт скончался, Елена, герцогиня Саксонская, осталась в России. Здесь она и жила до тех пор, пока в 1919-м ей не пришлось, как и многим другим Романовым, уехать из страны. Поселилась герцогиня в поместье Ремплин, где когда-то проводила детство, и прожила там вплоть до своей смерти в глубокой старости.

Старший сын, Георг Георгиевич, получил блестящее образование – он учился в Страсбургском и Лейпцигском университетах, затем поступил на военную службу (причем, заметим, был не только практиком, но и теоретиком – занимался переводами трудов по теории военного дела на русский). Он увлекался музыкой, прекрасно играл и на виолончели, и на рояле, был не только исполнителем, но и композитором, и даже создал «Квартет Мекленбургского» – струнный камерный ансамбль. Увлекался историей и коллекционированием предметов искусства – не только бережно хранил коллекции, доставшиеся ему от деда Михаила Павловича, но и преумножал их. А если учесть, что у него был очень открытый характер, то таким сыном любая мать могла бы гордиться.

Екатерина Михайловна гордилась – за исключением одного

только момента, однако, чрезвычайно важного. Георг Георгиевич влюбился в неровню. Конечно, Наталья Федоровна Вонлярлярская была дворянкой, дочерью статского советника, фрейлиной – но, конечно, не годилась в супруги сыну немецкого герцога и ближайшей родственнице российского императорского дома. Такой брак был бы мезальянсом и в России, и в Германии. Екатерина Михайловна, полагая, что это всего лишь увлечение, которое скоро пройдет, уволила Наталью. Но ошиблась – речь шла не об интрижке герцога и фрейлины, пригодной только для водевиля, а о настоящем чувстве. Поняв, что сочувствия у матери ему не найти, Георг Георгиевич отправился к своему дяде великому герцогу Мекленбург-Стрелицкому и попросил его дать позволение на этот морганатический брак. В 1890 году он женился на своей любимой, и брак оказался настолько удачным, супруги были так привязаны друг к другу, что не признать этого не смогла даже Екатерина Михайловна. От дяди своего мужа, Фридриха Вильгельма, Наталья получила титул графини Карловой, и четверо детей, родившихся в браке, три девочки и мальчик, унаследовали этот титул.

Георг Георгиевич умер довольно рано, в пятьдесят лет, в 1909 году, и был похоронен в семейном склепе в Ораниенбауме.

Опекуном его десятилетнего сына и дочерей стал его младший брат Михаил Георгиевич – тот так и не женился и тоже, как отец и брат, служил в русской армии. Близкий друг Георга, он также, заметим, получил прекрасное образование и учился в Страсбургском университете.

Михаил Георгиевич отрекся от прав наследования Мекленбург-Стрелицкого трона в 1914 году, а когда несколько лет спустя его кузен, ставший великим герцогом Мекленбург-Стрелицким, скончался и у Михаила появился шанс сменить его на этом посту, он остался тверд – став гражданином России, он хотел им и остаться.

После революции, как и все остававшиеся в живых члены семьи, он бежал из России и завершил свой путь в Ремплине, где жил вместе с сестрой Еленой, племянником и двумя остававшимися в живых племянницами – вдова брата, Наталья, умерла в 1921 году в Каннах. В 1928 году он усыновил племянника, Георга Александра, и тот стал носить два титула, графа Карлова и герцога Мекленбургского (правнук Георга сегодня является главой Мекленбургского дома).

В 1934 году Михаил Георгиевич умер, а спустя два года ушла из жизни и Елена Георгиевна.

Их истории довольно кратки, можно сказать, даже несколько обыденны и меркнут на фоне жизненного пути других членов

семьи – например, их современниц, дочерей Николая I. Но разве из этого следует, что о них нужно забыть?..

Глава 3. Принцессы второй половины XIX века

Вторая половина XIX века была для России довольно напряженным временем, хотя и далеко не худшим в ее истории. Да, проводились реформы, однако вместо одних проблем возникали новые, и именно в ту пору начало стремительно развиваться революционное движение. Можно было бы предположить, что заботы большого мира мало сказывались на судьбах женщин императорской фамилии, однако… 1 марта 1881 года император Александр II погиб от бомбы, брошенной ему под ноги народовольцем (и, заметим, возвращался он от своей кузины, великой княжны Екатерины Михайловны Мекленбургской). Страшное потрясение для всей страны – и для всей семьи. А на заре грядущего, страшного XX века, в 1905 году, от другой бомбы, погибает великий князь Сергей Александрович.

И волна войн и революций накроет наших героинь. Правда, случится это уже на склоне лет, но ощущение угрозы, витающей в воздухе, им придется пронести через всю жизнь. Пока они все еще могут пытаться жить теми же заботами, что и предыдущие поколения – ждать достойного претендента на свою руку, а потом обустраиваться в чужой стране. Пока что это борьба не за выживание, а только за счастье.

Великая княжна Ольга Константиновна, королева эллинов

Принцессы отвечают только за себя, королевы – за свой народ. Но ответственность эта обычно ложится на плечи вышедших замуж принцесс далеко не сразу, и могут пройти долгие годы, прежде чем они станут королевами. Наверное, это к лучшему – юные девушки успевают окрепнуть и подготовиться к тому, что их ожидает. Но порой королевами становятся очень рано. Что ж, тогда приходится откладывать кукол и учиться управляться с живыми людьми. И делать это надо так, чтобы на долгие годы оставить по себе добрую память…

* * *

Ольга Константиновна Романова родилась в сентябре 1851 года в семье великого князя Константина Николаевича, второго сына императора Николая I, и его супруги Александры Иосифовны (в девичестве – Александра Фредерика Генриэтта Саксен-Альтенбургская).

Две дочери и четверо сыновей – такой семьей можно было гордиться. Но младшую дочь, Веру, еще ребенком, из-за проблем со здоровьем отправляют жить в Вюртемберг, так что Ольга становится фактически единственной девочкой в семье. Единственной – и любимой. Всеми – и властной матерью, и не менее авторитарным отцом, и братьями. «Ангел» – так называют ее младшие. А самым близким другом становится старший брат Николай, с которым они были погодками.

На фотографиях того времени Ольга-девочка очень хороша. Не красива – а именно хороша. Недлинные, очень гладко зачесанные волосы открывают лицо. По-детски припухлые щечки отнюдь его не портят, наоборот, придают особое очарование.

У великих княжон, у всех этих маленьких принцесс, с детства особый, серьезный взгляд, который так контрастирует с их возрастом. С их клетчатыми платьицами, солидно сложенными – но такими детскими – руками…

Наверное, именно такой увидит Ольгу королева Виктория, которую семья Константина Николаевича навестит в 1861 году. Удивленная короткой стрижкой, она поинтересуется у девочки, давно ли у той такая прическа. И семилетняя Ольга серьезно ответит: «С детства, Ваше Величество». Окружающие

развеселятся, а королева возьмет на заметку красивую умненькую девочку. Может быть, из нее выросла бы хорошая невеста для второго сына Виктории, Альфреда? Но пройдут годы, и принц Эффи женится на кузине Ольги, великой княжне Марии Александровне (с братьями которой, Сергеем и Павлом, Ольга очень дружила). А саму ее ждет совсем другая судьба.

Еще одна фотография, на ней Ольга уже постарше, но все еще девочка, а не девушка. Она обнимает мать – обе они, и Александра Иосифовна, и Ольга, одеты в совершенно одинаковые вышитые белые платья, перехваченные на талии поясами с крупными нарядными пряжками. Сходство между матерью и дочерью бросается в глаза. Чудесная пара, которую можно увидеть еще на множестве других фотографий – они же в одинаковых белых шубках с муфтами, или окруженные другими родственниками; обе молодые – или уже пожилые…

Ольга расцветала. Что ж, с этим цветком, таким нежным и внешне, и внутренне, семье рано или поздно придется расстаться. Но, наверное, никто не ожидал, что это произойдет так рано.

В 1867 году в Россию приезжает молодой король Греции Георг I. Но на престол он взошел совсем недавно, четыре года назад. Младший сын короля Дании Кристиана IX, принц Кристиан-Вильгельм-Фердинанд-Адольф-Георг Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский, был избран королем эллинов в 1863 году, когда ему было всего семнадцать лет. Юному датскому принцу предстояло править одной из древнейших стран в мире. А ведь история с годами не упрощается, отнюдь. Король, хотя и было тяжело, но начал справляться со своими задачами. А теперь ему, к тому же, предстояло стать основателем новой династии…

В Россию бывший принц Вильгельм, а ныне король Георг, приехал навестить сестру, из датской принцессы превратившуюся в Марию Федоровну, супругу сперва великого князя, а затем и императора Александра III. Вторая их сестра, Александра – замужем за принцем Уэльским, наследником королевы Виктории. Что ж, королю маленькой страны тесные связи с великими державами важны как никому другому.

Греки – православный народ, и, соответственно, супруга Георга тоже должна быть православной. Где же и искать ее, как не в России?

Так и случилось, что воедино сплелось все – желание короля эллинов найти себе жену, тем самым укрепив дружбу с Россией; желание родителей любой дочери, и уж тем более если речь идет о царственной семье, подыскать ей достойную пару; тот факт, дочь единственная императора Александра Мария еще слишком

юна для брака, а значит, невесту остается высматривать среди императорских племянниц; и, наконец, любовь…

* * *

Говорят, Георгу хватило одного взгляда, брошенного на выглядывающую из-за перил Ольгу, чтобы влюбиться в нее.

Пятнадцать лет, ей всего пятнадцать! Девчонка, школьница… «Слишком рано», – скажет кто-нибудь и будет прав. «Но когда же влюбляться, как не в пятнадцать», – возразит другой. И, в общем, тоже будет прав.

Очарование оказалось взаимным, Ольга тоже влюбилась. Как скажет она потом, «не в короля, но в мужчину». Георгу был двадцать один – молод, привлекателен и так увлечен ею…

Да, княжна не знала датского и греческого, а король – русского. Но когда и кого останавливало незнание языка? К тому же скоро выяснилось, что они могут прекрасно общаться на немецком (еще бы – оба были детьми немецких принцесс).

Правда, родители Ольги были настроены сперва против этого брака. Она еще слишком молода, да и потом – отправить дочь в такую маленькую и бедную по сравнению с Россией страну… Можно подождать лучшей партии.

Однако Мария Федоровна, любимая сестра Георга, желала этого брака не меньше, чем, пожалуй, он сам, и взялась за дело. Ей предстояло переубедить Константина Николаевича и Александру Иосифовну, и, пусть это было довольно сложно, в конце концов сватовство увенчалось успехом.

В июле Ольга с родителями навестили семью жениха в Дании, где их очень тепло приняли и король, и крон-принц Фредерик, старший брат Георга. Там, в церкви замка Фредериксборг, до сих пор на одном из окон есть надпись, сделанная по-французски (драгоценным камнем по слюде): «Великая княжна Ольга Романова, невеста короля Георга I, 1867».

Оставить надпись! В церкви! Можно только представить себе, как Георг стоял рядом, «прикрывая» невесту. Но что вы хотите – ребенок…

А в октябре 1867 года состоялось венчание. Ольге как раз успело исполниться шестнадцать лет.

Как писал в своем дневнике Петр Александрович Валуев, «король эллинов в русском генеральском мундире, королева – полуребенок, обремененная диадемой и порфирой».

И если жених стоял генералом, то у невесты, пусть она и была не в форме, а в серебряной парче, было звание адмирала.

Да-да! О любви Ольги Константиновны к морю и интересе к флоту мы расскажем позднее, пока же заметим лишь, что это звание она получила в качестве свадебного подарка от дяди-императора. Единственная женщина, когда-либо бывшая адмиралом…

Закончились пышные празднества, молодую чету ждала Греция. Ольга прощается с родными, фактически прощаясь со своим детством. Но не окончательно. Что может быть в приданом новобрачной, которая отправляется на новую родину? Одежда, обувь, постельное и столовое белье, посуда – обычный, а в данном случае еще и роскошный, учитывая происхождение невесты, набор. Но в багаже были и ее куклы…

Итак, Георг и Ольга прибывают в Грецию. Подданные в первый раз видят свою новую королеву, и она оправдывает их ожидания. Такая юная, такая красивая и нежная… К тому же, Ольга сумела сразу снискать их расположение, вступив в Афины в платье в национальных цветах Греции, белом и синем.

Ольга Константиновна, королева эллинов

Начинается новая жизнь. Ольгу ждет не классная комната, как еще совсем недавно, ее ждут королевские обязанности.

Но, несмотря на титул, она все равно еще по сути остается «полуребенком». Переход оказался слишком внезапным, слишком контрастным. Ее рано оторвали от родителей и отправили в страну, которой еще только предстояло стать ее домом. А пока все вокруг было чужим… К тому же Ольга с детства отличалась мягким характером, легко ударялась в слезы. Так что, наверное, графиня Кушелева не очень удивилась, найдя однажды юную королеву под лестницей. Фрейлины искали ее по всему дворцу – ведь ее величеству предстояло дать аудиенцию, а она плакала, забившись в темный угол и прижимая к себе любимого игрушечного медвежонка… С трудом удалось выманить ее оттуда, утешить, привести в порядок и все-таки убедить дать эту злосчастную аудиенцию.

Ничего не поделаешь, Ольге пришлось быстро повзрослеть. И уже через два года – ей только-только исполнилось восемнадцать – она успешно исполняет обязанности регента во время отсутствия своего супруга. Увы, Георг болен малярией, и ему придется регулярно отлучаться из страны, посещая курорты, – Ольга же в это время управляет Грецией.

Она много занимается благотворительностью. На собранные ею и выделенные из личного бюджета деньги возводят исправительную школу для женщин и подростков и модернизируют городскую тюрьму.

Под ее присмотром строится больница «Эвангелизмос» (то есть «Благовещение»), деньги на которую, по просьбе королевы, выделяет Церковь (больница отвечала последним требованиям тогдашней медицины), и еще одна в Пирее. «Русская» – так ее называли. Ведь там лечились русские моряки.

Она покровительствует приютам, а во время Русско-турецкой войны откроет школу сестер милосердия. На средства королевы было выстроено и несколько церквей, одна из которых и поныне стоит в центре Афин.

К тому же она не просто выделяет деньги или собирает их, но и внимательно следит за деятельностью своих подопечных, регулярно навещая все эти заведения.

Что ж, Ольга не сидит сложа руки – королеве всегда есть чем заняться.

Быт венценосной семьи довольно скромен… Дворец, в котором они поселились, довольно велик, но фактически пуст. Ему далеко до блестящих дворцов Петербурга или Павловска. Достаточно сказать, что там была одна-единственная ванная комната, да и в той вечно барахлили краны. У Ольги были не слишком роскошные, по королевским меркам, покои – семь комнат. Вокруг дворца, по ее же инициативе, разбили большой парк, сохранившийся и поныне.

Через несколько лет король приобрел поместье в горах, неподалеку от Афин. Там супруги жили на вилле «Татой», построенной по образцу петергофских. Именно там, а не в столице, Ольга чувствовала себя как дома. И еще, пожалуй, на изумительно красивом острове Корфу, где семья проводила весну и лето.

К этому месту она чувствовала особую привязанность. Константин Николаевич писал дочери: «Знаешь ли ты, голубушка, что у тебя есть особая связь с местным Святым, коего мощи покоятся в Корфу? Это Святой Спиридон, коего праздник есть праздник Лейб-Гвардии Финляндского полка, а ты дочь Финляндского шефа, полковая дочь. На полковом молебне у нас

поется: „Святый отче Спиридоне, моли Бога о нас“. Когда будешь поклоняться его мощам, не забудь помолиться о Финляндском полку и о его Шефе». И Ольга не забывала.

А еще у Ольги теперь была настоящая семья – не только супруг, но и дети.

* * *

Уже через год после свадьбы, в августе 1868 года, Ольга подарила стране наследника – мальчика назвали Константином, в честь отца королевы. Но греки были довольны – прекрасное греческое имя, напоминающее о временах византийских императоров.

Впоследствии дипломат Ю. Соловьев так писал о браке Ольги и Георгия и их старшем сыне: «Этот брак внес диссонанс в русско-франко-английский патронат над Грецией, сыграл впоследствии немалую роль в судьбах Греции во время мировой войны, а затем вызвал двукратное изгнание короля Константина XI. Одиннадцатым он был провозглашен по счету одноименных императоров Восточной Римской империи. В этом сказалось стремление Греции вернуть себе Константинополь. Эта мечта отразилась и на выборе имени наследника…»

Еще спустя два года родился сын Георгий. Затем – Александра, Николай, Мария, Ольга, Андрей и, наконец, Христофор. Всего за двадцать лет Ольга Николаевна родила супругу восьмерых детей. И, к счастью, почти все они прожили относительно долгую, пусть и нелегкую, учитывая времена, жизнь.

В семье русской княжны и датского принца, короля и королевы эллинов, звучало несколько языков. С мужем, хотя и выучив датский, Ольга по-прежнему говорила по-немецки, между собой дети разговаривали по-гречески, а с родителями – по-английски.

Принцы и принцессы получали классическое домашнее образование, но не были обременены сложным этикетом. По гулким пустым коридорам дворца так весело было мчаться на велосипеде! Правда, король, сам любивший повеселиться, терпел детские выходки только до определенного момента, а затем следовал вызов провинившегося в кабинет. Пожалуй, именно гнева отца они и боялись больше всего. Но долго сердиться Георг не мог, и все начиналось сначала.

Ольга Константиновна часто навещала Россию, а начиная с 1880 года, когда старшему сыну исполнилось двенадцать, они

стали ездить всей семьей. Дети познакомились и подружились со своими русскими родственниками. Стоит ли удивляться, что, когда придет время выбирать себе пару, трое из семерых детей греческой четы изберут себе русских супругов?

Да, увы, именно из семерых. Даже королевские семьи не застрахованы от подобных потерь. Во время первого совместного визита в Россию в 1880 году младшие девочки, Мария и Ольга, оставались дома. К сожалению, вскоре после возвращения Ольга, которой было всего несколько месяцев, умирает.

Ольга Константиновна спасается от печали заботой о семье – и о стране. У нее нет ни права, ни времени замкнуться в своем горе.

Как и Георг в свое время, приехав в Грецию, Ольга довольно быстро выучила греческий. Она вводит греческий национальный костюм в качестве официального придворного костюма (конечно же, в его роскошном, истинно придворном варианте). И король, и королева блестяще овладели «кафаревуса», языком высших слоев, и «демотики», языком народным. Каждую весну они ездят по стране, посещая даже самые отдаленные районы. Впрочем, Греция – маленькая страна. Маленькая, но очень гостеприимная. Королевскую чету везде приветствуют с радостью, пусть даже это глухие деревеньки, затерянные в горах.

Однажды, принимая у себя на яхте местного префекта и увидев, что он ест с ножа, королева посоветовала ему быть осторожнее. «Ничего, – ответил тот, – я привычен». И все-таки порезался. «Я же говорила!» – воскликнула она. – «Просто у вас тут очень острые ножи…»

Огромной любовью Ольги продолжало оставаться море. Когда ей было четыре года, отец, великий князь Константин, получил звание адмирала русского флота. С этого момента и началось ее увлечение.

Кроме «Русской» больницы в Пирее, Ольга Константиновна основала там же кладбище, где находили последний приют русские моряки. И поныне там висит табличка с надписью: «Русское кладбище Союза русских эмигрантов в Греции, основанное Е. В. королевой эллинов Ольгой Константиновной».

Она часто посещала русские корабли, заходившие в греческие порты, и была попечительницей многих из них. Говорят, что, поднимаясь на борт, «матушка русского флота», как ее называли, непременно целовала палубу.

Моряков – как офицеров, так и простых матросов – она часто принимала у себя во дворце, устраивая чаепития. Развлекала, утешала, поддерживала, как могла. Бывший морской офицер Михаил Гаршин, некоторое время проработавший ее секретарем и

издавший книгу об Ольге Константиновне в 1927 году, напишет в своих воспоминаниях: «Ее лучшие друзья были моряки, а к матросам она относилась как мать и всю жизнь заботилась о них, горячо принимая к сердцу их радости и горести». Недаром, когда однажды во дворце вспыхнет пожар, моряки бросятся спасать королеву.

А когда Николай II в свое время учредит «Особый комитет для повсеместного в России сбора пожертвований на постройку храма в память русских моряков, погибших в Цусимском и других боях», то почетным председателем будет именно Ольга Константиновна.

Это ее увлечение семья поддерживала как могла, хотя иногда ее смущала страсть, с которой Ольга ему отдавалась. Но… у каждого есть право на слабости, а у королевы эллинов даже слабости оказывались сильными.

* * *

Время идет. Супружество, начавшееся с мгновенного взаимного увлечения, с годами становится спокойным, но от того не менее крепким. Да, ходят слухи, что в своих заграничных вояжах Георг не чурается общества дам, отнюдь, но Ольгу Константиновну это не беспокоит – она знает, что супруг искренне к ней привязан, а мимолетные интрижки ее не касаются.

Вместе с супругом и детьми она продолжает навещать русских родственников. В последние годы Ольга особенно сблизилась со своими невестками, сестрами мужа – императрицей Марией Федоровной и королевой Александрой, те же часто навещают их в Греции.

Собираются они и в Дании. Как будет вспоминать тезка Ольги, дочь ее любимого кузена Александра III, туда съезжались все – и эллинская чета, и принц и принцесса Уэльские, и другие родственники, более чем многочисленные.

Сохранилась фотография конца 1880-х – Ольга Константиновна, ее мать Александра Иосифовна и две дочери, Александра и Мария. Удивительно светлый, радостный снимок – быть может, такое настроение создают белоснежные наряды всех четырех дам. И невозможно, совершенно невозможно поверить, что Ольге Константиновне на этом снимке тридцать семь (судя по всему, как раз именно тогда она ожидала рождения самого младшего сына, Христофора). Скорее, она кажется сестрой подростка-Александры и совсем еще девочки Марии.

Но дети растут… И вот уже старшая, Александра, готова выйти замуж.

Аликс, Алина, как называли ее в семье – всеобщая любимица. Она из той редкой породы людей, которые просто лучатся счастьем. И щедро делятся им с окружающими.

В Грецию часто наведывался великий князь Павел Александрович, один из сыновей императора Александра II; тот самый, с которым Ольга так дружила в детстве. Увы, слабые легкие – не редкость в те времена, и Павлу Александровичу нужно было проводить зимы подальше от России. Что же может быть лучше для укрепления здоровья, чем теплая Греция, в которой, к тому же, его всегда ждал не менее теплый прием?

А не влюбиться в юную Александру было так сложно… И в 1889 году в Санкт-Петербурге была отпразднована пышная свадьба.

Конечно же, Ольга Константиновна отправилась в Россию вместе с дочерью (сама она всего год назад родила последнего своего ребенка, Христофора), а год спустя, весной 1890-го, снова навестила ее, когда на свет появилась дочь Александры Мария – первая из многочисленных внучек королевы Ольги.

Увы, семейная идиллия длилась недолго. Снова будучи в положении, на седьмом месяце, Александра Георгиевна прогуливалась по берегу Москвы-реки и решила спрыгнуть в привязанную лодку. Увы, неудачно – она упала и расшиблась. Правда, понадеялись, что этим все и обойдется, и на следующий день Александра даже отправилась на бал.

Не обошлось. Страшная боль, кровотечение, преждевременные роды – на свет появляется мальчик, которого нарекут Дмитрием. Молодая мать впадает в кому, ее родителей срочно вызывают из Греции… Она так и не пришла в себя и через неделю скончалась. Ей был всего двадцать один.

Королю и королеве эллинов осталось только попрощаться со старшей дочерью. Супруг, Павел Александрович, горевал так, что едва не бросился вслед за ней в могилу.

Не будь Ольга Константиновна таким глубоко верующим человеком, не отвлекай ее жизнь заботами о других детях (ведь младшему исполнилось только три года), кто знает, как бы она пережила этот удар. Но пришлось.

А великому князю Дмитрию Павловичу, преждевременно появившемуся на свет, всю жизнь будут напоминать, что своим рождением он убил мать. Что ж, это «убийство» было непреднамеренным. А вот то, которое он и князь Феликс Юсупов совершат в 1916 году, намеренным будет – от их рук погибнет Григорий Распутин…

Но мы забегаем вперед.

В том же 1889 году, когда вышла замуж Александра, женился и ее старший брат, наследный принц Греции Константин. Его избранницей стала принцесса София, дочь кронпринца Фридриха Прусского и Виктории, старшей дочери королевы Виктории.

Если брак Александры Георгиевны и Павла Александровича не вызвал никаких проблем, касающихся религии, – ведь оба были православными, то теперь эти проблемы возникли. Принцесса София решила перейти в православие, чему резко воспротивились и ее брат, к тому времени кайзер Германии Вильгельм II, и особенно его жена императрица Августа. Сестра главы лютеранской церкви Пруссии хочет поменять веру – немыслимо! Но у Софии был твердый характер. Она заявила невестке, что вероисповедание – это ее личное дело, и никакие истерики Августы не смогли ее остановить. Правда, их внутрисемейные скандалы спровоцировали преждевременные роды. К счастью, новорожденный принц выжил – а ведь и император Вильгельм, и его супруга в случае смерти мальчика готовы были винить в этом Софию… Да, переход в православие дался Софии нелегко, но она выстояла.

Константин и София подарят королеве Ольге троих внуков и трех внучек.

По горькой иронии судьбы, все трое сыновей Константина Георгиевича – Георг, Александр и Павел – по очереди побывают «королями эллинов» (София, супруга короля Испании Хуана Карлоса – дочь Павла и, соответственно, правнучка королевы Ольги).

Принцессы же Елена, Ирена и Екатерина благополучно выйдут в свое время замуж (принцесса Екатерина, родившаяся за год до начала Первой мировой войны, скончалась совсем недавно, в 2007 году, в очередной раз подтвердив, что история – это не «давно», это – «совсем недавно»).

Выходит замуж и младшая дочь Ольги Константиновны, Мария. Трудно сказать, что лучше, что хуже – брак счастливый и короткий или же длительный, но неудачный. Марии Георгиевне досталось второе.

Великий князь Георгий Михайлович, внук Николая I, в молодости был влюблен в княжну Нину Чавчавадзе. Увы, брак этот был бы неравен (заметим, позже члены императорской семьи в морганатические браки вступали охотно), и князь долго оставался холостяком. Возможный брак с Марией Эдинбургской, дочерью Марии Александровны (дочери Александра II) и младшего сына королевы Виктории, принца Альфреда, тоже не удался – Марию выдают замуж, и она впоследствии станет

румынской королевой.

Его окончательный выбор падает на Марию Георгиевну. Он не влюблен в нее, она не любит его, но обоим нужен достойный их положения брак и наследники. С тяжелой душой Мария принимает это предложение руки, но не сердца, и четыре года спустя, в 1900 году, они женятся. Не в России, а, по настоянию Марии, на Корфу – острове, где она провела детство.

У этой четы будут две дочери. Что думала Мария Георгиевна, когда супруг захотел назвать старшую Ниной, возможно, в честь своей первой любви? Люби она Михаила, это оказалось бы болезненным уколом, но, к счастью или к несчастью, она его не любила…

В семье греческой королевской четы будет еще один брак с представителем, вернее представительницей, российской императорской фамилии – в 1902 году принц Николай женится на великой княжне Елене Владимировне, но это – тема для отдельного рассказа.

В 1903-м женится принц Андрей – на принцессе Алисе Баттенбергской. В этом браке на свет появятся трое дочерей, а затем сын Филипп. Он больше известен нам как герцог Эдинбургский – супруг ныне царствующей королевы Елизаветы II. Так что все потомки Елизаветы, включая принца Уэльского и двух его сыновей, – родные правнуки и праправнуки Ольги Константиновны. Говорят, что королева Ольга настояла на том, чтобы Андрей присутствовал при рождении своего первого ребенка, дочери Маргариты – пусть увидит и поймет, как тяжело дается женщинам деторождение, то, чему мужчины служат причиной и от чего сами они совершенно избавлены природой.

* * *

Однако заботы требует не только собственная семья, но и страна.

В 1901 году при поддержке королевы Ольги и на ее средства выходит в свет новый перевод Евангелий. Только хорошо образованные люди были в состоянии читать Новый Завет на эллинистическом койне, а королева полагала, что текст Священного Писания должен быть доступен любому. Новый перевод продавали даже ниже себестоимости, так чтобы приобрести его мог каждый. Но, увы, это благое, казалось бы, начинание привело к множеству проблем.

Издание не было одобрено греческой Церковью, хотя сперва глава ее вроде бы поддерживал эту идею. Многие полагали

переложение Священного Писания на доступный язык профанацией, и вскоре современный перевод был объявлен издевательством над национальными ценностями. Начались студенческие восстания – студенты захватили афинский Университет, окружили дворец, требовали отлучения от церкви всех тех, кто был вовлечен в этот проект, включая саму королеву Ольгу. Дело дошло до вооруженных столкновений с войсками, правительство отправилось в отставку, а новое издание было изъято из продажи.

«Евангелика» – такое название получило это противостояние. Увы, все мы знаем, куда именно ведет дорога, вымощенная благими намерениями… Но, пожалуй, это – одна из немногих неудач Ольги Константиновны.

Политическая же ситуация в Греции, никогда не бывшая стабильной, продолжает осложняться.

Каким правителем был супруг Ольги Константиновны король Георг? Ю. Соловьев писал: «Георг I весьма ловко пользовался своими связями, чтобы царствовать в маленьком тогда греческом королевстве, насчитывавшем лишь $2^1/_2$ миллиона населения. Страдавшие мегаломанией греки не могли не сознавать, что „связи“ короля им полезны. Со своей стороны, король, попав в 1862 году в Афины после переворота, вызвавшего отречение короля Оттона (по происхождению баварца), заручился пожизненной пенсией трех держав-покровительниц – России, Англии и Франции. Каждая из этих держав обязалась выплачивать ему до самой смерти, даже в случае его вынужденного отречения, по 100 тысяч франков в год. Помимо того, Георг, будучи весьма деловым человеком, составил себе значительное состояние, которое держал за границей. Таким образом, ему как иностранцу и притом непосредственно не заинтересованному в греческом вопросе, удавалось весьма ловко маневрировать среди столь легко возбуждающегося греческого населения. При этом он проявлял недюжинный такт, научился свободно говорить по-гречески и делал все возможное, чтобы угодить своим случайным подданным. Каждый год он уезжал в „продолжительный отпуск“ во Францию, где вел весьма приятный образ жизни, отдыхая от трудов правления. Мне помнится, как однажды, когда мы стояли на платформе крошечного вокзала в ожидании приезда какого-то высокопоставленного русского лица, король с улыбкой, как бы подтрунивая над своей столицей и показывая на начинающийся за вокзалом туннель, сказал мне: „Можно подумать, что мы в Лондоне“.

Столь отстраненное отношение к своей стране и столице отчасти облегчало для монарха пребывание в Афинах, которое

государь с самого начала своего приезда не принимал всерьез. Известно, что в делах внутреннего управления король легко маневрировал между различными партиями, легко расставаясь со своими премьерами».

Да, быть может, он был далеко не лучшим правителем, однако, все же и не худшим.

С самого начала своего воцарения он всегда становился на сторону восставшего Крита, пытавшегося вырваться из-под власти Оттоманской империи и объединиться с Грецией. В конце концов, когда Крит получил автономию, верховным комиссаром острова стал сын Георга и Ольги Георгий. Почти вслед за этим на жизнь короля было совершено покушение – как полагают, это было местью Турции. Покушение, в тот раз неудачное, окажется не последним.

В октябре 1912 года Греция вступает в Первую Балканскую войну. Все сыновья Георга и Ольги отправляются на фронт, а сама королева вместе с дочерьми занимается организацией госпиталей и работает в них. Не просто навещает раненых, а выхаживает их, порой выступая даже в роли хирургической сестры.

Действия греческой армии были весьма успешными, и в ноябре 1912 года были взяты Салоники – город, находившийся под игом Турции около четырехсот лет. Эта новость вызвала в Греции ликование. Никто не знал, что всего несколько месяцев спустя в Салониках разыграется драма. Впрочем, на несчастных Балканах драмы разыгрывались постоянно…

Статья в русской газете «Новое время» от 20 (7) марта 1913 года: «Вечером во время обычной прогулки король Георг был убит лицом греческой национальности по имени Александр Схинас. После первого выстрела шталмейстер, сопровождавший короля, схватил злоумышленника и предотвратил дальнейшие выстрелы. Но первая пуля сделала уже свое дело, и король упал смертельно раненый. По дороге в больницу король скончался».

Очевидцы покушения на короля сообщают следующие подробности: «Убийца был спрятан за углом улицы Агестриас и Дакампань, в нескольких шагах от полицейского комиссариата. Король возвращался с прогулки, направляясь к дворцу.

В момент приближения короля к углу убийца на расстоянии двух шагов выстрелил в короля из револьвера крупного калибра.

На вопрос полицейского чиновника убийца ответил: „У вас есть суды, там и буду говорить“».

Заговорить ему так и не удалось – убийца покончил с собой, выбросившись из окна тюрьмы полтора месяца спустя.

Страшную новость о гибели Георга королеве Ольге, находившейся тогда в Афинах, принес сын Андрей. По желанию

покойного короля, его похоронили не в столице, а в столь любимом всей семьей поместье Татой. На месте же его гибели воздвигли крест.

Они прожили вместе сорок пять лет! Достойная дата для любой супружеской пары. Но теперь все в прошлом и, в сущности, Ольгу Константиновну в Греции больше ничто не держит. У ее детей своя жизнь; старший сын Константин только что стал новым королем эллинов…

И она едет в Россию. В Павловск – место, где она провела детство и откуда уехала сорок пять лет назад. К своему брату Константину Константиновичу (поэту К. Р.) и его семье. Увы, вскоре она потеряет и брата.

Георгиос Яковидис. Ольга Константиновна, королева эллинов (1915 г.)

Но и в России она не обретет покоя. Но на этот раз покой потеряет вся Европа, да что там – весь мир: начинается Первая мировая война.

Ну что ж, ни к войне, ни к госпиталям Ольге Константиновне не привыкать, и она занимается организацией военного госпиталя неподалеку от Павловска, «Приюта для раненых и ампутированных воинов имени Великого Князя Константина Константиновича»: «Я добросовестно провожу время ежедневно в лазарете, перевязываю, держу руки и ноги и бедную раненую голову во время перевязки врачом: страшно люблю это дело, и мне так отрадно сознавать, что и я делаю одну миллионную частицу общего русского женского дела».

Работа отнимает почти все время, но не переживать за своих детей, пусть и взрослых, королева Ольга не может. Младшие сыновья порой навещают ее, а вот старшему, Константину, к матери не вырваться – он озабочен тем, чтобы сохранить нейтралитет Греции и не подпасть под влияние Антанты.

Ольга Константиновна так нервничает, что однажды решает: революция уже началась, и великому князю Павлу и императрице Александре, супруге Николая II, с трудом удается ее успокоить и переубедить. Но на самом деле до революции было уже недалеко.

А в 1916-м новая беда – участие внука Ольги Константиновны, Дмитрия Павловича, в убийстве Распутина. Что ж, ей придется мужественно пройти через громкий скандал, связанный с ее семьей.

Но она держалась, находя силы утешить не только себя самое, но и окружающих. Именно Ольга Константиновна поддерживала императрицу Александру в те дни, когда император Николай отрекся от престола.

Февральская революция затронет и ее лично – однажды ночью во дворец в Павловске ворвутся с обыском. Как будет потом описывать Ольга Константиновна происшедшее вдовствующей императрице Марии Федоровне, хотя солдат и удержали от того, чтобы войти в спальню к пожилой даме, она, вскочив с постели в одной ночной рубашке, видела их через открытые двери – полный коридор вооруженных людей.

Но были и светлые моменты, правда, скорее напоминающие улыбку сквозь слезы. В сентябре 1917 года внучка Ольги Константиновны, дочь покойной Александры Мария Павловна, выходит замуж за князя Путятина. Свадьба получилась скромной. Увы, отец невесты, великий князь Павел Александрович, не смог присутствовать – в это время он уже находился под арестом.

Тем временем короля Константина вынуждают отречься от греческого престола в пользу своего второго сына Александра. Симпатии принца Георгия, старшего сына, как и симпатии отца, были на стороне Германии – Константин считал, что только благодаря ей Греция одержала победу в Балканской войне, и, как

Антанта ни нажимала, король всячески пытался избежать начала военных действий против Германии. Константин вместе с семьей отправляется в изгнание в Швейцарию.

Что ж, теперь на греческом троне – один из внуков королевы Ольги, но, учитывая обстоятельства, при которых это произошло, событие вовсе не радостное.

* * *

В октябре же в России начинается революция. Буквально за неделю до этого Ольга Константиновна вступает в «Общину сестер милосердия Российского Красного Креста Святой Евгении».

Во дворец в Павловске снова врываются с обыском. На счастье Ольги Константиновны, это были не солдаты, а матросы. Казалось бы, какая разница? Оказалось – огромная. Королева тепло встретила их, рассказала о своих многолетних, более чем тесных взаимоотношениях с русским флотом, о Пирее и… моряки тихо ушли.

Но это оказалось всего лишь маленькой передышкой, и в конце концов Ольга Константиновна вынуждена была покинуть дворец. Вместе с ней переезжает и Елизавета Маврикиевна, супруга покойного брата Ольги, К. Р. Теперь эти две пожилые женщины – Ольге уже шестьдесят три – остаются фактически без средств к существованию. Да, у них есть драгоценности, обстановка, но ведь все это отныне принадлежит не им самим, а государству… И им приходится тайком продавать что-то из имущества, чтобы выжить. Тайком – иначе их ждут крупные неприятности. Но Ольга Константиновна верит: «Все это пройдет, как проходили и другие тяжкие испытания, и Россия выйдет из них возрожденной и закаленной. И кто знает, может быть, Господь помилует нашу родную землю из-за нескольких праведников, которых мы не знаем, а Он знает».

Новости из-за границы доходят медленно и крайне скупо, но Ольга все равно не хочет покидать Россию. И только известие о том, что сын Константин серьезно болен, подвигло ее на то, чтобы решиться и уехать к семье в Швейцарию.

Неизвестно, получилось бы у нее сделать это или нет, но в дело вмешивается тогдашний посол Дании в России. В конце концов, Ольга Константиновна по мужу была членом королевской датской семьи.

«Mme Olga Hellenes», «Мадам Ольга Эллинская», сумев с помощью все того же датского посольства переправить за границу

свои драгоценности, едет в поезде, в котором переправляют из России на родину немецких военнопленных. Правда, в отдельном вагоне, который ей сумели выхлопотать датчане.

Из-за этого отдельного вагона Ольга Константиновна едва не осталась в России – он был в самом конце поезда и на границе его едва не отцепили. Но все окончилось благополучно и она добралась до Берлина, а оттуда уехала в Швейцарию. Летом 1918 года она наконец воссоединяется с семьей.

Уехала? Оставила Россию? А что сталось бы с нею там? В январе 1919 года великие князья Дмитрий Константинович, брат королевы Ольги, Павел Александрович, супруг ее старшей дочери Александры, и Георгий Михайлович, супруг ее второй дочери Марии, были расстреляны в Петропавловской крепости. Такая же участь постигла императорскую семью и некоторых других Романовых. Братья, племянники, внучатые племянницы, зятья…

Ольга Константиновна истощена, морально и физически. А беды на этом не прекращаются.

Ирония судьбы – мировая война, революция, террор, а внук королевы, ныне – король эллинов Александр, осенью 1920 года умирает от заражения крови. Укус ручной обезьянки… Смерть в чем-то нелепая и даже таинственная, но от того не менее горькая. Ольга Константиновна, когда невестка, королева София, сообщает ей о беде, мчится в Афины. Правительство Греции против того, чтобы изгнанница София ухаживала за сыном, но вот против присутствия своей королевы Ольги все-таки не возражает. И даже посылает за ней яхту. Но, увы, слишком поздно…

Ольге Константиновне предстоит утешать и поддерживать всех – королеву Софию, супругу внука (за год до этого Александр вступил в морганатический брак с Аспазией Манос), и, в довершение всего, ей придется еще и стать регентом.

Трон предлагают Павлу, третьему сыну Ольги, но тот отказывается – он не станет делать этого, пока жив его отец Константин, которого вынудили отречься от престола. И пока проходят очередные парламентские выборы и решается вопрос о возвращении Константина, королева Ольга, как и прежде, в те времена, когда был жив король Георг, управляет страной. Что ж, несмотря на все катаклизмы, эллины по-прежнему любят свою королеву…

Через два месяца после смерти сына король Константин вместе с семьей, а также его братья Андрей и Христофор, возвращаются в Грецию. Как показало время, ненадолго. Уже в 1922 году Константин вынужден отречься во второй раз, и королем Греции становится его старший сын Георгий. Колода тасуется причудливо – на престоле Греции всего за несколько лет

сменили друг друга отец, младший сын, снова отец, старший сын. Не считая бабушки-регента и отказавшегося от трона третьего сына.

К тому же срочно пришлось спасать Андрея Георгиевича, которого обвинили в нарушении приказа (во время Греко-турецкой войны 1919–1922 годов). Наверное, только вмешательство королевы Ольги спасло его от расстрела, и Андрей отделался пожизненным изгнанием.

После этого Ольга навсегда покидает Грецию. Вместе с сыном Христофором она переезжает в Лондон.

В январе 1920 года Христофор женился на богатой американке Нэнси Стюарт Уортингтон. Конечно же, этот брак все сочли мезальянсом – Нэнси не была аристократкой, и это был ее третий брак. С первым супругом она развелась, во второй раз – овдовела, и вот теперь, в третьем браке, стала Анастасией, принцессой Греческой и Датской. Но – любовь…

В сущности, на средства Анастасии королевская семья и жила последние годы. Но в 1923 году та умирает. Колода продолжает тасоваться – брак оказался бездетным, но пасынок Христофора, сын Анастасии, женился на Ксении Георгиевне, родной племяннице Христофора, дочери его сестры Марии.

Погостив у родственников (то у дочери Марии, то у английской королевской четы), Ольга Константиновна переезжает на виллу в Риме, которую приобрел для нее Христофор. Пожалуй, эти последние годы можно назвать относительно спокойными. Но она это заслужила…

Близорукая в молодости, теперь Ольга Константиновна почти совсем ослепла. Здесь, окруженная перевезенными из Греции вещами, которые некогда составляли обстановку ее в Афинах и на любимой вилле Татой, она доживает свои последние дни. Ее навещают дети, внуки, но, увы, она уже почти не в силах разглядеть их лица. Но чувствовать их любовь и заботу это ей не мешает.

В июне 1926 года Ольга Константиновна умирает. Христофор затем утверждал, что видел золотое сияние, исходившее в тот час из комнаты матери.

Что ж, королева эллинов сияла всю свою жизнь…

Ольга Александровна, дочь Александра III, такой будет вспоминать свою старшую тезку: «Тетя Ольга походила на святую, и ее безмятежность и спокойствие благотворно действовали на нас. Она привозила с собой множество изысканных греческих вышивок с целью продать их в России и вырученные деньги употребить на благотворительные нужды в Греции».

Встретившийся с королевой Ольгой в 1914 году, когда она

была в глубоком трауре по супругу, известный художник де Ласло, написавший множество портретов членов королевских семей, описывает ее так: «Ее Величество оказалась величественной и привлекательной дамой… Благодаря ее любезному обхождению я вскоре почувствовал себя свободно. Благородство ума и сердечная доброта сочетались в ней с великой скромностью. К сожалению, она уже почти ничего не видела без очков, и я сперва не мог уловить выражения ее глаз». Он написал портрет королевы, заметив: «Она излучала любовь».

Будущий митрополит Евлогий Георгиевский, в описываемое время – член Государственной думы, напишет в своих воспоминаниях: «Бедные сельские священники, никогда не видавшие такого торжества, как-то неумело-беспорядочно следовали в церковных церемониях, и один из них неосторожно наступил своими деревенскими сапогами на шлейф королевы эллинов Ольги Константиновны. Митрополит Флавиан, увидав это, очень смутился и рассердился на бедного священника и даже на местного епископа Серафима, а добрейшая королева (прекрасная женщина-христианка) только засмеялась…»

Из переписки Ольги Константиновны с женой вице-адмирала Угрюмова, Софьей Николаевной: «Вы хотите знать, как я устроилась? В моих комнатах очень хорошо, тепло и уютно – они такие же, какие были, и комнаты короля внизу тоже, но все кругом в прискорбном состоянии – мраморная чудная лестница без перил и т. д. Все это после пожара в Рожд[ественский] сочельник 1919 г. Ничего не исправлено, пот[ому что] денег нет. Все идет на армию в Малой Азии и на бесчисленное число беженцев, русских и греков с Кавказа, из М[алой] Азии, из Фракии, отовсюду. Сердце за них болит, они такие несчастные! А наши изгнанники сильно страдают от малярии, от чахотки, происходящей от лишений. Их так всех много, что всем и помочь нельзя, и при этом получаю массу просьб о помощи со всех концов Европы от дорогих морячков и от других, а всем помочь невозможно. Я иногда хотела бы выть на перекрестках, громко и долго, от отчаяния! Совестно жить в удобстве при виде нищеты кругом! Я гораздо меньше езжу по госпиталям, по разным заведениям, пот[ому что] устаю и стала как-то тяжела на подъем – годы свое берут. Вам и моему Лейтенанту всякие нежности – храни Вас обоих Господь. До свидания!».

Ее похоронили там же, в Италии, а в 1936 году перенесли останки на виллу Татой, где она покоится и теперь рядом с мужем.

А на могиле Ольги, королевы эллинов, высечена надпись, цитата из 139 псалма: «Но и тьма не затмит от Тебя, и ночь

светла, как день»…

Великая княжна Вера Константиновна, герцогиня Вюртембергская

Гадкий утенок может родиться в любой семье. И, что самое обидное, он вовсе не обязательно превратится со временем в прекрасного лебедя. Но любимыми хотят быть все. Вере повезло – хотя, рассказывая о ее жизни, упрямо вспоминаются выражения «гадкий утенок», «кукушонок, подброшенный в чужое гнездо», «отрезанный ломоть», ей все-таки было кого любить, и ее любили тоже.

* * *

История детства Веры Константиновны все равно резко отличается от идеально-красивых историй других великих княжон российской императорской семьи – с любящими родителями, обожающими братьями, милыми сестрами. Однако с течением времени с этих историй слетает сусальная позолота; порой родственники так отдаляются друг от друга, что былую привязанность можно увидеть разве что запечатленной на старых фотографиях. Но когда-то, в детстве, все они были вместе? И детство было золотым? Так ведь? Не обязательно.

Вера Константиновна родилась в феврале 1854 года в семье великого князя Константина Николаевича, второго сына императора Николая I, и его супруги Александры Иосифовны (в девичестве – Александра Фридерика Генриэтта Саксен-Альтенбургская). В семье уже было двое детей – Николай и Ольга, после Веры появятся еще трое – Константин, Дмитрий и Вячеслав. Две девочки и четверо мальчиков – могла бы получиться прекрасная дружная семья. Почти получилась – но без Веры.

Она первой в семье Романовых получила это имя. Говорят, что родители хотели назвать ее Александрой, но император Николай I воскликнул у колыбели новорожденной внучки: «Пусть она будет моей верой!» Вера, особенно в победу, нужна была как никогда – вот-вот должна была начаться Крымская война. Так девочка и стала Верой.

В 1862 году Константин Николаевич становится наместником Польши и переезжает туда вместе с семьей, так что самый младший ребенок в семье, Вячеслав, появляется на свет уже в Варшаве. Увы, пребывание там великокняжеской семьи придется на очередной, мягко говоря, сложный период в истории Польши.

Летом же 1862 года на Константина Николаевича было совершено покушение, а в 1863 году вспыхивает Январское восстание. Вместе с семьей он возвращается в Петербург, но этот короткий тяжелый период скажется вдруг самым неожиданным образом.

Судя по всему, первые годы жизни Веры прошли, ничем особым не отмеченные. Ей было восемь лет, когда вместе с родными она переезжает в Варшаву, и девять, когда возвращается обратно. Вот теперь и начинаются проблемы. Быть может, внезапно сказалась наследственность (как это часто бывает с причудливо тасующейся колодой родственных связей между царствующими домами Европы), но, скорее всего, свою роль сыграл сильнейший стресс. Правда, с остальными детьми Константина и Александры, вместе с родителями переживавшими польские события, все было в порядке – нервное истощение сказалось только на Вере. Девочка становится болезненно капризной, упрямой, неуправляемой. «Трудный ребенок» изматывает всех – и родителей, и гувернанток. Справиться с ней никто не в состоянии. Теперь подозревают, что, вероятно, у Веры начались приступы эпилепсии… Как бы там ни было, с ребенком нужно было что-то делать. Лечить? Пытаться контролировать? Спасать… Врачи разводят руками, лечение не помогает. Но, кажется, выход найден – девочку решают отправить в Вюртемберг, где жила Ольга Николаевна, сестра отца Веры Константина и его брата Александра, ставшего после смерти Николая I императором Александром II.

* * *

Ольга Николаевна, в свое время одна из самых завидных невест Европы, вышла замуж за будущего короля Вюртемберга Карла в 1846 году. Теперь, в 1863-м, ей уже сорок один год, но она по-прежнему бездетна (поговаривали, что причиной этому был не столько гомосексуализм ее мужа, сколько то, что в молодости он несколько раз болел гонореей – это и сделало его бесплодным).

Понять Ольгу Николаевну, согласившуюся взять на воспитание родную племянницу, можно – у нее не было своих детей, так почему же не помочь брату с его бедой? Но что же двигало Константином Николаевичем и Александрой Иосифовной? В конце концов, российский императорский двор – не последнее место в Европе, и любого ребенка, каким бы трудным он ни был, и вылечить, и воспитать там можно. Благо

для этого есть отдельные апартаменты в огромных дворцах, сонмы нянек, гувернанток, сиделок, врачей…

Хочется верить, что причиной «ссылки» маленькой Веры послужило все-таки ее здоровье и надежда на то, что в Германии ей станет легче. Известнейшие врачи, близость курортов, куда можно будет поехать в любой момент… Лучше ей пожить там, чем ездить за границу, чтобы показываться профессорам несколько раз в год.

Но, честно говоря, эти аргументы кажутся малоубедительными. Хороший, более того, блестящий уход девочке можно было обеспечить и в России. Но не проще ли отправить трудного ребенка куда-нибудь подальше, где ее истерики, приступы и выходки не будут ставить семью Константина Николаевича в неловкое положение?

Как бы там ни было, зимой 1863 года решение было принято окончательно – Вера отправится в Вюртемберг, где и будет жить под присмотром Ольги Николаевны и ее супруга. В начале декабря Константин и Александра вместе с Верой приезжают в Штутгарт и передают Веру с рук на руки своим родственникам.

У Веры был тяжелый характер и проблемы со здоровьем – но на умственные способности это никак не влияло. Как она могла истолковать эти изменения в своей жизни? Как может понять это ребенок, которого только что увезли из родного дома и отправили пусть к очень благожелательным, но пока совершенно чужим людям? Родители от нее избавились… Да-да, все говорят, что здесь ей станет лучше, но на самом деле там, дома, она всем просто надоела…

Маленькая, не старше десяти-двенадцати лет, Вера смотрит на нас с одной из фотографий. Гладко зачесанные русые волосы, светлое клетчатое платье, аккуратно сложенные на коленях руки (вероятно, фотографу пришлось постараться, чтобы уговорить ее посидеть спокойно). И лицо. Лицо, которое с первого взгляда кажется просто упрямым, недовольным и капризным. А когда всматриваешься, то тебя захлестывает волна жалости – ребенок с таким лицом не мог быть счастливым…

Если великий князь с супругой надеялись, что перемена обстановки и климата немедленно окажет на Веру благотворное влияние, то они жестоко ошибались. Ко всем проблемам и переживаниям добавилась еще и острая тоска по дому, так что девочка, по воспоминаниям современников, стала совершенно непереносимой. Порой ее приходилось запирать или же звать кого-нибудь, кто бы справился с бурно брыкающимся ребенком.

Достаточно сказать, что один раз она, ничтоже сумняшеся, пнула Карла Вюртембергского ногой. Тот не выдержал и шлепнул

ее в ответ… Дело закончилось слезами Ольги Николаевны.

О Карле следует сказать отдельно. В 1864 году, после смерти своего отца, он становится королем Вюртемберга Карлом I (а его супруга, соответственно, становится королевой). Что ему, казалось бы, в этой девчонке, которую жена согласилась взять на воспитание? Она для него совсем чужая – всего лишь племянница жены. Добро бы еще она была милой, внимательной и послушной. Но нет – Вера для обитателей дворца «бич Божий».

Он мог умыть руки. Не обращать на нее внимания. Приказать держать подальше от своих покоев. И, будем откровенны, разве можно было бы его за это укорять?

Но с самого начала, когда только возникла идея о поездке Веры в Вюртемберг, Карл не просто согласился, а всячески поддерживал супругу. Теперь же, когда Вера приехала, он постарался, насколько мог, заменить ей отца. Гулял с ней, играл, читал ей вслух.

Сохранилась фотография, на которой Вера приникла к тетке и смотрит в камеру, словно загнанный зверек, а эта красивая темноволосая дама прижимает девочку к себе. Шли годы. Да, эта бездетная пара, Ольга и Карл, исполняя и свой долг перед Богом, и обещание, данное родным, смогла наконец помочь Вере стать спокойнее и счастливее. На это ушло много времени. Еще долго окружающие то и дело отмечали, как с Верой тяжело, но – все реже и реже.

Быть может, она просто «переросла» этот тяжелый период, быть может, сыграло свою роль лечение, но, скорее всего, дело было в той любви, которую питали к ней люди, заменившие родителей. Те, настоящие, в свое время отказались от нее – ради ее же блага, как утверждалось – но в их любви она больше никогда не могла быть уверена.

А вот свою любовь к ней король и королева Вюртемберга постоянно доказывали. И не только словами, но и делом.

В 1871 году они официально удочерили Веру. Теперь она могла стать их наследницей, и, кроме того, они могли, как настоящие родители, устроить ее брак.

* * *

Да, из нее не получилось красавицы. С миловидной старшей сестрой Ольгой ее было не сравнить. Невысокого роста, коренастая, с лицом, которое одни считали просто неинтересным, другие – даже страшноватым… На самом же деле затянутая в корсет Вера Константиновна выглядит немногим хуже, чем любая

великая княжна. А волосы у нее по-настоящему красивые – густые, что нечасто встречается у блондинок, вьющиеся мелкими кольцами. Правда, всю жизнь она их коротко стригла…

Словом, к 1874 году, когда приемные родители подыскали ей жениха, Вера, быть может, далеко не самая завидная невеста, но вполне достойная. Характер значительно смягчился, положение в обществе весьма высокое, о хорошем приданом любящие родственники – и немецкие, и русские – позаботятся.

В конце концов выбор приемных родителей останавливается на Вильгельме Евгении Августе Георге, герцоге Вюртембергском, родственнике короля. Жених на восемь лет старше невесты – как раз подходящая разница в возрасте. И, что немаловажно, Вере не придется никуда уезжать. Еще одна смена обстановки могла слишком сильно на нее повлиять.

Высокий стройный мужчина с немного вьющимися темными волосами и залихватскими усами, с открытым взглядом… Герцог был весьма привлекателен и, что самое важное и удивительное, сумел найти привлекательной свою будущую жену. Красота – в глазах смотрящего?..

В мае 1874 года в Штутгарте праздновали пышную свадьбу, на которую, конечно же, приехали Верины русские родственники, в том числе император Александр II – как-никак, а Вера была его родной племянницей (увы, император не удержался и подпустил шпильку, заметив, что не завидует молодому супругу – сам он всю жизнь был окружен красавицами, а Вера красавицей не была… но разве в этом счастье?).

Великий князь Константин Николаевич был счастлив – дочь наконец-то устроена. Он не переставая благодарил сестру и ее мужа, но настоящей наградой для них были не эти благодарности, а счастье Веры.

А Вера действительно была счастлива. Наконец у нее была своя семья – своя собственная. Они с Евгением поселятся тут же, в Штутгарте, в большом удобном доме. В апреле 1875 года, чуть меньше чем через год после свадьбы, на свет появится их первенец, Карл Евгений Вюртембергский. Евгений – в честь отца, Карл – в честь того, кто заменил отца Вере…

Увы, мальчик умрет, когда ему будет всего семь месяцев. Вера была в отчаянии, но, к счастью, вскоре обнаружилось, что она снова ожидает ребенка.

В марте 1876-го у нее рождается двойня, девочки, которых назовут Эльзой и Ольгой. Казалось, семейная жизнь ее может сложиться счастливо… Но она просто оказалась очень короткой.

В 1876 году Евгения, который, как и многие представители правящих династий, был кадровым военным, отправляют в

Дюссельдорф. Что случилось в январе 1877 года, так доподлинно и неизвестно. Причиной его гибели объявили падение с лошади и последовавшую затем скоропостижную болезнь. Другие же уверяют, что на самом деле герцог погиб на дуэли.

Как бы там ни было, в двадцать три года Вера останется вдовой… Она больше никогда не выйдет замуж.

* * *

Могла ли Вера прервать свое вдовство? Безусловно. На ярмарке невест встречались партии куда менее завидные, чем вдовствующая герцогиня Вера Константиновна. Она, к тому же, была прекрасно обеспечена материально. Но… Хороших женихов всегда было немного, а Вера не хотела выходить замуж ради самого замужества. Она хотела любить. И если уж ей было суждено прожить в счастливом браке только три года – так тому и быть.

Вера Константиновна, герцогиня Вюртембергская *(крайняя слева)* с семьей

Да, она была молодой вдовой с двумя детьми на руках. Но она была в Штутгарте, который давно уже стал ее домом, рядом были приемные родители, для которых дети Веры были родными внуками – если не по крови, то по сути. Именно это и спасло ее от тяжелой депрессии. Сохранилось несколько фотографий с юными Эльзой и Ольгой. Они похожи, но совершенно идентичными назвать девочек нельзя. Одна повыше, другая пониже, у одной блестящие волосы довольно темные, у другой – более светлого оттенка. Ровно подстриженные челки, белые платья с оборками – «девочки из хорошей семьи». Их не портит даже некоторая лопоухость, подчеркнутая гладкими прическами. Но главное – во взгляде нет той угрюмости, загнанности и ощущения нелюбимого ребенка, как на детских фотографиях их матери. Эти девочки – любимы. И какими бы они ни являлись на этих официальных снимках – совсем еще девочками, подростками, юными дамами,

окруженными собственными семьями – они так и тянутся к матери. Эти трое будут всю жизнь очень близки.

Первым женихом Эльзы стал Альфред, сын двоюродной сестры Веры Константиновны, Марии Александровны, герцогини Саксен-Кобург-Готской, и, соответственно, внук королевы Виктории. Однако помолвка оказалась недолговечной – добавим, к счастью, припоминая судьбу Альфреда – сифилис и самоубийство.

В 1896 году была объявлена другая помолвка, а в следующем году состоялась свадьба – Эльза стала супругой Альберта Шаумбург-Липпского.

После смерти короля Карла вюртембергский престол перейдет к его племяннику, Вильгельму III, чьей второй женой в 1886 году стала принцесса Шарлотта Шаумбург-Липпская. Как заботливая сестра брата-холостяка, она со временем стала присматривать ему невесту, и юная Эльза Вюртембергская подвернулась как нельзя более кстати.

Брак оказался весьма удачным, у супругов родилось четверо детей, трое мальчиков – Макс, Франц Иосиф и Александр и дочь Батильдис. Потомки Батильдис, внучки Веры Константиновны, вполне здравствуют и ныне. Сама же Эльза скончается в возрасте шестидесяти лет.

Ее сестра Ольга Вюртембергская выйдет замуж за младшего брата Альберта Шаумбург-Липпского, принца Максимилиана. Такие браки не были редкостью – две сестры и два брата.

Свадьбу отпразднуют через год после свадьбы Эльзы (на которой, вероятнее всего, эта юная пара и познакомилась). В 1899-м у них родится сын Вильгельм, а затем еще двое, Альберт и Бернард.

Увы, окажется, что судьба Ольги в браке удивительным образом повторит судьбу ее матери. В течение одного года она потеряет и младшего сына, и мужа, оставшись вдовой с двумя детьми. И, как и мать, тоже больше никогда не выйдет замуж.

Но вернемся пока в Штутгарт, в те годы, когда Вера только привыкала жить без мужа. Она могла бы вернуться в Россию – но зачем? Ее дом был здесь, самые родные люди – тоже.

Но в 1891 году умирает король Карл, а королева Ольга последует за ним год спустя. Своей приемной дочери они оставят большое наследство, так что жить она теперь сможет по собственному усмотрению. Чем же, кроме воспитания детей, Вера теперь сможет заняться?..

* * *

Всю жизнь у нее перед глазами был пример Ольги Николаевны. Для бездетной, причем не по своей вине, королевы Вюртемберга благотворительность стала истинным призванием. На ее средства была построена детская больница в Штутгарте. Она выделяла деньги на инвалидов, ветеранов войны, отдельно – на образование девочек из бедных семей.

Теперь Вера следует ее примеру. Она будет финансировать более тридцати благотворительных организаций – в том числе больницу в Штутгарте, названную в честь ее тетки, приют для слепых – он существует и по сей день и т. д.

Одним из самых выдающихся поступков Веры на ниве благотворительности было создание «Верахайма» – приюта для беременных незамужних женщин. Это вызвало скандал – покровительствовать девицам, потерявшим свою честь и собирающимся производить на свет ублюдков?! Но Вера всегда делала, что считала нужным, и мало обращала внимания на сплетни. Хотя ни церковь, ни общество не поддержали ее – ни финансово, ни морально, она не отступилась: наследство, оставленное ей покойными королем и королевой, позволяло организовать и содержать и этот приют, и многие другие заведения совершенно самостоятельно.

Она будет участвовать и в строительстве православной церкви в Штутгарте, а когда в 1909 году перейдет в лютеранство, то построит на вилле Берг церковь – опять-таки на свои средства.

Как в свое время Ольга Николаевна сумела завоевать любовь подданных, так теперь то же самое происходило и с Верой. Постепенно она стала едва ли не самым любимым в народе членом королевской семьи Вюртемберга. Но занималась она благотворительностью вовсе не потому, что пыталась завоевать популярность, просто когда-то ее научили тому, как это прекрасно – не только брать, но и отдавать…

А как же ее отношения с многочисленными родственниками, которые оставались в России?

Всю жизнь она старалась поддерживать с ними тесную связь. К сожалению, они были и близки, и далеки одновременно.

Как ни странно, еще тогда, когда Вера была совсем маленькой девочкой, ее отец, великий князь Константин, почти ничего не писал о ней в своем дневнике. О жене, о дочери Ольге, своей любимице, о сыновьях – писал… А о ней – нет. Не значит ли это, что Вера не была любимым ребенком даже тогда, когда не была ребенком трудным?

А к родным ее тянуло – ведь имея сестру и четырех братьев, она взрослела одна. Но наверстать упущенное было, вероятно, уже слишком поздно. Хотя бы потому, что, окруженная любящими

немецкими родственниками, Вера выросла истинной германофилкой.

Во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов она, конечно же, была на стороне Германии. Она в восторге от кайзера Вильгельма II, а в одной из ее комнат даже будет стоять бюст Бисмарка.

В то же время и ее братья, и сестра Ольга были патриотами России, так что, когда дело доходило до обсуждения политических вопросов, без ссор не обходилось. Но, как говорится, сами виноваты – останься Вера дома, быть может, она стала бы не менее пламенной патриоткой, чем, к примеру, ее брат князь Константин.

От России добра она не видела – так, смутные детские воспоминания. Императорская семья избавилась от своего гадкого утенка, а Германия – приняла с распростертыми объятиями…

Единственным человеком в семье, который, кажется, сможет по-настоящему понять и оценить трагедию ее жизни – оторванность от семьи, раннее вдовство и долгие одинокие годы после потери мужа, был князь Константин Константинович (да-да, тот самый, который писал стихи под псевдонимом К. Р.).

Но и он порой не выдерживал трудный характер Веры, судя по сохранившейся записи в его дневнике. Он писал, что рад ее отъезду – как бы она не повлияла на его супругу, и что несмотря на все свои достоинства, она весьма бестактна.

Да, Вера говорила то, что думает. И не могла удержаться от того, чтобы покритиковать окружающий мир. Ох уж эта Россия – вот у них, в Германии…

Неудивительно, что разговорчивая, прямодушная, вспыльчивая, но вместе с тем романтическая и ранимая (она ведь даже писала стихи) Вера Константиновна вскоре приобретает среди родных – особенно младшего поколения – репутацию этакой эксцентричной тетушки.

Она часто навещает родных, присутствует на свадьбах и крестинах, на коронации своего двоюродного племянника Николая II; навещала она и свою сестру Ольгу, королеву Греции.

Сын Ольги Николай позднее описывал в своих воспоминаниях «тетю Веру», большую оригиналку, умницу, и обладательницу очень острого язычка. Она носила короткую прическу, что, по словам Николая, придавало ей несколько мужеподобный вид, а они с братом не могли смотреть на нее без смеха, как во время больших праздников ей приходится крепить к этим коротким кудрям тиару. Усыпанные драгоценностями тиары могли держаться на голове разве что с помощью большого

количества шпилек или эластичной ленты.

Прибавьте к этому неизменное пенсне (Вера Константиновна была очень близорука), плотную, полную, фигуру – такой она была в пожилые годы. А поскольку у нее было великолепное чувство юмора и она то и дело отпускала едкие остроумные замечания, заставляя окружающих смеяться, то неудивительно, что племянники и племянницы относились к ней со смесью снисходительности и обожания.

А она… Она тоже их любила. Когда у брата Константина родится дочь, ей очень захочется, чтобы девочку назвали в ее честь. Та получила имя Наталья. Но следующую дочь все-таки назвали Верой. Она стала полной тезкой нашей героини – Верой Константиновной Романовой. Вера Константиновна Младшая, кстати, скончалась совсем недавно (в 2001 году) – это только кажется, что описываемые события происходили давным-давно. На самом деле они рядом…

А пока Вера Константиновна все еще живет в Вюртемберге. Правда, ее здоровье ухудшается. Пляска Святого Витта, непроизвольные мускульные сокращения – вот от чего она страдает больше всего. Согласно воспоминаниям принцессы Марии Текской, ее постоянно сопровождают – чтобы при падении она не ушиблась и не поранилась о мебель. Что ж, ведь именно когда-то ее здоровье и послужило причиной для кардинальных перемен в ее жизни…

В 1909 году, как уже упоминалось выше, Вера переходит в лютеранство. Николай II запрещает публично упоминать об этом факте – еще бы, такой удар. Но ведь она всю жизнь прожила среди протестантов…

Осенью 1911 года у Веры Константиновны случается удар, а в апреле следующего года она умирает – в Штутгарте, ставшим для нее даже не вторым домом, а, скорее, первым. Ей было пятьдесят восемь лет.

Ее будут оплакивать в Вюртемберге. Там, в России, она бывала наездами. А всю свою жизнь эта упрямая женщина, со слабым здоровьем и сложным характером, провела здесь. Но ее недостатки были забыты уже при жизни – столько сделала она для своей новой родины.

И ее там помнят до сих пор.

Великая княжна Анастасия Михайловна, герцогиня Мекленбург-Шверинская

Можно сколько угодно стараться стать счастливым – и потерпеть неудачу. А можно постараться стать счастливым настолько, насколько это возможно. У многих получается. У Анастасии Михайловны, русской великой княжны и немецкой герцогини, получилось стать счастливой – вопреки всему. Просто потому, что ей хотелось чувствовать себя счастливой.

* * *

Девочку, родившуюся в июле 1860 года в семье великого князя Михаила Николаевича, сына императора Николая I, и его супруги Ольги Федоровны (в девичестве – принцессы Цецилии Баденской), могли назвать и Марией, и Александрой, и Еленой, и Ольгой – да мало ли прекрасных женских имен в императорской семье? Но она стала Анастасией, первой в семье Романовых, носящей это имя.

Она родилась в Петергофе и, как и многие другие члены обширной российской императорской фамилии, могла вырасти в холодных, дождливых, и порой таких неуютных северных краях. Но… В 1862 году великий князь Михаил Николаевич становится наместником на Кавказе и переезжает вместе с супругой и тремя детьми, погодками Николаем, Анастасией и Михаилом, в Тифлис. Вместо унылых дождей – солнце, вместо геометрически правильного, плоского Петербурга – Кавказские горы, вместо аккуратно размеченных дорожек парков – буйство природы. Да, Анастасии и ее братьям повезло. Изумительная красота Кавказа, среди которой они росли, останется в их сердцах на всю жизнь…

Вскоре после переезда семья пополняется и один за другим на свет появляются еще четверо мальчиков – Георгий, Александр, Сергей и Алексей. Теперь детей семеро, как в сказке. Шестеро братьев и одна сестра. Удивительно ли, что Анастасию, единственную девочку в семье, обожали и родители, и братья, и все окружение? Маленькая принцесса росла, окруженная всеобщей любовью, а со стороны братьев – буквально поклонением.

Брат Александр (Сандро) напишет о ней: «Особое положение в нашей семье занимала наша сестра Анастасия Михайловна. Мы все обожали эту высокую темноволосую девушку, она была

любимицей отца. Когда мы говорили с нею, мы воображали себя ее верными рыцарями, готовыми исполнять все приказания нашей дамы сердца и повергнуть к ее ногам всю любовь, накопившуюся в душе неделями и месяцами скучного учения. Мы страстно ревновали ее друг к другу, и у нас заныло сердце, когда в Тифлис прибыл герцог Мекленбург-Шверинский, чтобы познакомиться со своей будущей невестой…»

Быть принцессой – это не только приятные права, но и серьезные обязанности. Мальчикам предстояла военная карьера, Анастасии – брак, в котором ей надлежало поддержать честь семьи. Так что, несмотря на, быть может, чуть более вольную жизнь, чем та, которую вели в Петербурге и окрестностях их кузены, все дети Михаила Николаевича воспитывались строго и, естественно, получали прекрасное образование. Иностранные языки? Само собой. Спустя годы дети Анастасии будут вспоминать, что с супругом она говорила по-французски, с дочерьми – по-английски, с сыном – по-немецки. Искусство, литература, музыка? Безусловно. Кроме того, Анастасия сама по себе была очень неглупа. От внучки и племянницы императоров требовалось довольно много – и Анастасия оправдывала ожидания.

Была ли она красивой? О, это так часто выдвигаемое требование к принцессам… О внешности Анастасии будут говорить по-разному. Кто утверждал, что она была необыкновенно привлекательной, кто – что все, что было в ней действительно прекрасного, так это пышные тяжелые темные волосы и прозрачно-зеленые глаза. Ее дядя Константин Николаевич писал о только что родившейся племяннице: «Видел Настю, которая редкой красоты ребенок». Братья утверждали, что она была необыкновенно красивой, даже когда ей было уже за пятьдесят. Однако мы можем судить и сами – благо, сохранилось множество фотографий. Овальное лицо, изящные дуги бровей, прямой нос… Вернее будет сказать, что у Анастасии было одно из тех лиц, которые могут быть очень красивыми – если обладательница этих правильных черт захочет казаться таковой. А кто не хочет? И что привлекло в ней будущего жениха – это нежное лицо, стройная и статная фигура (которую, кстати, Анастасия сохранит на всю жизнь), характер? Мы этого не знаем, но это не так уж и важно – главное, что у восемнадцатилетней Анастасии появляется жених.

Однако, кем бы он ни был, его появление в любом случае было бы встречено в семье… с неприязнью. Со стороны шестерых братьев. Ведь замужество Анастасии означает, что она должна будет покинуть Россию и семью. Но ничего не поделаешь – это

время пришло.

* * *

Кто же этот жених, который, по слухам, влюбился в Анастасию с первого взгляда? Фридрих Франц, старший сын герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха Франца II и его первой супруги Августы Рейсской. У этого немецкого дома были давние связи с Россией – герцог приходился правнуком великой княжне Елене Павловне, дочери Павла I.

Фридрих Франц родился в 1851 году, а его сестра Мария Александрина Элизабета Элеонора, которую в семье называли Михен, в 1854 году. Почему среди всех многочисленных братьев и сестер юного будущего герцога мы отмечаем именно ее?

В 1874 году двадцатилетняя принцесса Мекленбург-Шверинская станет супругой третьего сына императора Александра II Владимира Александровича и, соответственно, великой княгиней Марией Павловной. Заметим, что со своим будущим мужем она познакомилась за несколько лет до этого, но император Александр не хотел давать разрешения на брак, поскольку принцесса отказывалась переходить в православие. Так что прошло три года, прежде чем ее согласились принять в лоно российской императорской семьи, не требуя переменить веру. Великому князю Владимиру Александровичу удалось отстоять свое право на брак – точно так же, как когда-то это удалось и его отцу.

Мария Павловна любила старшего брата и мечтала устроить ему блестящую партию. Оказалось же, что возможная невеста – вот она, рядом, кузина ее собственного супруга Анастасия Михайловна Романова.

Что ж, Анастасия была племянницей императора Александра II, а Фридрих Франц являлся наследником достойной герцогской династии. К этому времени ему исполнилось двадцать семь лет, он был весьма привлекателен, богат, ему предстояло стать герцогом. Казалось бы, чего еще желать?

Здоровья. Фридриху Францу были доступны все блага, кроме этого. Увы, он страдал от астмы, это давало осложнение и на сердце. Позднее к этому прибавилась кожная экзема. Словом, целый букет болезней, которые заставляли молодого принца проводить как можно больше времени в теплых краях, а порой и не позволяли подняться с постели. Но что это значит в сравнении с внезапно захватившим его чувством?.. А любовь и правда вспыхнула – сразу, как только, по инициативе своей сестры,

Фридрих Франц познакомился с Анастасией.

Великая княжна далеко не сразу ответит на его чувства. Ее брат Александр писал: «Я помню, как эта прелестная темноволосая девушка влетела как-то раз в мою классную комнату, запыхавшись и пылая гневом, чтобы объявить, что скорее смирится с тиранством наших учителей, чем выйдет замуж за „щелкуна-немца из Мекленбург-Шверина“». Но, когда весной 1878 года Фридрих Франц прибудет в Тифлис просить ее руки и под благожелательным, намеренно не очень внимательным присмотром Марии Павловны будет проводить как можно больше времени со своей избранницей, у них появится шанс узнать друг друга. И пусть даже любовь Анастасии не стала такой пылкой, как хотелось бы влюбленному жениху, они будут счастливы. Оба.

Единственное, что омрачило помолвку, это торжественный обед, данный в честь этого события в Тифлисе. Великая княгиня Ольга Федоровна отличалась властным, довольно жестким характером и всю жизнь требовала от детей беспрекословного послушания. А теперь представьте – вам восемнадцать лет, к вам недавно посватался молодой человек, на чьи чувства вы понемногу начинаете отвечать. За столом собрались все те, кто имеет право отпраздновать с вашей семьей это радостное событие. А вы, будучи взволнованной, нечаянно произносите что-то, что вызывает неудовольствие вашей матери… И Ольга Федоровна на глазах у всех отсылает юную невесту из-за стола, велев ей уйти в свои комнаты и не показываться до конца вечера. Как нашалившую девчонку. Но что обидно в десять лет, во много раз обиднее, мучительнее и унизительнее в восемнадцать. Анастасии придется постараться, чтобы забыть этот неприятный эпизод.

Но впереди была свадьба, которую отпразднуют так, как это и положено в императорской семье – с огромной пышностью. Венчание состоялось в январе 1879 года в Зимнем дворце. Брат Александр писал в своих воспоминаниях: «Высокая, стройная и темноволосая, в тяжелом платье из серебряной парчи (традиционном для Великих княгинь), она была изумительна хороша, когда Император Александр II повел ее во главе свадебного шествия, в котором приняли участие представители всех Царствующих Домов Европы, через залы Зимнего Дворца в Дворцовую церковь (во имя Спаса Нерукотворного Образа). Сейчас же вслед за венчанием по православному обряду состоялось второе – по протестантскому… Семейный завтрак, поданный после второй брачной церемонии, и большой торжественный обед закончили программу дня».

При первом венчании тяжелый золотой венец над головой

Анастасии по очереди держали трое братьев, Николай, Михаил и Георгий. Пришел тот день, которого они так не хотели – сестра выходила за муж, «за мужа», и уходила от них.

Ей предстояло расстаться с родными. Могли ли утешить ее подарки от многочисленных родственников и друзей, разве что чуть менее роскошные, чем подарок от дяди-императора – бриллиантовая диадема в форме кокошника? Вряд ли. Но невеста держалась достойно – достойно титула великой княгини, еще одного подарка от дяди в честь свадьбы.

«Следующее утро было посвящено приему иностранных дипломатов, придворных и представителей духовенства. Потом состоялся еще один семейный обед. Только к концу второго дня жених и невеста могли сесть в специальный поезд, который должен был доставить их в Германию».

В этот второй день свадебных торжеств, в театре, Анастасия снова блистала – в платье нежно-розового цвета и в украшениях, усыпанных сапфирами. О ней говорили, что в эти утомительные дни она была хороша, словно роза.

Увы, того же нельзя было сказать о женихе. Незадолго до свадьбы экзема дала о себе знать, особенно на лице, и бедняга вынужден был появляться на публике, закутавшись буквально до бровей. На свадьбе же он был до того бледен и истощен, что это бросалось в глаза. Но что поделать… Все сомнения предстояло теперь оставить позади – дело сделано и для Анастасии наставала новая пора. Молодых супругов ждал Шверин.

Из воспоминаний Сандро: «Раздался свисток, почетный караул отдал честь, и мы потеряли из виду нашу Анастасию.

Мать плакала, отец взволнованно теребил перчатку. Суровый закон, предписывавший членам Царствующего Дома вступать в браки с равными по крови членами иностранных династий, впервые поразил нашу семью. Этот закон тяготел над нами вплоть до 1894 года, когда я первый его нарушил, женившись на Великой Княжне Ксении, дочери моего двоюродного брата, Императора Александра III».

* * *

Наверное, любая новоиспеченная супруга надеется, что ее жизнь в новой семье окажется приятной. А ведь «новая семья» – это не только муж, но и его многочисленные родственники, а если речь идет о правящей династии, это еще и придворные. Анастасию Михайловну, супругу наследника герцогского престола, приняли поначалу с большой теплотой – и сам герцог

Фридрих Франц II, и его третья супруга, и родичи, и двор… Но теплота эта оказалась формальной, да и то выказанной только поначалу.

Через какое-то короткое время молодая женщина оказывается среди людей, которые не нравятся ей и которым не нравится она. Несмотря на то, что мать Анастасии была немецкой принцессой, ей не удалось полюбить ни немецкий язык, ни самих немцев. Окружающие не могли этого не почувствовать, а если прибавить сюда гордость Анастасии – внучки одного российского императора и племянницы другого, то неудивительно, что она не будет пользоваться популярностью при дворе. Ум будущей герцогини, красота, вид, блеск и элегантность (она получила роскошное приданое, позволявшее блистать на фоне немецких дам) положение не улучшали, а скорее ухудшали, потому что неизбежно вызывали зависть окружающих.

Что ж, это был тот самый случай, когда не было бы счастья, да несчастье помогло – из-за слабого здоровья супруг Анастасии должен был как можно больше времени проводить в том климате, который бы способствовал если не выздоровлению, то хотя бы облегчению его страданий. А что в таком случае может быть лучше курортов Италии и Франции? Анастасия была бы рада жить там круглый год, но пока не могла себе этого позволить. Вскоре после свадьбы она обнаруживает, что беременна, и первый ребенок, дочь Александрина, появляется на свет в декабре 1879 года.

В следующем году она дважды навещает родину, а в 1881 году едет туда снова, но на сей раз повод для ее визита более чем печален – похороны Александра II, павшего жертвой террориста. Фридрих Франц был так удручен этим убийством, что все это спровоцировало у него сильнейший приступ астмы и супругам пришлось срочно уехать.

Они переезжают на Сицилию, и там, в Палермо, в апреле 1882 года на свет появляется их первый и единственный сын Фридрих Франц. А буквально через год после рождения внука, будущего Фридриха Франца IV, умирает старый герцог Фридрих Франц II и супруг Анастасии сам становится герцогом – Фридрихом Францем III.

Итак, отныне Анастасия Михайловна – супруга правящего герцога. Теперь она может вернуться в Шверин и делать то, чего ей никак не удавалось в бытность свою супругой наследника – жить так, как ей хотелось. Ведь в свое время ей даже не позволили отделать комнаты, в которых жила она с супругом, по собственному вкусу. А теперь она – сама себе хозяйка. И не только себе. Первые месяцы она искренне наслаждается своей

новой ролью, но проходит время и Анастасия понимает – нет, жизнь здесь, какой бы роскошной она ни была, не для нее.

Но супруг теперь не вправе распоряжаться собой, как раньше – ему нужно управлять государством, а их частые отлучки и так вызывают недовольство среди подданных герцога. Однако все же удается найти выход, который примирит обе стороны – герцогиню, желающую проводить в Шверине как можно меньше времени, и герцогство, нуждающееся в правителе. Поскольку из-за проблем со здоровьем Фридрих Франц III в любом случае должен проводить определенное время вне страны, было решено, что герцогская чета будет находиться дома только пять месяцев в году, в самое теплое время.

Теперь Анастасия может жить там, где ей хочется. Она как раз становится матерью в третий раз – в сентябре 1886 года на свет появляется третий ребенок, названный в честь матери Анастасии Цецилией Августой. И теперь они все вместе переезжают на юг Франции. Канны! Вот место, в котором Анастасия захочет провести – и проведет – долгие годы. Строительство небольшого, но роскошного дворца займет почти два года, но, право же, оно того стоило. Единственное место, которое будет соперничать в сердце Анастасии с виллой Венден, – это их дом в Гельбензанде у Балтийского моря. Так, между двумя морями, Средиземным и Балтийским, Анастасия и ее семья будут делить свое время. Зима и весна – в Каннах, лето – в Шверинском замке и Гельбензанде.

* * *

С одной стороны, Анастасия живет так, как этого требует ее высокое положение – в частности, навещая и принимая у себя представителей различных царствующих семей, постоянно приезжавших на Лазурный берег. С другой – она старается брать от жизни все, что хочется. А хочется ей многого.

С детства влюбленная в музыку, Анастасия Михайловна часто посещает театры. Особенно ее восхищают оперы Пуччини – их она готова слушать постоянно.

Ей нравится теннис – и на вилле Венден специально для нее строят теннисный корт. Годы спустя она даже будет принимать участие в международных теннисных турнирах, регулярно проводившихся в Гамбурге, – конечно, не как герцогиня или великая княгиня, а просто как «мадам Венден».

Когда начнется мода на первые автомобили, Анастасия одной из первых сядет за руль – ведь это куда увлекательнее

велосипедов, на которых она всегда каталась с удовольствием.

Как почти всякая женщина, притом красивая женщина, Анастасия увлечена нарядами – и ее парижские туалеты порой вызывают своей экстравагантностью не только восхищение, но и удивление.

Анастасия – увлеченный игрок, она становится завсегдатаем казино Монте-Карло. Частенько муж оставался дома с очередным приступом болезни, а она, не в силах устоять перед соблазном, уезжала играть, порой проигрывая огромные суммы…

Со стороны может показаться, что Анастасия, посвящая себя всем этим развлечениям, слишком мало уделяла внимания своей семье, детям и мужу. Но это не так.

Несмотря на все ее упрямство, темперамент, азартность, Франц Фридрих любил ее – на протяжении всего их брака. Любил пылко – а она отвечала ему нежной привязанностью. Да, в свое время она использовала здоровье мужа как предлог, чтобы ускользнуть из Шверина – но это вовсе не означает, что на самом деле его здоровье ее не волновало. Просто Анастасия… смирилась. И старалась сделать жизнь семьи настолько комфортной и счастливой, насколько это возможно.

Дети очень ее любили и сохранили привязанность к матери на долгие годы. В отличие от своих кузенов и кузин в России, Германии и Англии, они росли не обремененными строгим этикетом. Можно сказать, что в этом плане им повезло даже больше, чем матери – та, хоть и провела детство и юность на Кавказе, а не в пышном строгом Петербурге, тем не менее, росла под строгим присмотром своей матери великой княгини Ольги Федоровны, неукоснительно соблюдавшей этикет. И, к примеру, за столом, при гостях, ни Анастасия, ни ее братья не имели права разговаривать.

А теперь Александрина и Цецилия, несмотря на наличие гувернанток, жили относительно привольно. Это было поистине золотое детство… Единственное, их брат, Фридрих Франц Младший, должен был проводить большую часть времени в Германии – как будущий герцог.

В 1891 году семейное счастье было омрачено смертью Ольги Федоровны – она скончалась в Харькове от внезапного удара. Говорят, причиной послужило известие о неравном браке Михаила, брата Анастасии.

Его супругой стала София фон Меренберг, родная внучка Пушкина. Скандал был неслыханным, и, естественно, брак мог быть только морганатическим. Молодоженам запретили появляться в России, родственники от них отвернулись – и едва ли не единственным членом императорской семьи, который

сочувствовал Михаилу, была Анастасия. Когда год спустя у опальной пары появится дочь, именно Анастасия станет ее крестной матерью, и малышку тоже нарекут Анастасией – в честь тетки.

Но смерть матери была только первым ударом, поджидавшим Анастасию. Здоровье герцога Фридриха Франца продолжало ухудшаться – с астмой трудно бороться и сейчас, а более века назад… Может быть, он и истаял бы понемногу в борьбе с изнуряющей болезнью, но конец оказался совсем иным, вызвавшим скандал, слухи и сплетни.

* * *

Однажды весенним днем в «Нью-Йорк Таймс» вышла статья под броским заголовком: «Великий герцог Мекленбург-Шверинский покончил жизнь самоубийством. Он спрыгнул с парапета!»

«Канны, Франция, 12 апреля. – Сегодня здесь начали ходить слухи, что Великий герцог Мекленбург-Шверинский, о чьей кончине объявили в девять вечера в субботу, покончил жизнь самоубийством. Было сказано, что причиной смерти послужила аневризма сердца. Герцог Иоанн Альбрехт, брат покойного, стал регентом в Великом герцогстве Мекленбург-Шверин.

Сообщение о том, что Великий герцог покончил с собой, получило подтверждение. Как выяснилось, он очень страдал, и вечером в субботу попросил доктора оставить его одного, чтобы попытаться уснуть. Когда доктор ушел, то Великий герцог – полагают, что у него начался бред от высокой температуры – покинул виллу и бросился вниз с парапета близлежащего моста. Его нашли несколько минут спустя, еще живого, но настолько израненного, что он скончался полчаса спустя».

Это случилось 10 апреля 1897 года, падал герцог с высоты 25 футов (около восьми метров).

Спустя несколько дней в «Нью-Йорк Таймс» появилась еще одна статья, на сей раз заголовок гласил: «Великий герцог Мекленбург-Шверинский не покончил с собой. Это несчастный случай!»

«Шверин, 14 апреля. – Официальный отчет об обстоятельствах смерти в Каннах Фридриха Франца III, Великого герцога Мекленбург-Шверинского, гласит, что во время отсутствия своего доктора он, как обычно, вышел в сад, когда внезапно почувствовал, что ему тяжело дышать. У него началось головокружение, говорится далее, он зашатался, упал со стены, с

довольно большой высоты, и повредил позвоночник. Его отнесли в дом, где он мирно скончался час спустя, попрощавшись с семьей и нежно обняв сына».

Что это было – несчастный случай или самоубийство? Этого нам уже не узнать. Кое-кто в Шверине вообще полагал, что это было убийство, и винил в смерти герцога не кого-нибудь, а его супругу. Но Анастасию на родине мужа никогда не любили, и неудивительно, что злые языки дали себе волю, получив такой замечательный повод. А тем временем семья страдала вдвойне. Жена и дети не просто потеряли мужа, отца и родственника – ведь если бы выяснилось, что Фридрих Франц действительно покончил с собой, то его как самоубийцу нельзя было бы похоронить по канонам церкви. Это явилось бы клеймом, поставленным на всю семью – а ведь предстояло еще устроить жизнь Александрины, Цецилии и Фридриха Франца Младшего… Так что пришлось объявить о несчастном случае. Анастасия же убивалась так, что появились опасения за ее здоровье. Она потеряла не только мужа, но и «самого близкого друга», как признавалась впоследствии. До конца дней она, некогда любительница роскошных ярких нарядов, будет носить только два цвета, черный и белый. Восемнадцать лет счастливого брака подошли к концу.

Анастасия Михайловна, вдовствующая герцогиня Мекленбург-Шверинская

Теперь, со смертью мужа, Анастасию больше ничто не привязывало к герцогству. Разве что сын… Но Фридрих Франц IV с самого начала проводил там время больше, чем кто-либо в семье, а теперь, унаследовав титул великого герцога в пятнадцать лет, должен был продолжать учиться управлять страной под руководством своего дяди, вплоть до совершеннолетия. Анастасия же была свободна и могла ехать куда угодно. У нее оставалась вилла Венден, их дом в Гельбензанде, она всегда могла приехать в Шверин… но как раз последнего ей не хотелось.

Супруга отпели в Каннах, после чего перевезли тело на его родину, а Анастасия взяла себя в руки – несмотря на траур, ей предстояло важное дело, которое нельзя было откладывать.

* * *

Еще до смерти отца семнадцатилетняя Александрина получила предложение руки и сердца от наследного принца Дании Кристиана (который взойдет на престол в 1912 году под именем Кристиана X). Теперь же, летом 1897-го, Анастасия вместе с Александриной отправляются в Данию, где юная герцогиня знакомится с будущими родственниками.

Свадьба состоялась в апреле 1898 года, когда окончился траур по отцу невесты, и не в герцогстве Мекленбуг-Шверин, как можно было бы ожидать, и даже не в Дании, а в любимых Анастасией и Александриной Каннах.

Это празднество создало, в своем роде, предпосылку для еще одного брака в семье с датской королевской фамилией. Одной из подружек невесты стала юная принцесса Александра Ганноверская, дочь другой дочери Кристиана IX, Тиры. Шесть лет спустя принцесса Александра станет великой герцогиней Мекленбург-Шверинской, выйдя замуж за сына Анастасии Фридриха Франца IV.

Но до этого еще нужно дожить, а пока Анастасии предстояло расстаться со старшей дочерью. Скоро в этой семье родятся дети, и она наконец-то станет бабушкой. (Нынешняя королева Дании, Ее Величество Маргрете II – родная внучка Кристиана X и Александрины и, соответственно, правнучка Анастасии.)

Понемногу к Анастасии возвращается вкус к жизни. Она довольно часто навещает Россию, присутствуя то на крестинах, то на свадьбах многочисленных родственников, путешествует по Европе. Вместе с ней остается младшая дочь, Цецилия Августа. Казалось бы, что может запятнать репутацию вдовствующей герцогини? Ну и пусть она слывет среди царственной родни оригиналкой благодаря своим увлечениям – особенно теннису и игре в казино. Но это, оказывается, только цветочки.

Анастасия вообще-то еще не старая женщина. В 1902 году ей исполняется сорок два года. Женский век короток, и так хочется его продлить… Восемнадцать лет она любила своего мужа и была ему верна, вот уже несколько лет, как она вдовела – положа руку на сердце, справедливо ли обвинять ее в том, что теперь, на склоне лет, она не устояла? С точки зрения общественной морали она, безусловно, окажется виноватой, но с чисто человеческой, а тем более – с женской точки зрения ее можно понять и простить.

Его звали Владимир Александрович Палтов. Они познакомились в Париже, и Анастасия Михайловна пригласила его к себе на должность секретаря. А с секретарями проводишь обычно много времени… Эффектная женщина, чья красота еще и не начала увядать по-настоящему, и достаточно привлекательный мужчина. Влюбленные? Нет. Но любовники. То, что ее рано

списывать со счетов как женщину Анастасия доказала и себе, и окружающим, почувствовав, что ожидает ребенка.

До открытого скандала дело не дошло – ее положение всячески скрывали, и она не нашла ничего лучше, как объяснять быстро растущий живот опухолью. Последние же месяцы беременности она вообще удалилась от общества, заявив, что больна ветрянкой.

Так что в декабре 1902 года Анастасия производит на свет своего четвертого, последнего, и на этот раз внебрачного ребенка. Мальчика назвали Алексисом Луи, а фамилию ему дали по любимой вилле матери – Венден. Благодаря Кристиану IX мальчик получил титул графа де Венден. Что ж, это означает, что не все родственники пришли в ужас от случившегося, были и сочувствующие.

Однако этот случай серьезно подпортил Анастасии Михайловне репутацию, отчего едва не пострадала ее дочь Цецилия.

Так же как ее брат познакомился со своей будущей супругой на свадьбе сестры Александрины, так и сама Цецилия повстречала будущего жениха на свадьбе брата, состоявшейся в 1904 году. Кронпринц Вильгельм Фридрих Виктор Август Эрнст, старший сын последнего императора Германии и короля Пруссии Вильгельма II Гогенцоллерна, представлял на свадьбе своего отца.

Молодые люди мгновенно прониклись друг к другу симпатией, которая быстро переросла в еще более нежные чувства, но император Вильгельм был категорически против этого брака. Все эти годы он терпеть не мог Анастасию, полагая, что ее образ жизни не соответствует ее высокому положению. Когда в 1898 году она с Фридрихом Францем отправилась в Берлин, чтобы представить кайзеру своего сына, нового великого герцога, и Вильгельму, и Анастасии удавалось скрыть взаимную антипатию ценой огромных усилий – только благодаря умению держать себя в руках, столь присущему высшей знати.

Но одно дело короткий визит, и совсем другое – перспектива породниться! Кайзер был возмущен и, как мог, оттягивал решение вопроса. В конце концов он дал согласие на брак, однако выдвинул несколько условий: Анастасия должна будет уехать из Германии сразу же после свадьбы, и у нее будет право приехать туда только на короткий срок, когда родится внук, на крестины.

Кайзер, к тому же, опасался, как бы Анастасия не вздумала поселиться где-нибудь рядом, и даже пытался оговорить этот вопрос отдельно, но Анастасия и не думала это делать. Ведь она недолюбливала Германию. Ее любовью по-прежнему оставались Канны. В 1905 году состоялась свадьба, и Анастасия вернулась в

то место, которое привыкла считать своим настоящим домом.

Теперь Канны как никогда заслуживали этого названия – ведь с 1903 года там живет и отец Анастасии великий князь Михаил Николаевич. У него случается удар, и врачи советуют ему поправить здоровье где-нибудь на юге Франции. Он отправляется к дочери, у которой и останется, как оказалось, до конца. В 1909 году великий князь умирает… Очередная тяжелая потеря.

Его тело отправляют на родину, где собираются на похороны все дети Михаила Николаевича. Вот так, все вместе – это, вероятно, в последний раз. Приезжает даже опальный Михаил Михайлович, предварительно получив на это высочайшее разрешение своего двоюродного племянника, нынешнего императора Николая II.

* * *

После похорон отца Анастасия возвращается в Канны. Говорят, что пока живы наши родители – мы дети. Если так, то теперь она окончательно становится взрослой.

Дочери замужем, сын женат, один за другим появляются на свет внуки. Время, отпущенное для любви, ушло. Что остается? Благотворительность? Но Анастасия, будем откровенны, никогда не питала к ней особой склонности и занималась подобными делами только тогда, когда этого требовало ее положение. А вот театр, музыка, танцы… Да, это была ее стихия!

В 1913 году она знакомится с приехавшим в Париж князем Феликсом Юсуповым. Он как раз собирается жениться на Ирине (Ирэн), племяннице Анастасии. Ирэн была дочерью великого князя Александра Михайловича и Ксении Александровны, дочери Александра III.

Вот что пишет Юсупов в своих мемуарах: «В августе, узнав, что в Трепоре Ирина повредила при падении ногу и отвезена на леченье в Париж, я тотчас же уехал к ней. Лечили ее долго и трудно. Каждый день я навещал ее в „Карлтоне“, где жила она с родителями. Сестра моего будущего тестя, великая княжна Анастасия Михайловна, герцогиня Мекленбург-Шверинская, также находилась в то время в Париже. Было ей уж давно за сорок, но оставалась она горяча и порывиста, и притом добра и ласкова. Дело портили лишь чудачества ее, своенравие и властный характер. Узнав, что я женюсь на ее племяннице, она целиком завладела мной. Себе я более не принадлежал. Вставая очень рано, уже в восемь утра она мне звонила по телефону. А то и являлась прямо в „Отель дю Рэн“, где я жил, ко мне в номер, и

читала газету, пока я умывался и одевался. Если ж дома меня не было, она рассылала за мной слуг по всему Парижу и сама пускалась на автомобиле на поиски. Не имел я ни минуты передышки. Я завтракал, обедал, посещал театр и ужинал вместе с ней. На спектакле она засыпала в первом же акте, но, вдруг проснувшись, заявляла, что пьеса „прескучна“ и что надо пойти на другую. Часто за вечер сменяли мы два-три театра. Была она мерзлячка и у дверей ложи сажала лакея с саквояжем, набитым мехами, платками и пледами. Каждый имел номер. Если случайно она не спала, то при малейшем сквознячке наклонялась ко мне и просила принести номер такой-то. Но все бы ничего, не люби она танцы. Выспавшись в театре, она могла танцевать ночь напролет.

К счастью, в конце сентября Ирина поправилась, и мы все вместе уехали в Крым».

Феликс Юсупов деликатно сообщает, что Анастасии Михайловне было за сорок – на самом деле, в 1913 году ей было уже пятьдесят три. И какой же жизненной силой нужно обладать, чтобы за месяц вымотать известного своим буйным образом жизни Юсупова!

Мало того, неугомонная Анастасия Михайловна явится в гости к молодоженам сразу же, как только они вернутся во Францию: «В Париже мы остановились в „Отель дю Рэн“. Я удерживал за собой свой уютный номер и хотел показать его Ирине. На другой день в девять утра нас разбудила великая княгиня Анастасия Михайловна. Три ее грума внесли за ней ее свадебный подарок: двенадцать корзинок для бумаг разных форм и плетений».

О, эта дама была поистине неутомима… В 1910 году она возглавляла русскую группу поддержки Николая Попова, совершившего беспосадочный перелет Канны – Леренские острова и обратно и поставившего тогдашний мировой рекорд высоты. Да-да, она увлеклась авиацией и регулярно посещала авиасостязания!

Начинало казаться, что с годами, сбросив с себя бремя дочерних, супружеских и родительских обязанностей, она ожила еще больше, если это только возможно – учитывая, насколько активный образ жизни она вела. С другой стороны, может, она просто пыталась забыть все свои потери…

Первая мировая война резко положит конец если и не всему, то многому – в том числе и такой беззаботной блестящей жизни. Старый мир разбивается вдребезги, раня осколками всех подряд.

Как и другие русско-иностранные или иностранно-русские принцессы, Анастасия окажется между особыми, заготовленными

судьбой специально для них молотом и наковальней. Во Франции, будучи немецкой герцогиней, она оставаться не может. Возвращаться в герцогство Мекленбург-Шверинское теперь, когда Германия воюет с Россией? Нет. Ехать в Россию – тоже не лучший выход… Ей нужна нейтральная территория, спокойное место, чтобы переждать эту войну.

И Анастасия уезжает в Швейцарию, навсегда, как окажется, покидая любимую виллу Венден, которая, по ее инициативе, теперь превращается в госпиталь.

Там, в Лозанне, она одну за другой получает страшные вести – о революции в России, отречении Николая II, расстреле императорской семьи, гибели ее троих братьев (Николая, Георгия и Сергея). Сын отрекается от герцогского престола, муж Цецилии теперь тоже не наследник престола – германского трона больше не существует. Но ее дети, по крайней мере, живы… Какое счастье, что хотя бы Александрина – в нейтральной Дании!

Но даже самая страшная война когда-нибудь заканчивается. Теперь Анастасия может вернуться в любимую Францию. Ее могли бы и не пропустить на границе – но, к счастью, в том же поезде оказывается дочь морганатической супруги Александра II княгини Юрьевской, у которой разрешение как раз было. Анастасию едва не ссадили с поезда – но попробуйте проделать это с той, в чьих жилах течет кровь императоров!

Она не станет возвращаться на виллу Венден – столь большой роскошный особняк ей, теперь уже совсем одинокой, ни к чему. Она селится под Каннами, на вилле куда более скромной, но очень уютной.

Анастасия снова ведет светский образ жизни, посещая вечера и балы, в том числе и те, которые устраивают ее русские родственники – те, кому удалось выжить. Она держится прекрасно, вызывая восхищение окружающих – как-никак ведь сейчас, в 1922 году, ей уже шестьдесят один, а она по-прежнему бодра, и кажется, что так будет всегда…

Оказалось, нет. Она ушла из жизни быстро, не успев даже сделаться обузой для окружающих и самой себя. Еще 6 марта она была на званом обеде, спустя несколько дней танцевала на одной из вечеринок, а 11 марта Анастасии не стало. У нее, как и у Михаила Николаевича, случился удар. Через несколько дней ее, как и супруга, сперва отпели в Каннах, а потом перевезли в Людвигслуст, где и похоронили рядом с ним.

Матильда Кшесинская, знаменитая балерина, жена великого князя Андрея Владимировича (сына Марии Павловны), писала об Анастасии Михайловне в последние годы ее жизни: «Она жила в своей вилле „Фантазия“ в Эзе. То была самая очаровательная

женщина, которую я когда-либо встречала, с замечательно добрым сердцем. Она любила жить и умела наслаждаться жизнью, была всегда милой и любезной».

Да, умение наслаждаться жизнью и, заметим, не причинять при этом вреда другим – это, на самом деле, довольно редкое умение. Да, Анастасия Михайловна, русская великая княгиня и великая герцогиня Мекленбург-Шверинская не жертвовала своей жизнью ради окружающих. Она не была самоотверженной, не была смиренной… Но она шла по жизни, наслаждаясь ею, и щедро дарила эту радость окружающим. А разве этого мало?

Глава 4. После России: принцессы-изгнанницы Елена Владимировна, Мария Павловна, Мария и Кира Кирилловны

На протяжении целых двух столетий русские великие княжны являлись завидными невестами для иноземных владык и неизменно поражали своих новых подданных великолепием приданого, роскошью своих драгоценностей и нарядов. Но грянула революция – и в Европе появились русские великие княжны без приданого, без драгоценностей, принцессы-изгнанницы, единственным достоянием которых была благородная кровь их великих предков и безупречное воспитание. Благодаря этому некоторые из них все-таки становились вожделенными невестами для наследников королевских династий Европы.

Великая княжна Елена Владимировна

Есть люди, которые сызмальства хотят многого. И они это получают. Но если приходится потом терять это, они не падают духом. Почему? Не хотят. И не умеют. Княжна Елена была именно такой.

Елена Владимировна Романова родилась в январе 1882 года в Царском Селе в семье великого князя Владимира Александровича, третьего сына Александра II, и его супруги Марии Павловны.

Марию, урожденную Марию-Александрину-Елизавету-Элеонору Мекленбург-Шверинскую, с российским императорским домом связывало множество родственных нитей. Ее прабабушкой была Елена Павловна, дочь Павла I. Мать Марии внезапно скончалась, когда девочке было восемь лет, и второй супругой ее отца, великого герцога Фридриха Франца II, стала принцесса Анна Гессенская, племянница Марии Александровны, супруги Александра II. После и ее скорой смерти при родах герцог женится в третий раз, но воспитывать юную Марию будет в основном ее бабушка по отцу, вдовствующая герцогиня Александрина Мекленбург-Шверинская, младшая сестра кайзера Вильгельма и Александры Федоровны, супруги императора Николая I.

От природы амбициозная, девочка выросла среди рассказов об императорской семье. А ее родное герцогство, пусть и «великое», но всего лишь герцогство… Марии же хотелось большего. А каким же образом в ее случае приобресть славу и почести, если не через замужество?

У третьей супруги ее отца, тоже Марии (Шварцбург-Рудольштадтской) был кузен Георг – молодой человек, не хвативший звезд с неба, но, тем не менее, холостой принц. Вскоре объявили о помолвке между ним и Марией-Александриной – юной принцессе ничего не стоило добиться от Георга предложения. Но вскоре разразился скандал.

Наверное, любая женщина предпочла бы не очень привлекательному внешне, не отличающемуся особым умом и весьма небогатому принцу из очередного немецкого княжества блестящего сына императора. И Мария не явилась исключением.

В 1872 году император Александр II приезжает вместе с сыном Владимиром в Берлин на военные маневры. Присутствовала там и семья Марии.

Привлекательная восемнадцатилетняя принцесса, получившая блестящее образование, не могла не привлечь

внимания великого князя Владимира Александровича. Марию не смущало то, что официально она уже считалась невестой Георга Шварцбург-Рудольштадтского. Ситуация осложнилась еще больше, когда выяснилось, что Мария не желает принимать православие. Однако сватовство уже шло полным ходом и ничто не могло его остановить.

Помолвка с немецким принцем была разорвана, и в апреле 1874 года, когда жених приехал в Шверин, состоялось новое обручение. А в августе в Санкт-Петербурге была отпразднована свадьба, причем понадобилось специальное разрешение императора, чтобы невеста могла сохранить свою веру. Дело совершенно неслыханное по тем временам – с тех пор, как великие князья стали брать в супруги иностранных принцесс, те всегда принимали православие. Кроме этой. Да, Мария, ставшая в России Марией Павловной, всегда умела настоять на своем.

Правда, судьба отплатит ей за разорванную помолвку – спустя годы история повторится с ее дочерью, но уже в зеркальном отображении. На этот раз инициатором разрыва станет жених… Но мы забегаем вперед.

Супруг Марии Павловны, великий князь Владимир Александрович, был третьим сыном императора, однако же после смерти самого старшего брата, оказался в непосредственной близости к трону, сразу вслед за наследником престола, будущим императором Александром III. Соответственно, положение его при дворе было достаточно высоким. Когда деверь взошел на престол, Мария Павловна стала третьей (после вдовствующей императрицы и императрицы нынешней) гранд-дамой российского императорского двора. Позднее, когда на престол взойдет племянник супруга Николай II, у нее будет свой собственный двор, который затмит императорский.

Князь Феликс Юсупов писал в своих мемуарах: «Великий князь Владимир с женой всегда проводили лето в Царском Селе. Великая княгиня точно сошла с картины ренессансного мастера. Она была урожденной герцогиней Мекленбург-Шверинской и по рангу шла сразу за императрицами. Ловкая и умная, она прекрасно соответствовала своему положению. Со мной она охотно болтала и любопытно-весело слушала рассказы о моих похожденьях».

А вот воспоминания племянницы ее мужа, тоже Марии (Мисси), будущей королевы Румынии, дочери Марии Александровны Романовой, герцогини Саксен-Кобург-Готской: «Тетя Михен, необыкновенно очаровательная и умная дама, была также весьма амбициозна, благодаря удачному стечению обстоятельств она (не без внутреннего удовлетворения) стала

столпом общественной жизни Петербурга. Нужно признать, что она была очень гостеприимной хозяйкой и прекрасно разбиралась в том, как кого принимать. Всю жизнь ее обожали и баловали. Она могла тратить столько средств, сколько ей было угодно. Любая роскошь, любые удобства, любая честь, любое преимущество – все было к ее услугам. Она была одной из самых роскошно одевающихся дам своего времени. Все ее туалеты были необыкновенно элегантны, и она всегда точно знала, что и куда надеть, никогда не совершая при этом ошибок. Она так и излучала процветание, не знающее границ, она была безусловным центром своего мира, всегда требовала к себе внимания. Будучи избалованным ребенком, она ожидала от всех, кто приближался к ней, что ее будут баловать и дальше. Так обычно и происходило – и все же выглядело это так, как будто она сама оказывает расположение. Великое искусство! В ее доме так приятно было остановиться с коротким визитом, поскольку гостеприимство ее было безграничным, и в салоне всегда собирались самые важные и интересные люди. Там она царила… она была не так умна, как полагали, но у нее был стиль – а это ценилось превыше всего».

Эффектная, статная, властная, обожавшая роскошь – Мария Павловна была истинной «великой княгиней». И она обрела, наконец, достойное место в жизни. А вместе с ним – и достойного себя супруга. Как ни странно, учитывая сильные характеры обоих, брак оказался удачным. Вероятно, дело было во взаимном уважении.

Год за годом в семье появлялись сыновья – сперва Александр, которого назвали в честь деда. Увы, первенец, которому родители так радовались, умер, когда ему было всего два года. Затем – Кирилл, Борис и Андрей. И только в 1882 году, наконец, родилась дочь Елена.

* * *

Последний ребенок, единственная дочь – удивительно ли, что свою девочку родители обожали, особенно отец? Но ребенка так легко разбаловать… Унаследовавшая независимость и властность от обоих родителей, Елена еще ребенком начала демонстрировать сильные стороны своего характера.

Когда ей было всего четыре года, то специально пригласили художника, чтобы он написал ее портрет. Во время позирования няня Елены чем-то ей не угодила и девочка схватила нож для разрезания бумаги. Испуганная няня спряталась за спиной художника, а он впоследствии вспоминал: «Тогда маленькая леди

обратила внимание на меня, ее черные глаза сверкали гневом». Да, гнев в этих потрясающе красивых, огромных черных глазах вспыхивал часто, а вот их любовь нужно было заслужить…

Мария Павловна полагала, что ее дочь достойна всего самого лучшего. Принимая во внимание красоту Елены и ее высокое положение, можно было рассчитывать на хорошую партию. Но великая княгиня всегда искала «добра от добра», и жаждала не просто хорошего, но лучшего. Это она старалась привить и дочери. Что ж, в какой-то мере она преуспела… Правда, в результате девочка выросла, пожалуй, слишком уж надменной и гордой. Но учитывая амбиции матери, вряд ли могло получиться по-другому.

Девочка росла, превращаясь не просто в привлекательную девушку – таких среди романовских великих княжон было немало – а в настоящую красавицу.

Один из юнкеров Павловского военного училища, Александр Ветлиц, вспоминал: «Появилась на площадке и красавица Елена Владимировна, которой мы взяли на караул с особым удовольствием. Она, конечно, знала силу своей красоты и, поняв, очевидно, наше настроение, очаровательно нам улыбнулась».

Елена Владимировна, принцесса Греческая

Правильный овал лица, густые темные волосы, огромные сияющие черные глаза – Елена прекрасна и на фотографиях, и на портретах, и в жизни…

Годы идут, пора задуматься и о браке. Мария Павловна подходит к вопросу со всем возможным тщанием, и выбор ее наконец падает на принца Макса Баденского.

Принц был сыном Вильгельма Баденского и княжны Марии Лейхтенбергской (внучки императора Николая I, дочери Марии Николаевны Романовой) и, таким образом, приходился княжне Елене троюродным братом. Он не только состоял в родстве с императорским домом, но и мог стать правящим герцогом – нынешнему герцогу Баденскому было за семьдесят, у его наследника, несмотря на зрелые годы, все еще не было детей, так что племянник герцога Максимилиан имел неплохие шансы унаследовать герцогство.

Итак, в октябре 1898 года была объявлена помолвка. Невесте

всего шестнадцать, самому Максимилиану – тридцать один. Но пятнадцать лет – это не столь уж большая разница в возрасте, наоборот, подходящая. Юная невеста и жених в расцвете сил.

Свадьба должна была состояться в 1899 году, и брат невесты, великий князь Кирилл, который тогда как раз находился в Соединенных Штатах, уже собирался домой, чтобы присутствовать на свадьбе сестры. Как писали газеты, «Елена и Макс отпразднуют свадьбу в Санкт-Петербурге, а затем и в Бадене». Уже начинается подготовка к свадебным торжествам, уже сделаны фотографии блестящей пары, как вдруг…

9 июня 1899 года, как гром среди ясного неба, становится известно, что Максимилиан разрывает помолвку. Как?! Почему?! Если принц Баденский и счел нужным дать какие-либо объяснения своей бывшей невесте и ее семье, то для истории они не сохранились.

Конечно же, это не могло не породить домыслов и догадок. Не сошлись характерами? Ведь недаром императрица Мария Федоровна, тетка великой княжны, писала, что «у Елены очень бесцеремонный и высокомерный тон, который отталкивает людей», и обвиняла ее в излишнем тщеславии. Или же дело в деньгах? Или родители подыскали ей лучшую партию – великого князя Михаила Александровича, например? (Последнее представляется совсем уж невероятным, поскольку православная церковь не дала бы разрешения на брак между двоюродными братом и сестрой.) Она ему изменяла? Особо злоязычные сплетники шептались, что княжна забылась и сблизилась с женихом больше, чем позволяли приличия, а когда у нее случился выкидыш, он решил оставить ее.

Что ж, Марию Павловну при дворе многие недолюбливали, и теперь, видя, как ее планы разрушились, не могли не радоваться из-за ее унижения. В любом случае для многих подобное событие – все равно лакомая сплетня. Вот только ни в чем не повинной Елене тоже пришлось пострадать. Мало того, что ее бросил жених, так и доброе имя подверглось сомнению. Приходится поднимать голову еще выше обычного.

На самом деле неизвестно, больше потеряла Елена или приобрела в результате этого разрыва. Как написала вскоре после объявления о расторжении помолвки маркиза де Фонтенуа, «русскую Великую княжну Елену можно поздравить с тем, что она спаслась от принца Макса Баденского». Маркиза утверждала, что в семье принца Макса по наследству передавалось душевное нездоровье и, в любом случае, Елене повезло – бывший жених представлял собой «не лучшее, но худшее из того, что есть в немецких офицерах кавалерии». Да и выглядел он старше своих

лет – может, оттого, что много пил?

Надо сказать, что до помолвки с Еленой Владимировной Макс Баденский сватался к принцессе Сибилле Гессенской, затем к Полине Вюртембергской, но обе ему отказали. После разрыва с русской невестой поговаривали о его возможном браке с одной из австрийских эрцгерцогинь, но, в конце концов, эта чехарда с невестами завершилась, и он женился на принцессе Камберлендской.

Что ж, чем скорее позабудут о неудачной помолвке, тем лучше, и Мария Павловна начинает срочно подыскивать для дочери нового жениха. Им окажется принц Альберт, наследник своего дяди Леопольда II Бельгийского.

Как вспоминал великий князь Константин Константинович, Мария Павловна даже написала племяннику супруга, императору Николаю II, с просьбой пригласить короля Бельгии погостить в Петергофе, а Елена с этой же просьбой обратилась к императрице Александре Федоровне. Но… Как раз в это время Альберт Бельгийский объявил о своей помолвке с герцогиней Елизаветой Баварской. И Мария Павловна тут же послала телеграмму императору – мол, теперь приглашать короля, потенциального свекра, незачем.

Иногда эта почтенная дама очень напоминает мачеху из старого фильма «Золушка»: и «королевство маловато, разгуляться мне негде», и попытки выдать дочь замуж за принца… Вот только Елена и сама была принцессой. И не сказочной, а настоящей, решившей найти свое счастье самостоятельно, без материнской помощи.

В 1900 году Елена получает предложение руки и сердца, и на этот раз Мария Павловна и ее желание устроить судьбу дочери ни при чем, скорее наоборот. Молодой претендент – принц Николай Греческий, сын короля Георга и Ольги Константиновны, великой княжны, ставшей после замужества королевой эллинов. Таким образом, он, как и принц Макс Баденский, приходился Елене Владимировне троюродным братом.

* * *

Николай родился в Афинах в 1872 году (то есть он на десять лет старше Елены). В Греции он был очень популярен благодаря живому, доброжелательному характеру и великолепному чувству юмора. Николай часто гостил то в Дании и Англии – у родственников отца, то в России – у родственников матери, и его везде принимали с радостью совершенно искренней, не

обусловленной этикетом.

Великая княжна нравилась Ники, как его называли в семье, уже давно – молодые люди были знакомы, что называется, с детства. И вот теперь принц, наконец, решается сделать предложение. И… получает отказ. Нет, не от Елены – от ее матери.

Мария Павловна отказывается принимать во внимание взаимную симпатию молодых людей. Главное то, что принц Николай – всего лишь третий сын короля небольшой страны, у него нет шансов унаследовать престол, и он не обладает большим состоянием. Ее дочь достойна лучшей партии. Все это она, как писал в своем дневнике великий князь Константин Константинович, и изложила отцу незадачливого жениха.

Мария Павловна запрещает дочери даже думать об этом браке и начинает новые поиски. Но… тщетно. Вопреки ее ожиданиям, холостяки из европейских королевских домов вовсе не выстраиваются в очередь, дабы просить руки ее дочери. Складывается впечатление, что настойчивая дама попросту распугала всю рыбу в попытке выловить наиболее крупную.

Проходит два года. Все это время Ники и Елена не теряли связи. И в 1902 году он снова делает ей предложение. На этот раз возражений от Марии Павловны не последовало – дочери уже двадцать, и понятно, что лучшего жениха ей не найти, по крайней мере в ближайшее время. А время это так быстро уходит…

Так что в июне вся обширная императорская семья узнает радостную новость – Елена и Ники обручились.

Уже в конце августа, всего через несколько месяцев, в Петергофе отпраздновали свадьбу. Замуж выходила кузина императора!

Сохранилась свадебная фотография – высокий худощавый принц в военном мундире и замершая в сияющем великолепии своего свадебного наряда красавица Елена. Принц Христофор, брат Николая, так опишет новобрачную в своих мемуарах: «На невесте был старинный русский придворный наряд из серебряной парчи, на плечи была накинута мантия из алого бархата длиной в двадцать ярдов, с широкой каймой из горностая и с горностаевой же пелериной. Весил этот наряд так много, что она почти не могла передвигаться, и когда опустилась на колени у алтаря, то оказалась буквально прикованной к месту, так что подняться смогла только с помощью шаферов. На ней был великолепный убор из бриллиантов, который Екатерина Великая завещала всем невестам императорской семьи – роскошное колье, сияющим каскадом ниспадавшее по плечам, огромные серьги-подвески, браслет из трех рядов бриллиантов, пряжка, скреплявшая

мантию, и венец невесты».

Медовый месяц молодожены провели в Ропше, затем отправились в Данию и вернулись в Россию. Путь их теперь лежал на юг, в Крым, где они еще некоторое время погостили во дворце императорской четы в Ливадии.

Елена Владимировна сияла. Князь Феликс Юсупов вспоминал: «Долгое время я был влюблен в ее [Марии Павловны] дочь, великую княжну Елену Владимировну, вышедшую за греческого наследного принца Николая. Красота ее меня околдовывала. Прекрасней глаз я не знал. Покоряли они всех».

Покорят они и греков. В Крыму молодожены сели на яхту, специально присланную за ними, и отправились на родину супруга. Позже принц Николай писал: «Когда мы вошли в Гавань [Пирей], то оказалось, что нас встречает, празднично нарядившись, весь город. Отец и вся семья, при полном параде, вышли нам навстречу. Все были тронуты, увидев, что принцесса для первой встречи со своей новой страной оделась в синее и белое». Цвета греческого флага… Точно так же поступила когда-то и Ольга, королева эллинов – двоюродная тетка, а отныне свекровь Елены Владимировны.

Началась спокойная, почти безоблачная жизнь. Денег, которые Елена ежегодно получала из России, вполне хватало для того, чтобы вести достойный подобной семьи образ жизни, пусть и не чересчур роскошный. А свадебным подарком от российского императора станет дворец в Афинах – даже более благоустроенный, чем королевский.

«С той минуты, когда мы прибыли в Грецию, – писал позднее принц Николай, – она [Елена] живо интересовалась своей новой страной, и делала все, что могла, заботясь о ее благе и занимаясь благотворительностью».

* * *

Вскоре в оставленной Еленой семье (в 1905 году) разразился скандал. Родной брат Елены великий князь Кирилл, после нескольких лет любви, не одобряемой семейством, все-таки женился на своей двоюродной сестре Виктории Мелите, дочери Марии Александровны Романовой, в замужестве герцогини Саксен-Кобург-Готской. Семьи Марии Александровны и Владимира Александровича, брата и сестры, были очень дружны и регулярно навещали друг друга, так что их дети, Виктория Мелита и Кирилл, были знакомы давно. Однако о каком браке могла идти речь, если они состояли в столь близком родстве?

Принц Николай Греческий навещал Викторию Мелиту во время ее замужества за наследником герцогства Гессен-Дармштадтского в 1890-е годы и, по его словам, нигде так не веселился, как в том доме. Но, тем не менее, брак оказался неудачным, и после развода Виктории влюбленные все-таки вступают в брак. Николай II и его супруга в ярости, но далеко не вся императорская семья ее разделяет. Елена Владимировна не может не сочувствовать брату, супруг ее поддерживает.

Но вернемся к Елене Владимировне. В 1903 году рождается первенец Елены и Николая, девочка, которую назовут в честь бабушки по отцу Ольгой. Не пройдет и года, как родится еще одна девочка, Елизавета, а спустя еще два с половиной – третья, Марина. Больше у супругов детей не будет: Елена Владимировна настолько тяжело перенесла последние роды, что врачи даже опасались за ее жизнь, и она долгое время не появлялась на публике.

Конечно, как всякий отец, Николай мечтал о сыне, но… здоровье жены было для него гораздо дороже. К тому же у него ведь не было государства, которое необходимо было наследовать, не было даже особого состояния. А девочки стали истинной отрадой родителей.

Иногда красоту нужно искать, внимательно всматриваясь в старые портреты и фотографии и невольно удивляясь время от времени: «Почему такая-то считалась красавицей?» Но эти три принцессы недаром слыли самыми красивыми в семье – необыкновенно похожи и необыкновенно хороши собой. Позже, когда они вырастут, самой красивой будут считать среднюю, Елизавету.

А пока они еще дети, которых, казалось, ожидает детство не менее спокойное и счастливое, чем у их родителей. Но…

В 1909 году скончается отец Елены, великий князь Владимир Александрович. В 1910-м – английский король Эдуард VII (двоюродный брат принца Николая). В 1913 году от руки террориста погибнет король Георг I, отец Николая.

Это – беды на «личном фронте», а ведь был еще фронт настоящий, военный. Балканские войны… Военная карьера – самая что ни на есть естественная для принца практически любой царствующей семьи, и Николай не был исключением. Так что с началом военных действий он отправляется воевать в чине генерал-лейтенанта греческой армии, которой командовал его старший брат Константин – после смерти короля Георга он унаследует трон.

Война была относительно успешной для греков, но от того не переставала быть менее страшной и грязной. Принц Николай

делит со своими солдатами, как это принято говорить, «все тяготы военной жизни».

Чтобы война затронула дочерей как можно меньше, он отправляет девочек к их бабушке Марии Павловне, сама же Елена Владимировна останется в Греции – покинуть мужа для нее немыслимо. Правда, позднее они навестят Россию, где их и застанет весть о начале Первой мировой войны.

Принц Николай писал: «Император, сопровождаемый двумя императрицами, вышел на балкон, выходивший на большую площадь перед Зимним дворцом, всю переполненную народом. Когда люди увидели императора, все они, и мужчины, и женщины, и дети, опустились на колени и начали петь берущий за душу национальный гимн».

Как покажет время, все мольбы окажутся напрасными. Старый мир будет разрушен до основания, и что такое одна семья в уголке огромного исторического полотна? Семья Елены и Ники не лучше и не хуже прочих, они, наравне с другими, получат все, что им причитается. Лето 1914 года принц будет потом вспоминать, как одно из самых ярких и прекрасных. Как будто судьба преподносила прекрасный подарок – как окажется, на прощание. Или же это просто так казалось, по контрасту с теми годами, которые последовали дальше? Как бы там ни было, судьба перестала делать подарки…

* * *

В 1917 году король Константин вынужден оставить трон и отправиться в изгнание вместе со всей своей семьей. Престол занимает Александр, его второй сын. Он прекрасно относился к дяде Николаю, но ничего не поделаешь – греческий парламент настаивает, чтобы и они тоже покинули страну. Так что Николай и Елена вместе с дочерьми прощаются с Афинами и едут сперва в Италию, а затем к бывшему королю Константину в Швейцарию.

Ситуация меняется разительно, особенно для Елены Владимировны. Если греческая королевская семья жила относительно скромно по меркам европейских монархов, то Елена сызмальства привыкла к роскоши (ее мать, Мария Павловна, роскошь обожала, а отец, Владимир Александрович, потакал всем ее капризам, благо мог позволить себе практически все). Не знавшая, что такое финансовые проблемы, и после замужества, теперь Елена – мать семьи, в которой едва хватает денег. Выплаты из России прекратились, и они отныне предоставлены самим себе. Их нарядный дворец в Афинах, летние

виллы – все это в прошлом. У Елены все основания впасть в отчаяние, но что такое материальные проблемы по сравнению со всем остальным, что происходит вокруг? И кроме того, она привыкла считать себя сильной. Они справятся.

И справились.

Принц Николай, всю жизнь любивший искусство, был неплохим художником-любителем. Что ж, любитель делает что-нибудь ради удовольствия, профессионал еще и зарабатывает этим деньги. Настала пора стать профессионалом. Николай обзаводится преподавателем, чтобы отточить технику. Конечно же, и оплата занятий, и аренда мастерской сокращают семейный бюджет, и так достаточно скудный, но, тем не менее, Николая поддерживают и дети, и в особенности Елена Владимировна.

Надежды семьи оправдались. Вскоре картины «принца Николая», как он их подписывал, начинают продаваться, что не так уж и удивительно – принц не был бесталанным. И, в сущности, семья теперь живет на эти деньги.

А Елена становится настоящей домохозяйкой, которая сама следит за порядком в их нескольких небольших комнатах в пансионе, куда в свое время удалось перевезти кое-какие мелочи, не столько «остатки былой роскоши», сколько память о прежней жизни. Этот скромный быт понемногу налаживается – привыкаешь ко всему.

Но… В России начинается революция. Очередной крах мира вокруг и своего маленького, личного мира. Там оставалась мать Елены, ее братья… Великая княгиня Мария Павловна сразу после революции вместе с сыновьями Борисом и Андреем уехала в Кисловодск, а оттуда, на итальянском корабле, смогла добраться сперва до Швейцарии, а потом и до Франции. Но подобное путешествие не смогло не сказаться на здоровье пожилой дамы, которая и без того была больна – когда Мария Павловна встретилась с Еленой, та пришла в ужас, настолько мать выглядела осунувшейся и больной. Из России Мария Павловна уехала в феврале 1920 года, а уже в августе скончалась на своей французской вилле. Ей было всего шестьдесят семь. Не так уж много, особенно если вспомнить о том, что ее «морганатическая невестка» Матильда Павловна Кшесинская, которая вместе с великой княгиней и великим князем Андреем Владимировичем бежала из России, доживет почти до ста лет.

Да, все братья Елены Владимировны вступят в браки, которые будут нарушать некие правила – то родство окажется слишком близким (в случае Кирилла Владимировича и кузины Виктории Мелиты), то у невест – слишком низкий статус (Андрей Владимирович и балерина Кшесинская, Борис Владимирович и

Зинаида Сергеевна, дочь генерала Рашевского, героя Порт-Артура).

Теперь, после смерти Марии Павловны, ее дети будут делить наследство. А делить, как ни странно, было что. Несмотря на хаос в стране – вернее, наоборот, именно благодаря ему – из России удалось вывезти знаменитые драгоценности великой княгини, в частности, четыре полных гарнитура (браслеты, колье, серьги, кольца и пр.) – бриллиантовый, изумрудный, рубиновый и жемчужный. Была там и потрясающей красоты жемчужная тиара, позже получившая имя «Владимирской».

Мария Павловна всегда любила драгоценности и, даже овдовев, не переставала их коллекционировать. Теперь украшения с рубинами должен был получить Андрей, жемчуг – Борис, изумруды – Кирилл, а Елена Владимировна – бриллианты и жемчужную тиару.

Правда, к тому времени цена на изумруды значительно выросла, а на жемчуг – наоборот, упала, поэтому комплекты продали, а полученные деньги распределили между наследниками. Елена оставила себе тиару и еще несколько драгоценностей. А на вырученные от продажи бриллиантовых украшений деньги теперь можно было жить.

К тому же изменилась и политическая ситуация. После нелепой и горькой смерти своего сына короля Александра от укуса ручной обезьянки, Константин, брат принца Николая, возвращается на греческий престол. Вместе с ним, конечно же, едут и Николай с Еленой. После унизительного отречения вновь вернуться в Афины, да еще с триумфом – семья изгнанников ликует! Увы, тем более горьким окажется повторное свержение…

Новость об отречении короля Константина – дело было летом 1922 года – застанет Елену Владимировну в Париже, куда она отправилась вместе со свекровью, вдовствующей королевой эллинов Ольгой, поправить здоровье. Обе дамы хотели проконсультироваться с французскими докторами. В результате все обернулось едва ли не к худшему – от переживаний Елена Владимировна слегла, и вскоре выяснилось, что у нее дифтерия. В гостинице, где она остановилась, решили, что держать у себя больную даму опасно – может начаться эпидемия, и просто-напросто выставили ее. К счастью, удалось устроить Елену Владимировну в больницу, где она и провела некоторое время, пока не пришла в себя достаточно, чтобы вернуться к супругу.

* * *

Начинается второе изгнание. Теперь их семья переезжает в Англию, где поселяется у вдовствующей королевы Александры, родной тетки Николая, которая всегда очень тепло к нему относилась (во время болезни матери в Париже принцессы Ольга и Елизавета жили вместе с ней, а принцесса Марина как раз гостила у королевы Александры). Но в 1925 году Александра умирает – еще одна потеря в семье.

Но в остальном все не так плохо. У Елены Владимировны еще остались кое-какие украшения – и свои собственные, и унаследованные от матери, так что теперь семья не столь стеснена в средствах, как тогда, в Швейцарии. Правда, теперь подрастают дочери и настает пора позаботиться об их будущем. В приданое им не достанется фактически ничего – те времена, когда княжны и принцессы с кровью Романовых в жилах выходили замуж, осыпанные драгоценностями, минули безвозвратно. Но красота и происхождение при них – это отнять невозможно.

Принцесса Ольга, самая старшая из дочерей Елены Владимировны, едва не стала королевой Дании. В 1922 году она познакомилась в Каннах с наследником датского престола принцем Фредериком. Но… По иронии судьбы, ситуация с объявлением помолвки, публикациями в прессе, даже открытками с фотографиями жениха и невесты и следующим за всем этим разрывом повторилась и в третьем поколении. Бабушка Мария Павловна – и принц Георг Шварцбург-Рудольштадтский. Мать Елена Владимировна – и принц Максимилиан Баденский. И вот теперь дочь Ольга – и принц Фредерик.

Позднее Фредерик женится на принцессе Ингрид Шведской – в этом браке родится нынешняя королева Дании Маргрете II. Но, наверное, можно считать, что Ольге повезло. Ее ожидал совсем другой брак – пусть и не такой престижный – и другая судьба.

Избранником принцессы Ольги, с которым она прожила полвека, стал принц Павел из династии Карагеоргиевичей, двоюродный брат короля Югославии Александра I. Павел был студентом Оксфорда, так что в Англии они с Ольгой и познакомились. Осенью 1923-го в Белграде отпраздновали свадьбу – шафером жениха был герцог Йоркский, будущий король Англии Георг VI.

Судьба этой пары сложится нелегко – в 1934 году, после гибели своего кузена короля Александра, Павел станет регентом Югославии при сыне Александра Петре, будущем Петре II. В 1940 году, когда он решит присоединиться к Берлинскому пакту, племянник возглавит переворот, и, хотя оба вынужденно покинут Югославию, захваченную Германией, Павел сделается не просто

изгнанником, а арестантом – и он, и его семья будут находиться под домашним арестом в Кении. Больше в Югославию они не вернутся. Но им суждено будет прожить очень долгие жизни – принц Павел скончается в Париже в возрасте восьмидесяти трех лет, а принцесса Ольга, пережив мужа на двадцать один год, скончается в 1997-м – ей будет девяносто четыре года.

Но до этого еще далеко. Вернемся же в 1923 год, когда Елена и Николай выдают замуж свою старшую дочь. Николай доволен этим браком – принц Павел необыкновенно обаятелен и обходителен, к тому же он, как и принц Николай, увлекается искусством. А вот Елена Владимировна не в восторге, полагая Павла не ровней своей семье (среди его не столь уж далеких предков – знаменитая красавица Аврора Демидова, приходившаяся бабкой матери Павла). Но он богат, и муж от него в восторге… Елена Владимировна смирилась.

Как ни странно, но следующую свадьбу в семье отпразднуют только десять лет спустя, когда замуж выйдет принцесса Елизавета.

В 1933 году ей было уже двадцать девять лет. Все три сестры были красавицами, но Елизавета, пожалуй, считалась самой красивой из всех. Ее детским прозвищем было Вулли, от английского слова «wool» (шерсть, руно), настолько густыми и непокорными были ее темно-каштановые волосы. От отца она унаследовала любовь к искусству и стала неплохой художницей, но едва ли не больше, чем искусство, отчего над ней подсмеивались в семье, Елизавета любила лошадей.

Она давно могла бы выйти замуж просто потому, что «надо», но так ей не хотелось. И вот теперь избранником ее сердца стал граф Карл Теодор Терринг-Йеттенбах. Граф и принцесса. Мезальянс? О, нет. Члены этой семьи могли вступать в брак с особами королевской крови, и брак при этом не считался неравным – настолько высокое положение в иерархии аристократов Европы занимали Терринг-Йеттенбахи.

Мать Карла Теодора – или Тото, как называли его в семье – была принцессой Баварской, племянницей знаменитой блистательной императрицы Елизаветы Австрийской. Впрочем, сложнее сказать, с каким королевским домом Европы они не были в родстве. По иронии судьбы, теткой Тото, сестрой его матери, была ныне вдовствующая королева Бельгии Елизавета. Та самая баварская принцесса, которую Альберт Бельгийский в свое время предпочел Елене Владимировне.

Елизавета и Тото отпраздновали свадьбу в одном из фамильных поместий жениха. Родилось двое детей (девочку назвали Хелен, в честь Елены Владимировны). И граф, и графиня

Терринг-Йеттенбах, внуки Елены Владимировны, живы до сих пор.

Через год после того, как вышла замуж Елизавета, настанет черед и самой младшей дочери в семье, принцессы Марины. Пожалуй, этот брак стал самым блестящим в семье и принес именно этой дочери Елены Владимировны и принца Николая наибольшую известность.

В 1934 году она встретится с принцем Джорджем Уэльским, одним из сыновей Георга V. Марина и Джордж приходились друг другу не такими уж дальними родственниками – дед Марины, король эллинов Георг, и бабушка Джорджа Уэльского, Александра, были родными братом и сестрой.

Безусловно, Джордж был блестящим женихом – английский принц, помимо прочего, был необыкновенно привлекательным молодым человеком. Но… в этом-то и заключалась проблема. Джордж не шел по жизни, а летел, оставляя за собой длинный «шлейф кометы». Любовники и любовницы, актеры, певицы, звезды и никому неизвестные личности, принцы и принцессы, внебрачные дети, наркотики и сумасшедшие поступки – полный «джентльменский набор». Впечатляющий набор.

Но именно Марина оказалась тем человеком, рядом с которым, как признавался принц, он «хотел бы провести всю жизнь».

В ноябре 1934-го в Вестминстерском аббатстве состоялось венчание. Незадолго до этого принц Джордж получил титул герцога Кентского, так что, выйдя замуж, принцесса Марина стала герцогиней Кентской.

Спустя всего тринадцать лет в английскую королевскую семью войдет еще один представитель греческой королевской семьи – двоюродный брат принцессы Марины (сын принца Андрея, деверя Елены Владимировны) Филипп, ставший герцогом Эдинбургским, супругом королевы Елизаветы II.

У Марины и Джорджа родилось трое детей. Увы, не прошло и двух месяцев после рождения младшего сына принца Майкла Кентского, как Джордж погиб. 1942 год, Вторая мировая война, военный летчик… От того, чтобы получить «похоронку» с фронта, не застрахованы даже принцессы.

Но от истории жизни дочерей вернемся снова к их матери, русской принцессе Романовой.

С 1923 и до середины 1930-х годов Елена Владимировна и принц Николай живут по-прежнему вне Греции. Лондон они сменили на Париж. Казалось бы, два блестящих города, две блистающих столицы, но… Изгнанники остаются изгнанниками. Да и собственного дома у них нет – живут по обычаю того

времени в отеле.

Елена Владимировна много занимается благотворительностью, в частности работает в приюте для русских детей. Принц и принцесса живут скромно, так что из собственных средств Елена Владимировна выделяет столько, сколько может – а хочется больше. И она активно работает над сбором денег для приюта. Сложная работа, которая вовсе не заключается в том, чтобы блистать на благотворительных балах. Но она приносит радость…

И все-таки период изгнания заканчивается. В конце 1935 года король эллинов Георг II, племянник принца Николая, возвращается на греческий престол. Теперь путь на родину открыт для всей семьи, и Николай с Еленой Владимировной возвращаются в Афины.

Хотелось, очень бы хотелось написать, что «отныне они жили долго и счастливо», но… В 1938 году принц Николай умирает от сердечного приступа. Ему было не так уж и много – шестьдесят шесть лет. Тридцать шесть лет в счастливом браке – это много или мало? По крайней мере, супруг Елены Владимировны ушел из жизни на родине – то, в чем будет отказано ей самой…

Ей всего пятьдесят шесть – уже начинающая стареть, но все еще красивая женщина. Она по-прежнему занимается благотворительностью, часто появляется при дворе, много общается с семьей. Потянулись долгие годы вдовства.

Елена Владимировна теперь уже не просто мать – с дочерьми она по-прежнему очень близка – но и бабушка. И еще живы те, кто может рассказать, какой же она была.

Ее внук принц Александр Югославский, сын принцессы Ольги, вспоминал: «Бабушка Елена была очень милой и доброй, очень порядочной, русской до мозга костей. Она помогала всем этим несчастным русским изгнанникам, хотя и у самой было немного». «Мы, навещая ее, собирались все вместе, и кто только ни приходил повидать ее – военные, сиделки, сотрудники Красного Креста – она всегда любила заниматься благотворительностью. Я помню, как однажды спросил у нее про адмирала, который должен был прийти к обеду – почему она его пригласила? Ведь он такой ужасный тип, такой сноб! Она рассмеялась и ответила: „Знаешь, мне нравятся снобы – это единственные люди, которые воспринимают меня всерьез“. Никогда этого не забуду».

А однажды тринадцатилетний Александр пригласил бабушку покататься на машине: «Дедушка был еще жив. Я научился водить очень рано. Это была „шкода“ с открытым верхом. Бабушка очень боялась и сомневалась, но мне хотелось произвести на нее

впечатление, и она в конце концов согласилась. Мы подъехали к лесистому холму. Дорога была мокрой, колеса стали проворачиваться, и, вместо того, чтобы подниматься, мы начали сползать назад. Вверх, вниз… Когда мы очутились внизу, я понял, что все это ей не понравилось. Она сказала, что больше ни за что со мной не поедет. А я подумал: „Очень жаль!“»

«Она была потрясающей женщиной, и была очень счастлива со своим мужем и дочерьми. Она отдавала всю себя тем, кто в ней нуждался. Уверен, что она не была идеальной – а кто из нас идеален? – но бабушка Елена принадлежала к старой школе, и с легкостью отдавала тем, кто просил о помощи, все – даже больше, чем могла. И это, думаю, очень многое о ней говорит».

Но и эта относительно спокойная пора подошла к концу. Началась Вторая мировая война. Весной 1941 года греческая королевская семья вновь покидает страну – немецкие войска уже слишком близко. Елена Владимировна снова могла бы стать изгнанницей… Но она отказывается уезжать. Король с семьей должны уехать, чтобы не стать заложниками, а она останется здесь и будет работать в госпитале.

Отговорить ее не смогли, и всю войну Елена Владимировна проведет в Афинах, не просто работая в системе Красного Креста, но и помогая местному движению Сопротивления. Жила она тогда у своей невестки, супруги принца Андрея, брата принца Николая, Алисы Баттенбергской (в 1947-м та станет свекровью Елизаветы II).

Отношения между дамами были неплохими, хотя и далеко не идеальными. Елена Владимировна, несмотря ни на что, никогда не забывала, что сама она – внучка, племянница и двоюродная сестра российских императоров, а отец Алисы, хотя и принц, являлся плодом морганатического брака.

Не прекращала Елена Владимировна свою работу в области благотворительности и после войны. В 1956 году в Афинах открылся «Русский дом» – приют для русских эмигрантов. И первый камень в его фундамент заложила именно Елена Владимировна, греческая принцесса и русская великая княжна, по чьей инициативе и началось строительство.

Вот только здоровье ее сдавало все больше. Впрочем, неудивительно. Череда личных потерь, несмотря на окончание войны, все продолжалась. Один за другим ушли братья: Кирилл (еще в 1938-м – в том году, когда Елена Владимировна овдовела), Борис (1943), Андрей (1956). В 1942 году погиб зять герцог Кентский, а в 1955-м умерла и дочь принцесса Елизавета – от опухоли мозга. В 1954 году в автокатастрофе погибает внук принц Николай Югославский, сын дочери Ольги. Она теряла всех

– одного за другим. Но держалась.

Вторая супруга внука Александра принцесса Барбара Лихтенштейнская будет вспоминать: «Представьте себе – родиться в блеске Санкт-Петербурга – и все это, все великолепие, роскошь, все люди ушли в прошлое. Трагедия, убийства членов семьи, изгнание – этого достаточно, чтобы сломаться. Но бабушка Елена была не из таких. Она всегда храбрилась, и могу только представить, чего ей это стоило».

Вот как напишут о ней после смерти: «До конца дней она сохраняла почти легендарную красоту – которая так отличала ее, когда она была девочкой и которую она так щедро передала своим дочерям. В ее жизни было множество трагедий, но омрачить эту жизнь они так и не смогли. Она мужественно встречала все потери в семье, которые ранили ее так глубоко».

Елена Владимировна ушла, когда ей было семьдесят пять, в 1957 году. Не такая уж и короткая жизнь, зато полная потерь. Но ведь было и счастье… И счастьем, наверное, было умереть пусть и не в той стране, где родилась когда-то, но хотя бы в той, которая стала второй родиной, на руках у дочерей, Ольги и Марины, с которыми была так близка. И похоронили Елену Владимировну на вилле Татой, где девятнадцать лет дожидался ее Николай – прекрасный принц, за счастье жить с которым она так боролась в юности.

А потери… Без них не обойтись. Но встречать их можно по-разному. И лучше – как Елена Владимировна. Не опуская головы. Иначе зачем?

Великая княжна Мария Павловна

Мария Павловна Романова родилась на заре того времени, которое принято называть «Прекрасной эпохой». Эта эпоха и положение в обществе – внучка императора, кузина императора – должны были подарить ей счастливое детство и юность, а затем, быть может, и не обязательно счастливую, но спокойную жизнь. Увы, семейные обстоятельства оказались, что называется, сложными, а затем Первая мировая война и революция окончательно разломали устои, в которых жили женщины рода Романовых. Мария Павловна оказалась вынуждена, как и многие ее родственницы, жить не той жизнью, к которой ее готовили… Она признавалась: «К тому времени, когда я оказалась выброшенной в океан жизни, я гораздо больше годилась для жизни в монастыре, нежели для борьбы, и обладала комплексом неполноценности, с которым временами мне приходилось по-настоящему сражаться». Но, надо сказать, ей это удалось, и сделала она это достойно.

Родителями Марии были Павел Александрович Романов, шестой сын Александра II, и принцесса Греческая и Датская Александра. Несмотря на то, что формально Александра была «заграничной принцессой», на самом деле семья мужа была и ее семьей. Мать Александры Ольга, королева эллинов, была в свое время русской великой княжной Ольгой Константиновной Романовой, так что если Павел Александрович приходился Николаю I внуком, то Александра Георгиевна – правнучкой.

Часто навещая свою кузину Ольгу Константиновну в солнечной Греции, Павел Александрович проводил много времени с ее семьей и не устоял перед дочерью Ольги прелестной Аликс. Своей будущей жене Павел приходился двоюродным дядей, а не двоюродным братом, поэтому брак между ними был вполне допустим. Они поженились летом 1889 года; жениху было двадцать девять, невесте на десять лет меньше.

Афанасий Фет писал:

Не воспевай, не славословь
Великокняжеской порфиры,
Поведай первую любовь
И возвести струнами лиры:

Кто сердце девы молодой
Впервые трепетать заставил?
Не ты ли, витязь удалой,

Красавец, царский конник, Павел?

Созданий сказочных мечту
Твоя избранница затмила,
Трех поколений красоту
Дочь королевы совместила.

Суля чете блаженства дни,
Пред ней уста немеют наши, —
Цветов, влюбленных, как они,
Двух в мире не найдется краше.

Конечно, это были, что называется, «приличествующие случаю стихи», но Александра Георгиевна и в самом деле была прелестна, а Павел в самом деле был влюблен. Не прошло и года после свадьбы, как родился их первенец – это и была Мария Павловна. В своих мемуарах она писала: «По рассказам, мой выезд в свет состоялся в золотой карете, запряженной шестеркой белых лошадей; карету сопровождали конные гусары в алых мундирах – и таким образом привезли в Зимний дворец, чтобы крестить. Меня назвали Марией в честь бабушки, супруги императора Александра II, и в честь моей тети и крестной матери, супруги Александра III, в конце правления которого я появилась на свет».

А год спустя семейная идиллия завершилась по-настоящему страшно, и что особенно горько – из-за обидной, нелепой случайности. Александра Георгиевна, которая была на седьмом месяце беременности и проводила лето в Ильинском, поместье своего деверя, великого князя Сергея Александровича, прогуливалась как-то по берегу. Она решила сесть в лодку, но неудачно спрыгнула в швербот, оступилась и потеряла сознание от боли… Затем пришла в себя, и казалось, дело на этом закончилось – ведь великая княгиня почувствовала себя настолько хорошо, что на следующий вечер сочла возможным присутствовать на балу. Увы, началось кровотечение, а затем и преждевременные роды, Александра Георгиевна впала в кому. Когда до поместья добрались врачи, они только смогли помочь умирающей женщине разродиться, но вот спасти ее не удалось, и через несколько дней Александра Георгиевна, не приходя в сознание, скончалась. Так на свет появился Дмитрий Павлович, который выжил только чудом.

Мария, которой был тогда всего годик и которая, конечно, не запомнила мать, потом писала, опираясь на рассказы

окружающих: «Ее смерть в возрасте двадцати одного года привела всю семью в подавленное состояние, траур по ней был по всей России. Местные крестьяне собирались толпами; они подняли ее гроб на плечи и несли ее до железнодорожной станции около 13 километров. Это было похоронное шествие, которое походило больше на сопровождение молодой невесты, которую приветствуют на протяжении всего пути: везде, где проносили гроб, были цветы».

На похоронах Сергею Александровичу, когда тело уже опускали в могилу, пришлось увести брата – тот готов был кинуться вслед за женой. Но ведь остались дети…

Судя по воспоминаниям Марии, Павел Александрович был отличным отцом – они с братом обожали его и всякий раз с нетерпением ждали, когда он появится в детской. Лето они с Дмитрием проводили в Ильинском, переходя на попечение Сергея Александровича и его супруги Эллы, принцессы Гессен-Дармштадтской, в крещении – Елизаветы Федоровны, родной сестры императрицы Александры Федоровны. Правда, вернее будет сказать, все-таки на попечение дяди – тетка поначалу не обращала на них внимания.

Маленькая Мария будет искренне восхищаться красотой последней и ее манерой одеваться. «Я вспоминаю один из таких моментов, когда она, одетая для загородной прогулки, казалась мне особенно красивой. На ней было простое платье из белого муслина, но ей по-новому уложили волосы: они были свободно собраны сзади при помощи банта из черного шёлка – эффект был прелестный. Я воскликнула: „Ой, тётушка, вы выглядите как маленький паж на картинке волшебной сказки!“ Она обернулась к моей няне и без следа улыбки сказала сухим, резким тоном: „Фрай, вы все же должны научить ее не делать людям замечаний личного характера“. И ушла, подняв голову». Ну что ж, пусть теплых отношений между теткой и племянницей тогда не сложилось, зато Мария научилась разбираться в женских нарядах, что очень пригодится ей впоследствии. Ей дозволялось присутствовать при туалете Эллы, который представлял собой церемонию, продуманную до мелочей: «И вот маникюр закончен, а платье на вечер надето – теперь я должна была сыграть свою роль в этих ритуалах. Моя тетя говорила, какие драгоценности она намеревается надеть, а я шла к ее футлярам с драгоценностями – их количество можно было сравнить чуть ли не с витриной ювелирного магазина – и приносила ей то, что она выбрала». У Марии не было матери, но пример для подражания – как должна выглядеть изысканная дама – был, причем один из лучших!

В целом жизнь сиротки была вполне сносной – с братом, который ей был очень близок, с любимым, пусть и почти все время занятым отцом, с любящим дядей и холодно-сдержанной теткой. Однако вскоре у Марии и Дмитрия появился повод для беспокойства, а потом и для ревности…

Павел Александрович овдовел, когда ему был всего тридцать один год. Рано или поздно должна была пройти первая страшная боль от потери, и тогда он вновь стал бы обращать внимание на женщин. Так и произошло. Ольга Валериановна Пистолькорс, в девичестве Карнович, была женой военного. Привлекательная, обаятельная и при этом честолюбивая дама бывала на приемах у супруги командира полка, великого князя Владимира Александровича, где и привлекла внимание его брата Павла. Начался роман, на который окружающие, в том числе и семья Романовых, смотрели, что называется, сквозь пальцы. Однако, если окружающие и думали, что это простая интрижка, на самом деле все оказалось глубже и сложнее. Павел Александрович полюбил по-настоящему. В 1897 году Ольга родила от него сына Владимира, но, разумеется, сказать своим детям, что у них появился брат, Павел Александрович не мог. Ольга рассталась с мужем, но и речи не могло быть о том, чтобы великий князь женился на разведенной женщине с четырьмя детьми от первого брака, которая была, к тому же, ему неровней. Вся семья была, конечно, против, и Павел Александрович, добиваясь развода для Ольги, обещал, что дело этим и ограничится – с мужем она больше жить не может, но сам он вступать с ней в брак не будет.

Обещание он нарушил – осенью 1902 года они с Ольгой тайно обвенчались в Ливорно. Можно представить себе чувства двенадцатилетней Марии, когда она читала письмо от отца, в котором он сообщал эту новость, радостную для него, но оказавшуюся тяжелым ударом для нее и брата. Вряд ли можно было ожидать, что они смогут за него порадоваться… Семья негодовала, возмущался казавшимся легкомысленным поступком и Сергей Александрович – ведь брат не мог теперь вернуться в Россию, его лишили всех прав, аннулировали доходы… Единственным положительным – для него самого, оказавшегося бездетным – моментом было то, что его назначили опекуном племянников. «Теперь я ваш отец, а вы мои дети!», – повторял он, но Марию и Дмитрия это, разумеется, утешало мало.

Поскольку Сергей Александрович был московским генерал-губернатором, то и дети вынуждены были отправиться на местожительство в Москву. Начался новый этап в их жизни…

Однако и он оказался не слишком долгим. За стенами дворцов атмосфера сгущалась все больше, и тот, кто для Марии и

Дмитрия был заботливым дядей, для других был ненавистным «сатрапом», подлежащим уничтожению. Детей тоже чуть не задело этой ненавистью. Однажды они отправились в театр, и Мария Павловна вспоминала: «Одного человека из этой группы, вооруженного бомбами, поставили, чтобы он уничтожил нас по сигналу своего сообщника. Но когда этот человек увидел, что в карете находимся мы с Дмитрием, у него не хватило храбрости махнуть платком, чтобы подать условный знак. Все было делом одной секунды. Карета проехала, мы были спасены. Много лет спустя я узнала имя того человека, который погладил наши жизни. Это был Борис Савинков, сыгравший выдающуюся роль в революции 1917 года». Но в феврале 1905 года другая бомба все-таки настигла Сергея Александровича.

Дети осиротели в очередной раз и теперь остались на попечении тетки, которая обратилась к религии и совершенно переменила жизнь, из светской красавицы сделавшись монахиней в миру, всю себя отдающей благотворительности. Павел Александрович попытался забрать детей, но они были для Елизаветы Федоровны, помимо прочего, и памятью о погибшем муже, так что она оставила их у себя. Однако детство, как писала потом Мария, с этого времени закончилось.

Повседневная жизнь изменилась мало, но отношения с теткой стали более близкими. К тому же Мария подрастала, и Елизавета Федоровна прикладывала усилия к тому, чтобы из девочки получилась изящная грациозная барышня, что, откровенно говоря, не очень получалось – у Марии был слишком живой и упрямый характер. Кроме того, Елизавета Федоровна во всем полагалась на собственный вкус, и мнение юной девицы в расчет не принималось. Прически, наряды – великая княгиня выбирала все сама, а великая – но пока еще маленькая – княжна должна была подчиняться. Настоящего тепла тетка была просто не в состоянии ей дать…

В 1906 году Марии исполнилось шестнадцать, ребенком она считаться перестала – в ее честь и честь кузины-ровесницы был дан бал, который она с удовольствием вспоминала впоследствии; однако настоящая светская жизнь так и не началась. Елизавета Федоровна была в трауре и не могла выезжать вместе с племянницей, а никому другому она ее доверить не могла и не хотела.

Но это не означает, что она не задумывалась о будущем Марии, наоборот. И когда девушка узнала о том, что из Стокгольма пришел запрос прислать ее фотографии, то поняла, что речь идет о чьих-то матримониальных планах. Что ж, ее воспитывали так, что брак с иностранным принцем казался чем-

то естественным и неизбежным, и, когда тетка однажды пригласила ее к себе, как бы между делом заметив, что в Москву приехал погостить сын королевы Швеции, ее давней подруги, Мария приняла это как должное: «Я улыбнулась про себя. Ее заявление не пробудило во мне больше никаких эмоций, и, когда несколько минут спустя двери раскрылись и появился молодой принц, я оглядела его со спокойным любопытством. Он имел привлекательную, даже утонченную внешность, красивые серые глаза, скрытые под густыми ресницами. Его плечи были узковаты, а рост такой, что он, казалось, стремился как-то исправить это, слегка сутулясь. Мы сидели вокруг стола, ведя вежливую беседу, в основном она шла между тетей и принцем. Так как со мной никто не заговаривал, я хранила молчание».

Великая княжна Мария Павловна

Так состоялась первая встреча Марии Павловны со своим будущим мужем. Хотя она понимала, что этот визит на самом деле не что иное, как смотрины, она все же оказалась не готовой к тому, чтобы на другой же день тетка задала ей прямой вопрос,

согласна ли она выйти замуж за этого шведского принца. Однако когда первое потрясение прошло, понимая, что все равно рано или поздно придется сделать этот шаг, Мария Павловна сказала «да». Кроме того, ей так хотелось изменить свою жизнь! «…Я хотела верить в счастье; казалось, что жизнь обязана дать мне его как своего рода компенсацию за мое печальное детство, за отсутствие любящих близких. Я устала от упорядоченного, размеренного существования в этом огромном доме. Я жаждала шума, волнений, разрядки да и вообще любых перемен».

Дедушка Марии со стороны матери, король Греции, полагал, что его внучка слишком юна – семнадцать лет – чтобы вступать в брак. Отец, Павел Александрович, согласия которого никто не спрашивал, тоже не обрадовался новости. Но теперь он хотя бы получил разрешение приехать в Россию вместе со своей морганатической супругой и тремя детьми от этого брака, Владимиром, Ириной и Натальей (мать и дети носили титул графов фон Гогенфельзен, пожалованный им королем Баварии; позднее они получат от Николая II титул князей Палей). Тогда и состоялась первая встреча Марии Павловны с мачехой, которая, несмотря на все детские страхи и обиды, теперь показалась ей женщиной достойной. И еще один плюс увидела она в грядущем браке – когда она станет замужней, самостоятельной женщиной, никто не сможет запретить ей видеться с отцом.

Увы, разочарование постигло ее очень быстро. Во время визитов принца в Россию великая княжна поняла, что они совершенно чужие друг другу, что им не о чем говорить, что его ласки ей неприятны… Ситуация, по ее воспоминаниям, стала настолько невыносимой, что она решила разорвать помолвку. Елизавета Федоровна в это время болела и ничего так и не узнала о письме, которое Мария Павловна написала жениху, зато ее сестра Ирэна, принцесса Прусская, бросилась исправлять ситуацию. Ей удалось уговорить отчаявшуюся девушку не разрывать помолвку, основными аргументами были политическая важность брака и то, как ее отказ сильно ударит по Елизавете Федоровне. Сопротивление было сломлено, и Марии Павловне не осталось ничего, кроме как готовиться к свадьбе, а все вокруг продолжали считать, что великая княжна выходит замуж по любви.

Предпраздничная суета в конце концов захватила ее, однако прощание с Москвой и с братом далось нелегко: «У меня возникли смутные предчувствия того, какая жизнь ждет меня впереди, и глубокое отчаяние охватило меня. Я крепко держала руку своего брата. Судьба, которая и так уже подвергла нас тяжелым испытаниям, теперь разлучала нас. Я должна была

покинуть его, своего брата, единственного, кого по-настоящему любила в этой жизни. Это было чудовищно».

Когда она встретилась с отцом, тот сразу понял, что происходит с дочерью, но менять что-либо было уже слишком поздно. И в мае 1908 года Мария Павловна стала супругой второго сына короля Швеции Густава V, двадцатичетырехлетнего Карла Вильгельма Людвига, герцога Зодерманландского. Свадьба была, разумеется, роскошной. На Марии было платье из серебряной парчи со шлейфом, малиновая бархатная мантия, отделанная горностаем, бриллиантовая диадема – в этом жестком тяжелом наряде восемнадцатилетняя невеста чувствовала себя разукрашенным идолом и едва могла двигаться. Императору Николаю II, когда племянница опустилась перед ним на колени для благословения, пришлось помочь ей подняться – сама она не могла это сделать. Что ж, Мария прошла процедуру, через которую проходили все остальные великие княжны. Что бы ни ожидало их дальше, в этот момент формально начиналась новая жизнь, а вот насколько она будет отличаться от той, которой они жили раньше, – уже другой вопрос.

* * *

В случае Марии Павловны, как поначалу показалось ей самой, отличий было мало. «Поменяв страну, я не поменяла обстановку. На месте моей тети оказались другие люди, на месте моей гувернантки – фрейлины». Общение с мужем не приносило особой радости, новоявленная принцесса тосковала по родине, а визиты близких, в частности брата Дмитрия, хотя и радовали ее, зато заставляли мужа ревновать. Вскоре Мария Павловна поняла, что ожидает ребенка, но душа ее не возликовала – одиночество и праздность тяготили ее, и, как она позднее честно признавалась, узкий кругозор не позволял ей в то время найти себе подходящее занятие, которое могло бы ее увлечь. В 1909-м, почти ровно год после свадьбы, родился сын Леннарт. Забегая вперед, скажем, что ему суждено было прожить почти целый век и скончался он совсем недавно, в 2004 году. Сын Марии Павловны, которая родилась в конце XIX века, встретил век XXI – нить, связывающая эпохи, обычно гораздо короче, чем нам представляется.

Принц Вильгельм по-прежнему очень много отсутствовал, иногда месяцами, – его держала служба во флоте. Постепенно Мария Павловна привыкла к одиночеству, которое, к тому же, давало ей возможность строить свою жизнь, наконец, самостоятельно, хотя о настоящей свободе речь, разумеется, не

шла. Тем более что если в России за закрытыми дверями дворцов члены императорской семьи общались между собой свободно, оставляя этикет для официальных церемоний, то в Швеции это не было принято и строгие правила нужно было соблюдать даже в алькове. К примеру, однажды Мария Павловна за обедом, беседуя с соседом по столу, рассмеялась – это было воспринято очень неодобрительно.

Однако веселый нрав русской великой княжны, ставшей шведской герцогиней, сдержать было невозможно. Король Густав относился к ней с симпатией и прощал ей многое, даже розыгрыши – так, например, однажды Мария Павловна переоделась пожилой дамой, которая хотела вручить королю букет. Чем дальше, тем больше Мария Павловна отдавалась светской жизни и веселилась напропалую: «Обо мне рассказывали разные анекдоты и приписывали мне подвиги, о которых я даже и не мечтала. Но я всегда держалась в рамках и всегда знала, как далеко можно заходить, не причинив никому обиды, ибо шалость может оставить отметину». Правда, репутацию сорвиголовы такая жизнь ей все-таки обеспечила, что расстроило отца Павла Александровича и заставило ее вести себя более сдержанно и уже не только ездить в театры, на балы, катания, охоту, но и заниматься более серьезными вещами. Тем более что у герцогской четы, наконец, появилось собственное поместье – Оукхилл.

Заметим, что при высоком общественном положении Марии Павловны положение материальное оставляло желать лучшего – из-за того, что в свое время русская сторона наделала ряд ошибок при урегулировании финансовой стороны брака. Все деньги уходили на содержание дома, а вот на себя у герцогини оставалось совсем немного. Как она будет вспоминать, во время поездок в Париж она не могла заказывать одежду у парижских кутюрье, как когда-то ее тетка (многие дамы семейства Романовых были поклонницами модного дома Ворта и других прославленных мастеров той поры), а покупала готовые платья в «Галери Лафайет». Разумеется, тогда Мария Павловна и подумать не могла, что когда-нибудь столкнется с миром высокой моды, и очень близко, причем смотреть на него будет не как клиентка, снаружи, а изнутри…

Но до этого было еще далеко. Пока же они вместе с мужем переехали в новый, просторный, светлый и гораздо более уютный по сравнению с дворцом дом, чему Мария Павловна была очень рада. Пытаясь себя занять, она поступила в школу живописи – идея, которая не нашла понимания в королевской семье, зато сама она отправлялась на занятия с большой охотой.

Однако взаимоотношения внутри ее маленькой семьи теплее не становились – с мужем у них по-прежнему было очень мало общего. Когда весной 1911 года стало известно, что на коронации короля Сиама следующей зимой Швецию должны будут представлять герцоги Зодерманландские, Мария Павловна задумалась над тем, уж не хотел ли король Густав с помощью этой дальней длительной – шесть месяцев – поездки в экзотическую страну попытаться наладить отношения между нею и своим сыном.

Если и так, то из этой затеи ничего не вышло. Само по себе путешествие оказалось замечательным, о таком можно было только мечтать. Восток предстал перед Марией Павловной во всем своем великолепии – фантастические пейзажи Сиама, Индокитая, Индии, роскошные приемы и развлечения, экзотические подарки… Впоследствии немало будут обсуждать то, что главным приключением Марии Павловны в этом путешествии стали вовсе не посещения джунглей и древних развалин, а далекие от платонических отношения с герцогом Фернандом-Франсуа де Монпансье. Беллетристы и некоторые биографы будут со вкусом описывать то, как женщина, чьи отношения с мужем были холодными и скучными, открыла для себя радости плотской жизни с повстречавшимся ей привлекательным пылким мужчиной. Не будем поддаваться соблазну и пытаться заглянуть в замочную скважину. То, что происходило, если оно происходило, между Марией Павловной и герцогом, на самом деле касается их самих и их семей, но никак не широкой общественности, алкающей пикантных подробностей. Поэтому скажем коротко – результат у этих отношений был только один, и далекий от романтики. Герцог понял, что вредит не только репутации невестки короля Швеции, но и своей собственной, а Мария Павловна, по всей видимости, окончательно осознала, что счастья в браке ожидать уже совершенно бессмысленно. Бесповоротно чужим казался муж, чужим было и все, что ее окружало.

Впоследствии она будет вспоминать, что очень терзалась в то время – сделала ли она сама все, что могла, чтобы наладить отношения с супругом и его родственниками? Сложный вопрос, особенно если учесть, что ей было тогда всего двадцать два и ей не на кого было опереться или попросить совета. Отец, Павел Александрович – он тогда как раз получил разрешение жить в России, и она его там навещала – был против развода, и не только потому, что это было крайне серьезным шагом, а и потому, что тогда дочь осталась бы одна. Не лучшее положение для молодой неопытной женщины.

А между тем жизнь с Вильгельмом становилась все более невыносимой. Он оставался равнодушным к тому, что восхищало ее. Она пыталась радоваться – он впадал в меланхолию. К тому же – коснемся деликатной темы – уже на склоне лет Мария Павловна признается сыну, что его отец был неважным любовником. Что ж, где нет любви и привязанности, там вряд ли будет и настоящая страсть.

Королю Густаву, по-видимому, было ясно, что его надежды на улучшение отношений между младшим сыном и невесткой не оправдались, и он решил, что наилучшим вариантом будет отправить Марию Павловну к своей супруге, которая лечилась на Капри.

Там она и познакомилась с «доктором М.», который лечил королеву Викторию Баденскую, и между ними постепенно зародилась дружба. Мария наконец нашла кого-то, с кем могла поделиться своими переживаниями, и она честно делилась с ним, ожидая поддержки и совета. Надо сказать, что ее надежды на то, что этот человек поможет распутать клубок, в который сплелись все ее проблемы, не оправдались. Скорее доктор М. увидел, что, пользуясь своим опытом, положением старшего и тем, что называется «знанием жизни», он может влиять на молодую женщину и, более того, стать единственным ее наставником. Он убедил ее в том, что она серьезно нездорова, что у нее проблемы с почками (впоследствии диагноз не подтвердился), что ей нужно как можно больше времени проводить вне Швеции, в теплом климате. Ни одна проблема не была решена, но зато появились новые – по шесть месяцев жить вдали от сына, лечиться, оставаться в уединении… Мария Павловна чувствовала себя несчастной, больной и, по сути, загнанной в ловушку.

В 1913 году в России отмечали трехсотлетие Дома Романовых, и Мария Павловна должна была, разумеется, посетить торжества. Встреча с возмужавшим братом и радость от общения с остальными родственниками явились краткой передышкой. Возможно, именно она и дала силы Марии Павловне собраться с духом, встряхнуться и взять судьбу в собственные руки. Как она будет потом признаваться, толчком послужило еще и то, что доктор М., как оказалось, втайне от нее направился в Россию, на встречу с Елизаветой Федоровной. Если бы ему удалось сделать ту своей союзницей, то тогда Мария Павловна лишилась бы и этой поддержки.

Но она и так уже фактически была ее лишена, так что оставался только один выход – обратиться за помощью к отцу. «Чтобы мой уход прошел легче и чтобы избежать ненужных сцен, я решила поехать с принцем в Берлин, как и было договорено, и

по приезде туда сообщить о своих намерениях. Затем вместо того чтобы поехать в Италию, я поеду к своему отцу во Францию». Так и случилось, и герцог Вильгельм узнал о том, что жена намерена с ним расстаться, только когда они уже покинули Швецию.

Уезжать, конечно, было нелегко. «Я попрощалась, как полагалось, с королевской семьей и своими друзьями и в последний раз бросила взгляд на все, что покидаю, на все, что окружало меня в моей жизни более пяти лет. Мысль о том, что я покидаю своего сына, была почти непереносима, но я надеялась вскоре обрести его, не предвидя, что обстоятельства будут мешать этому в течение многих лет» (встретились они только в 1921 году).

Павел Александрович был против этой затеи, но отговорить дочь не смог. Когда он понял, что переубеждать ее бесполезно, то поддерживал, как мог – встретил в Париже, вел всю необходимую переписку. Вскоре брак между Марией Павловной и герцогом Зодерманландским был признан недействительным, и в январе 1914 года она вернулась в Россию.

В своих мемуарах Мария Павловна будет писать о том, что, несмотря на возвращение, ее будет томить неясное чувство опасности, какой-то надвигающейся страшной грозы. Было ли это действительно предчувствием, или же, когда она в зрелом возрасте вспоминала прошлое, ей просто стало казаться, что она ощущала, как надвигается катастрофа? Сложно сказать. Как бы там ни было, гроза действительно разразилась, и не только над Россией – началась Первая мировая война.

* * *

Не желая бездействовать – любимый брат уехал на фронт – Мария Павловна решила внести и свою лепту в общее дело, став сестрой милосердия. Получив теоретическую и практическую подготовку и сдав соответствующий экзамен, она получила право работать. И это стало ее первой победой, первым осознанным выбором, чем-то очень настоящим: «Жизнь поманила меня, и я не могла себя жалеть». Мария Павловна, как ни странно это прозвучит, отправлялась на войну с радостью в сердце, потому что знала – она будет помогать другим.

Ее, кузину императора, нередко узнавали – конечно, людей восхищало то, что опасности войны с ними разделяет великая княгиня из рода Романовых, однако саму Марию Павловну это всякий раз приводило в смущение. «Веселая сестричка» – так ласково называли ее солдаты. Вместе с ними она честно

сражалась со смертью и страданиями – помогая врачам, заботясь о раненых. Сестра милосердия – это не только умелые руки, но и улыбка, и слово поддержки. Когда территорию, где был расположен госпиталь, в котором она работала, пришлось оставить, Мария Павловна вернулась в Петербург, а затем вместе с новым госпиталем уехала в Псков, где и оставалась вплоть до начала 1917 года. Жизнь медсестры стала для нее, как ни банально это звучит, школой. И не потому, что она, великая княгиня, бывшая герцогиня и принцесса, работала наравне с другими, а порой и больше. И не потому, что она имела дело со смертью и страданиями. Нет, просто эта жизнь столкнула ее с совсем другими людьми, не с теми, с кем она общалась раньше, а с теми, кого никогда не повстречала бы, если бы не война… Члены семей монарха, сколько бы ни занимались они благотворительностью, всегда смотрят на «народ» со стороны, изнутри своего замкнутого мира. Мария Павловна, можно сказать, вышла в народ и стала его частицей, хотя бы на время войны. Забегая вперед, можно сказать, что это, вероятно, и помогло ей в дальнейшем прожить насыщенную жизнь, которой она будет руководить сама, а не беспомощно надеяться на других: «Когда я сейчас оглядываюсь назад, могу сказать со всей искренностью, что годы, проведенные мной на этой работе, были самыми счастливыми в моей жизни. Каждый день приносил мне новые контакты, свежие впечатления, освобождение от искусственных ограничений и рост. Мало-помалу я расправляла крылья и испытывала силы. Стены, которые так долго отгораживали меня от реальности, наконец рухнули».

Но жизнь, которая бурлила за этими стенами, тогда была еще сложнее, чем прежняя: «Уголок завесы едва приподнялся, но я начала уже приобретать некоторое представление о картине в целом. Я видела, что Россия больна; я могла это определить, так сказать, по биению ее пульса; но более я ни в чем не была уверена. Противоречия, с которыми я сталкивалась на каждом шагу, между идеями, на которых я была воспитана, и реальностью, сбивали меня с толку». По словам Марии Павловны, ее утешало то, что она все-таки находилась тогда только в начале своего жизненного пути – ей было немногим больше двадцати лет, и многое было впереди.

А пока она продолжала работать в госпитале, расширяла кругозор, в редкие свободные минуты навещала отца в Царском Селе. Семья всегда была для нее очень важна, и здоровье отца, которое заметно ухудшилось, очень беспокоило Марию Павловну. А тут еще последовал тяжкий удар – оказалось, что любимый брат Дмитрий явился одним из заговорщиков, убивших Григория

Распутина. Мария Павловна не осуждала брата, не гордилась, но ужасалась – ведь он вместе с остальными участниками убийства взвалил на себя огромную ответственность… Даже будучи в очень близких отношениях с братом, она так никогда и не задала ему ни одного вопроса, касавшегося этой тяжелой темы. Дмитрия, которого император очень любил и которому он приходился кузеном, не судили, зато отправили на Персидский фронт – при этом, заметим, из всех участников драмы он был наименее виноватым. По иронии судьбы эта ссылка спасла ему жизнь – останься Дмитрий в Петербурге или где-нибудь поблизости, и ему ни миновать было бы той участи, что постигла многих его родственников, включая отца.

Война была только первым ударом грома той грозы, которой так боялась Мария Павловна, скоро грянул второй – революция. Помимо того, что на глазах великой княгини случилась еще одна смерть, «историческая», как она писала, смерть самодержавия, смерть династии, это коснулось непосредственно ее самой. Так, оставаться в госпитале для нее теперь было попросту опасно. Конечно, руководство и сотрудники больницы еще совсем недавно хорошо к ней относились, но настроения в ту пору были переменчивы, и легко мог наступить момент, когда член бывшей императорской семьи вызовет вспышку неприязни – заканчивалось это в те годы катастрофой. Собственно, террор уже начинался – главврач, с которым отношения у Марии Павловны не складывались, буквально вынудил ее уехать: «Во мне больше не нуждались; казалось, я стала врагом для людей, для моих соотечественников, которым я отдавала все свои силы. Для них я была хуже, чем чужая; они больше не принимали меня в расчет». На самом деле все было не совсем так, и вскоре после отъезда санитары больницы попросили Марию Павловну вернуться. Она отказалась, но то, что в ней, оказывается, все-таки «нуждались», ее немного утешило.

А вскоре случилось нечто, с одной стороны, неожиданное – посреди революционного хаоса Мария Павловна внезапно нашла любовь, с другой стороны – вполне объясняемое – только в той ситуации, что была тогда в России, и могла произойти подобная история. Женщина из рода Романовых полюбила и смогла выйти замуж за своего избранника, хотя он и не был иностранным принцем.

В то время Мария Павловна сблизилась с Владимиром Палеем, первым общим ребенком Павла Александровича и Ольги Валериановны. А его часто навещал князь Александр Михайлович Путятин, младший сын коменданта дворцов Царского Села, с которым иногда приходил и его старший брат Сергей. С ним

Мария была знакома с детства, но почти не общалась, а вот теперь… Теперь их с Сергеем внезапно потянуло друг к другу. Мария Павловна наконец узнала, каково это – быть влюбленной, любить взаимно, чувствовать себя счастливой.

Павел Александрович не был против этих отношений – наоборот, он был рад, что его дочь нашла человека, на которого можно было опереться, и откладывать заключение брака не стали – в августе 1917 года Сергей Михайлович и Мария Павловна обручились, а в сентябре состоялось венчание. Хотя ее семья и не присутствовала на церемонии – отец, мачеха и сводный брат находились под домашним арестом – это все-таки был счастливый день. И как ни странно это прозвучит, жизнь Путятины тоже поначалу вели счастливую – «маленькую счастливую жизнь, в которой не было места печалей и тревогам» – в столице, которую ожидала очередная кровавая смена власти. Мыслей уехать из России у них тогда не возникало, да и в любом случае это казалось невозможным – ведь продолжалась война.

Однако, предвидя национализацию частной собственности, они решили спрятать хотя бы драгоценности Марии Павловны, которые хранились в Государственном банке в Москве. И… выбрали для этого как раз те дни, когда, как оказалось, большевики стали захватывать власть. Можно представить себе, что творилось вокруг – Мария Павловна, попав под обстрел, выжила только чудом, поскольку в состоянии шока не смогла заставить себя лечь на землю и встречала пули стоя. Путятины едва сумели вернуться обратно в Петроград, когда обнаружилось, что Мария Павловна ожидает ребенка.

Нет смысла вдаваться в подробности последовавших дней, полных лишений, разве что можно упомянуть два эпизода. В дни, когда продукты ценились куда больше, чем драгоценности, Мария Павловна получила посылку от шведской королевской семьи, которая, узнав, что их бывшая герцогиня живет впроголодь, прислала ей коробку с продуктами. А настоящие ее драгоценности, которые родители мужа все-таки успели забрать из банка, они теперь начали прятать, причем довольно изобретательно: «Например, у меня была диадема в старинной оправе, состоявшая из бриллиантовых лучей, нанизанных на проволоку. Я купила большую бутылку канцелярских чернил и вылила их; затем, сняв с проволоки бриллианты, насыпала их на дно бутылки и залила сверху парафином. Наконец надо было снова залить чернила. Так как бутылку опоясывала большая и широкая этикетка, содержимое рассмотреть было совершенно невозможно. Она месяцами стояла на моем письменном столе на

виду у всех. Другие украшения мы спрятали в самодельные пресс-папье, а еще какие-то – в пустые банки из-под какао; потом их окунали в воск, к ним прикрепляли фитиль, и они приобретали вид огарков больших церковных свечей. Мы украшали их спиралями из золоченой бумаги и иногда зажигали их перед иконами, чтобы отвлечь внимание слуг». Все это было бы даже забавно и походило на игру, если бы не было грустно.

В июле 1918 года у Путятиных родился сын, которого вскоре крестили, назвав Романом. «Могли ли мы знать, что в тот же день, почти в тот же самый час, в сотнях и сотнях миль от нас в маленьком сибирском городке Володя, тетя Элла и их товарищи по ссылке заканчивали свое земное существование в страшных страданиях? В тот день большевики сбросили их в старую заброшенную шахту, затем выстрелили в них и забросали сверху камнями. Кто-то был убит сразу, другие прожили еще несколько дней и умерли частично от ран, частично от голода. Обо всем этом мы, конечно, ничего не знали в тот день, когда праздновали крестины моего сына. И слава богу, не могли знать, что этому новорожденному ребенку не суждено долго прожить. Он умер, едва ему исполнился один год».

В какой-то момент стало очевидно, что Марии Павловне необходимо уехать из России. Единственное, что ее удерживало от этого шага, так это нежелание оставить отца, который к тому времени был уже очень болен и слаб. Но все же решено было бежать.

Они ехали втроем – Мария Павловна, ее муж и его младший брат. Маленького Романа, который тогда был еще жив, оставили с пожилыми родителями мужа, рассчитывая, что они воссоединятся позже. Этого не произошло. Своего сына, равно как и отца, Мария Павловна больше никогда не увидит… «Моего отца арестовали десять дней спустя после нашего отъезда. Он был заключен в одну из государственных тюрем, где провел шесть месяцев, отчасти в самой тюрьме, отчасти – по причине нездоровья – в тюремном лазарете. Княгиня Палей употребила всю свою энергию. В результате ее усилий стало казаться, что моего отца отпустят. Фактически большевики точно обещали это; но 30 января 1919 года, в тот самый день, когда ему должны были даровать свободу, его внезапно увезли из тюрьмы, отправили в Петропавловскую крепость и без дальнейших мучений расстреляли».

Путятины же добрались, с огромными трудностями, сначала в Киев (брат мужа Александр поначалу остался там, а потом тоже двинулся дальше), оттуда – в Одессу, а затем в Румынию. Мария Павловна навсегда распрощалась с родиной…

* * *

Королева Мария Эдинбургская, супруга короля Румынии Фердинанда II, дочь великой княжны Марии Александровны Романовой, приходилась двоюродной сестрой Марии Павловне. В семье кузины, «в этом дружеском кругу», супруги Путятины «впервые вкусили изгнание». Там они и узнали о том, что Дмитрий Павлович жив – сестра, разумеется, была счастлива, это была первая хорошая новость за много месяцев.

Королева пригласила супругов к себе, во дворец Котрочени. К тому времени Мария Павловна уже давно не думала о нарядах и моде – нужно было выживать и спасаться – и в Румынию приехала буквально в том, что на ней было, с одним чемоданом. «Еще в отеле я послала за портнихой, та принесла последние парижские модели, в их числе коричневое вязаное платье из шелка. Это платье, сказала она, от Шанель, восходящей звезды на парижском модельном небосклоне. Все туалеты были совершенно недоступны мне по цене, я ничего не взяла. К тому же я не представляла себе, как их носят, я много лет не соприкасалась с миром моды. Зато вспомнила это имя: Шанель. До войны девушка по фамилии Шанель держала шляпную лавочку на рю Камбон – не она ли?» Казалось бы, непримечательный эпизод в биографии великой княгини, но ведь спустя несколько лет она будет сотрудничать с Шанель и вновь вернется в мир моды – не как клиентка, а как мастер.

В те дни Мария Павловна старалась жить сегодняшним днем и не задумываться о будущем – это было бесполезно, никто не знал, что принесет очередной день. Увы, радость от известия о том, что брат жив, оказалась едва ли не единственной за много месяцев – вскоре пришли новости о гибели Павла Александровича, Владимира Палея, Елизаветы Федоровны и других родственников. Можно представить себе горе и ужас Марии Павловны…

К тому же выяснилось, что оставаться в Румынии они с мужем не могут – королевская чета была гостеприимна и щедра к своим родичам, но Романовы теперь были нежеланными гостями. Когда Мария Павловна узнала, что правительство Румынии воспротивилось тому, чтобы они, две Марии, королева и княгиня-изгнанница, вместе поехали в Париж, это стало не просто ударом – это стало ужасным откровением: она и ее семья являлись отныне пережитком прошлого. «Мир не нуждался еще в одной Византийской империи с ее ветхой идеологией; правила, по которым мы жили, отменялись. Но воспитанный в этих правилах отпрыск еще недавно могущественной династии не мог так сразу

встать на эту точку зрения, и я далеко не сразу стала безразлична к покушениям на мое достоинство. Да, я страдала от унижений – мелких, конечно, в сравнении с тем, что пришлось пережить. Нас выдернули из блистательного окружения, прогнали со сцены как были, в сказочном платье. Теперь его надо было менять, заводить другую, повседневную одежду и, главное, учиться носить ее». Пришлось учиться.

Если в Румынии Мария Павловна с супругом были гостями королевской семьи, то во Франции они стали просто парой эмигрантов, никому не нужных. Даже поселиться в отеле – и то было для них слишком дорого, поэтому, пока решался вопрос с английской визой, они жили у знакомой русской пары. В Париже Марии Павловне было невыносимо грустно; казалось, ее везде поджидают призраки счастливого прошлого. Так что в Лондон она ехала с радостью.

Там она, наконец, встретилась с братом, там стала налаживаться ее новая жизнь: «По сравнению с безысходно грустными днями в Париже, жизнь в Лондоне, где я прежде не бывала, принесла облегчение. Сравнивать ее с довоенной жизнью я не могла и просто упивалась воздухом, напитанным покоем и уважением к традициям». Правда, королевская семья их избегала, но Мария Павловна никого не винила, она понимала, что все дело в политике. Она связалась с княгиней Палей, вдовой отца, которой вместе с дочерьми, Ириной и Натальей, удалось выбраться из России через Финляндию. Получила новости и о своем сыне Леннарте – к тому времени мальчику уже исполнилось десять лет, воспитывала его в основном бабушка, королева Швеции, и, хотя второй брак Марии Павловны делал совершенно невозможным ее воссоединение со старшим сыном, все-таки было решено, что в свое время они смогут увидеться. А шведский кронпринц и его супруга привезли ее драгоценности – те самые, которые в свое время усердно прятались в чернильницы и подсвечники.

Эти драгоценности явились единственным шансом выжить в новых обстоятельствах, но, увы, Путятины воспользовались им не очень умело. Если бы они последовали совету продать все разом, то получилась бы очень приличная сумма. Но эти вещи были для Марии Павловны не просто дорогими украшениями; они были памятью, единственной связью с прошлым. Расставаться с такими вещами очень нелегко… Она продавала их понемногу, а вскоре рынок затопили хлынувшие в Европу драгоценности русских беженцев, что давало возможность ювелирам безбожно занижать цены. Мария Павловна будет потом писать, что распродажа драгоценностей стала одной из самых горестных страниц в ее

изгнаннической жизни.

Однако с помощью знакомого все-таки определенную сумму набрать удалось, и Путятины решили, что теперь самое время забрать маленького Романа, который вместе с родителями Сергея Михайловича был теперь в Румынии. И тут было получено очередное страшное известие – мальчик умер от кишечной инфекции. Всего за несколько месяцев Мария Павловна потеряла самых близких людей – отца, тетку, своего сводного брата, а теперь и младшего сына. Она жила, скрывая горе, но внутри, как потом признавалась, выгорела совершенно…

Мария Павловна занялась хозяйством своей маленькой теперь семьи – муж, брат и она сама – но не знала, что делать дальше. Изучение искусства, живопись, то, что называют «культурной жизнью» – все это казалось теперь далеким, оставшимся в другой жизни, и не было смысла пытаться к этому вернуться. И тут само собой дело нашлось: «Женщине проще, она может работать руками».

И шить, и вышивать, и вязать Мария Павловна умела – всему этому великих княжон обучали еще в детстве и юности. Купив шерсть и спицы, она занялась вязанием. Первый свитер получился слишком большим, зато уже второй было не стыдно предложить в магазин, что она и сделала. Начали поступать заказы, она работала с утра до вечера, но все равно удавалось заработать слишком мало, нужно было придумать что-то другое…

Однажды Мария Павловна решила привести в порядок свой гардероб, который к тому времени уже порядком обветшал. Ни стола для раскройки, ни швейной машинки у нее не было, с примерками помогал муж, за столь значимую работу – не скромную рубашку, а платье из модного журнала – она бралась впервые, и было страшновато, но… «За первым платьем последовали другие, и наконец я смогла повторить темное вечернее платье от Калло, взятое на время у приятельницы, где на юбку пошло много ярдов тюля. И впервые отправившись на званый обед, я надела это платье. Войдя и смешавшись с толпой в гостиной, я не без тревоги ловила выражение дамских лиц. Вдруг у меня что не так? За вид спереди я была более или менее спокойна, а спина? Я старалась меньше показывать эту часть тела. Но все обошлось, и к концу обеда я забыла думать, что расхаживаю по гостиной в платье собственного изготовления, а на других дамах туалеты от Уорта, Вионне и Калло».

Она пыталась зарабатывать деньги и вместе с тем умудрялась выкраивать время для благотворительности – вместе с группой русских эмигранток в начале зимы 1919 года Мария Павловна работала в мастерской, где шили белье и перевязочный материал

для Добровольческой армии. Она надеялась, что, помимо прочего, это подскажет ей, куда двигаться дальше, но… Увы, ее товарки были так же растеряны, как и она сама.

Мария Павловна решила вернуться во Францию: «Лондон словно застыл на месте, не в силах выйти из тупика, куда его завела война. Иное дело Париж: он бурлил и пенился. Конечно, масса сил тратилась впустую, но французы приноравливались к жизни, горели желанием вернуть былое благополучие. Я была уверена, что в такой атмосфере мне будет легче воспрянуть духом и правильно распорядиться свободой, дарованной мне взамен утрат».

В Париже, куда Путятины перебрались в 1921 году, Мария Павловна поначалу вела жизнь затворницы. Мужу она подыскала место в банке, сама же целыми днями в их крошечной квартирке занималась шитьем. Все мысли были в прошлом, и эта монотонная жизнь, казалось, так и будет тянуться… Она начала было и здесь заниматься благотворительностью, но это не принесло ей радости, только чувство удовлетворения от исполненного долга.

Единственное, что порадовало ее, хотя одновременно причинило боль, – свидание с сыном. В Париж приехал Густав V, бывший свекор Марии Павловны, и встретились они очень тепло – намного теплее, чем она могла ожидать, учитывая обстоятельства, при которых она некогда рассталась с мужем.

«– Как вы хотите, чтобы я называла вас, сэр, – причем выделила голосом это слово: сэр.

– Конечно, отец, – сказал король и добавил: – Если ты сама не против. Ты знаешь, как я любил твоего отца; его больше нет, и мне будет только приятно, если ты будешь звать меня так же. Надеюсь, ты меня понимаешь.

Я до такой степени была тронута его добротой, что от переполнявших чувств не нашлась, что ответить. За последнее время благополучная родня отнюдь не баловала нас вниманием, и я была более чем благодарна ему за эти слова».

Было решено, что встреча произойдет в Дании, на, так сказать, нейтральной территории, где и у шведской королевской семьи, и у Романовых были родственники. За следующие семь лет Мария Павловна виделась с сыном только два раза – каждая встреча готовилась долго, «словно речь шла о проведении международной конференции, а не о свидании матери с сыном». И все же, несмотря на краткие и редкие встречи, они с сыном нашли общий язык, а в будущем, когда Леннарт станет уже совсем взрослым, их отношения сделаются по-настоящему близкими.

* * *

А пока у Марии Павловны начался новый этап жизни, и произошел он благодаря знакомству с Коко Шанель, которая в ту пору как раз становилась знаменитой. Свел их не просто случай, а, можно сказать, случай романтический. У Дмитрия Павловича и изящной француженки вспыхнул роман, который все биографы поголовно не называют иначе как «бурным». Этому событию суждено было сыграть большую роль и в жизни самой «Великой Мадемуазель», и в жизни сестры ее возлюбленного: благодаря знакомству с известной модисткой Мария Павловна и сама открыла свой дом моды…

А началось все с того, что однажды она заглянула к Шанель в тот момент, когда та спорила с мастерицей, поставлявшей вышивки, – последняя запрашивала шестьсот франков за работу, а Шанель отказывалась, поскольку блуза получалась слишком дорогой. И неожиданно для самой себя Мария Павловна услышала собственный голос: «Мадемуазель Шанель, если я вышью эту блузку на сто пятьдесят франков дешевле, вы отдадите мне заказ?»

У нее не было машинки для вышивки, но можно было попробовать купить ее и научиться. Затея, с одной стороны, рискованная – раньше Мария Павловна не с чем подобным дела не имела, с другой стороны – вышивка была тем единственным, что она умела делать очень хорошо, ведь она училась ей в том числе и в художественной школе Стокгольма. «Пальцы изнывали по делу. Я предвкушала муки и радости творчества».

Все оказалось не так легко и быстро, как хотелось бы. На маленькой фабрике «Боттен» удалось найти нужную машину, но затем началась стажировка, кропотливый труд с утра до вечера. Но все равно Мария Павловна чувствовала себя так, как будто хлебнула шампанского – ей казалось, она нашла именно то, что нужно! «Вечерами мы с мужем и его родителями обсуждали, как наладим нашу вышивальную мастерскую, для начала, разумеется, в скромных размерах. Свекровь была мне доброй помощницей. Выбрали и название: „Китмир“ – по имени сказочной собаки из иранской мифологии».

Потом начались поиски подходящего помещения. «Такое одушевление владело мною, так я горела скорее начать свое большое дело, что все, казалось мне, движется слишком медленно. Мысленно я видела себя во главе влиятельной фирмы, я диктую телеграммы, отвечаю на телефонные звонки, делаю распоряжения; и сижу я за столом орехового дерева, вокруг – образцы, рулоны шелка, альбомы с эскизами. Моим идеалом было

изнемогать от обилия работы. В конце концов все мои желания сбылись, за исключением орехового стола, а пока что меня бесила необходимость еще потерпеть». Нашлось и помещение (правда, потом выяснилось, что, несмотря на хорошее, казалось, местоположение, хозяйка соседнего дома была дамой с определенной репутаций), и несколько мастериц.

О трудностях, о риске Мария Павловна не задумывалась – может, и к лучшему. Когда поступил первый заказ для весенней коллекции моделей, она была полнейшим новичком, которому предстояло освоить массу тонкостей, касавшихся уже не вышивки, а ведения дел, а вот с этим как раз все обстояло неважно – именно это и подведет «Китмир».

Мария Павловна вспоминала: «Наконец были готовы и отправлены вышивки для нескольких блузок, сарафанов и жакетов. Кое-что из этого я сшила собственными руками. Очень хорошо помню длинный светло-серый сарафан с вышивкой в тон ему, но с разными оттенками и добавлением красного. Когда позже на этот сарафан пошли заказы, я всегда выполняла их сама, потому что это были самые трудные у нас узоры. А впервые „на публике“ я увидела его в „Ритце“, на даме за соседним столом. Признаюсь, мне стоило огромного труда не глазеть на даму и удержать руки, рвавшиеся ощупать знакомый рисунок. Шанель сама ладила вышивные узоры на место. Увлеченно участвуя от начала до конца в воплощении моих замыслов, я, естественно, не могла пропустить момент, когда они „сядут“ на модели. Они на глазах оживали».

После первого же показа стало ясно – успех! Заказы хлынули рекой, а вот рассчитывать свои силы Мария Павловна, начинающая предпринимательница, еще не умела. Так что первое время она работала в буквальном смысле не поднимая головы.

Помимо вышивки – Мария Павловна и сама сидела за машинкой – приходилось решать еще множество вопросов. Мастерицы были новичками, и, конечно, лучше было бы нанять профессионалов, но Марией Павловной, помимо прочего, двигало желание помочь соотечественницам. Начального капитала не было – пришлось вновь продавать драгоценности, которых оставалось уже совсем немного. Бухгалтерией стал заниматься муж, которому очень не нравилась конторская работа в банке; однако Сергей Михайлович был человеком, любящим новизну и риск, что сказывалось не самым лучшим образом на доходах. Продавщицы Шанель не церемонились со своими вышивальщицами, так что и тут Марии Павловне приходилось нелегко. Все необходимое для мастерской ей приходилось приобретать самостоятельно. Словом, требования и обязательства

сыпались на нее со всех сторон, все эти бесконечные дела, с которыми сталкивается каждый, кто открывает свой «бизнес». Будем учитывать, что великую княгиню к этому никто и никогда не готовил. Она, по ее собственному выражению, очутилась по другую сторону прилавка…

Многое дало Марии Павловне общение с Шанель, которая, выбившись из низов, прошла нелегкую школу, так что ей было чему поучить русскую аристократку. А еще она напомнила той, что ни в коем случае нельзя пренебрегать внешностью, особенно если завел собственное дело: нужно постоянно демонстрировать окружающим, что ты процветаешь, а не представать перед ними скромной беженкой. Под влиянием Шанель Мария Павловна, которая и думать забыла про наряды для себя, не только приоделась, стала пользоваться косметикой и похудела, но даже постриглась. Вернее, Шанель сама ее обстригла, в конце концов не выдержав вида огромного неприбранного пучка, с которым Мария Павловна никак не могла справиться самостоятельно. Результат этой стрижки парикмахеру потом долго пришлось поправлять, но в целом великая княгиня вновь стала эффектной женщиной.

Впрочем, собственная внешность занимала ее меньше всего – жизнь в «Китмире» кипела: «С каждым новым сезоном полагалось обновлять ассортимент, поскольку коммерчески невыгодно застревать на достигнутом. В поисках вдохновения я обращалась к какому-нибудь периоду в истории искусства, но почерпнутые из документов идеи следовало приноровить к модельному делу и совершенно иному материалу. Я проводила весьма основательное изучение предмета. Постепенно у меня составилось порядочное собрание книг, альбомов, рисунков и чертежей непосредственно по моей новой специальности.

В один сезон я вдохновилась восточными коврами, в другой – персидскими изразцами. Я использовала орнамент с китайских ваз и коптских тканей. Однажды повторила в ручной вышивке индийские ожерелья и браслеты. Вспоминаю пару мулов, пришедших с персидской миниатюры. Несмотря на дороговизну, эти мулы принесли „Китмиру“ огромный успех.

Не только новые узоры заботили меня: я возвращала к жизни старые материалы, по-новому используя их, например забытую синель. Она шла у меня на отделку шляпок, которые первой стала продавать Шанель, а потом они разошлись по всему миру».

Через полтора года после открытия «Китмир» переехал в более просторное помещение; расширился штат – прибавилось более полусотни работниц, а еще техники и модельеры. Теперь там делали не только машинную вышивку, но и ручную, и

вышивку стеклярусом. Брать на работу одних только соотечественниц Мария Павловна перестала, и не только потому, что профессионалы работали быстрее: «Выучившись за мой счет, некоторые девицы после работы копировали мои модели и сбывали их на сторону, а потом, в самый разгар сезона, бросили меня и затеяли свое дело». Работа кипела, и постепенно стало казаться, что лучше не ограничиваться сотрудничеством только с Шанель, а сделать «Китмир» более независимым – Жан Пату, еще один известный кутюрье той поры, можно сказать, соперник Коко, предложил заключить контракт и с ним.

Как оказалось, попытка стать менее зависимыми от дома Шанель привела не столько к успеху, сколько к новым сложностям. «Когда я впервые посвятила Шанель в мои планы, она в целом согласилась со мной, но при этом передала мне список портних, которых не хотела видеть среди моих клиентов, и конечно это были самые хорошие портнихи. Я пошла ей навстречу, но скоро поняла, что мне придется работать либо только на нее, либо на рынок вообще – средний путь исключался. При случае я на свою голову объяснилась с Шанель, и разом кончились наши задушевные отношения. Она сочла меня неблагодарной и не приняла моих самостоятельных планов. Отныне я не допускалась в ее студию, поскольку она боялась, и не скрывала этого, что я могу вникнуть в ее секреты и даже невольно выдать их ее конкурентам. Мы все реже виделись, отношения расстроились, и я бы уже не порадовала ее прежней верностью. Со своей стороны, Шанель стала работать с другими вышивальщицами, и мне все меньше перепадало заказов. И наконец, когда мы связались с другими домами, а запросы у всех разные, мы утратили особинку, своеобразие».

Здесь стоит упомянуть, что Мария Павловна и Жан Пату в ту пору нередко появлялись в обществе вместе, так что в светских кругах начали обсуждать их роман и даже гадать, закончится ли он свадьбой. Но что бы ни связывало модельера и великую княгиню, долго это не продлилось и их дружба распалась.

Несмотря на все сложности, Мария Павловна, по ее собственному признанию, без «Китмира» обходиться не могла – слишком многое он для нее значил, слишком сильным было желание двигаться вперед, несмотря на все трудности. В 1925 году на открывшейся в Париже Всемирной выставке декоративного искусства она выставила и работы своего дома. Она не ждала ничего особенного, просто хотелось показать результаты трудов… «Администратор вернулся с оглушительной новостью: мы получили две награды – золотую медаль и почетный диплом. Когда пришли бумаги, я была счастлива

вдвойне. Организаторы выставки, очевидно, ничего не знали обо мне, потому что документы были выписаны на имя „Господина Китмира“».

При всем том стабильной прибыли добиться так и не удавалось, впереди замаячил финансовый крах. А другой крах поджидал и семейную жизнь Марии Павловны. Да, в свое время их с будущим мужем потянуло друг к другу, но время это было сложным, опасным, а когда оно минуло и потянулись будни эмигрантской жизни, выяснилось, что не так уж у них много общего. К тому же все заботы по налаживанию быта семьи лежали на плечах Марии Павловны, а Сергей Михайлович большую часть времени проводил среди людей, главным для которых были «передышка и развлечение». Мария Павловна долго пыталась искать компромиссы, шла на уступки, готова была терпеть… Кроме того, она очень любила свою свекровь. Однако в конце концов не выдержала: «Это не была ссора. Это была принципиальная разность воззрений, и устранить ее мало было одного примирения. <…> Моя привязанность к его семье не поколебалась, они оставались на моем попечении еще годы. Пока Путятин не женился на американской девушке, мы время от времени дружески встречались. Развод происходил в два этапа – в русской православной церкви и во французской мэрии. Гражданский брак расторгался медленно и трудно, но в конце концов все устроилось, и я снова была свободна». Это произошло в 1923 году.

После развода к ней переехал брат Дмитрий Павлович – они вновь стали очень близки. Некоей компенсацией за собственную разрушившуюся семейную жизнь стала его женитьба на молодой, красивой и к тому же богатой американке Одри Эмери. Правда, после этой свадьбы в ее жизни вновь стало пусто… Только работа и благотворительность. Именно тогда она и начала понемногу записывать свои воспоминания.

А «Китмир», по ее собственному меткому выражению, окончательно обескровел – несмотря на все старания Марии Павловны, она так и осталась дилетантом в области ведения дел. Когда некая русская дама, сначала попросившаяся к ней в компаньонки, затем разочаровалась и вчинила иск, то, чтобы хоть как-то покрыть расходы, Мария Павловна продала последнюю ценную вещь – жемчужное ожерелье своей матери. В довершение всех бед вышивки вышли из моды… Мария Павловна сдалась и продала «Китмир» известной парижской фирме вышивки «Фитель и Ирель».

После этого она решила попробовать свои силы в другой области, парфюмерной, которая тогда как раз переживала

подъем, и решила начать дело в Лондоне, где рынок был не так насыщен, как в Париже. Процесс создания новых ароматов захватил ее, и вскоре она переехала в Англию – Париж был «полем проигранного сражения», а здесь можно было начать все заново. Увы, не получилось. Духи «Князь Игорь» вышли чрезвычайно удачными, однако разрекламировать их и продать не удалось. Марию Павловну начали одолевать мысли о том, что все, к чему она прикасается, рассыпается…

И, тем не менее, рук она не опустила. Удача отвернулась от нее в Европе? Значит, нужно ехать в Америку. И когда ее знакомая американка, жена газетного магната, Миллисент Херст, с которой она столкнулась, заехав в очередной раз в Париж, пригласила ее приехать в гости, Мария Павловна тут же решилась воспользоваться этим шансом – хотя это и означало жить вдали от брата и его семьи и разорвать последние нити, связывавшие ее с прошлым. В декабре 1928 года она отплыла на пароходе в Нью-Йорк.

Что ж, Мария Павловна сумела найти себя на новом месте. Ей предложили место консультанта-стилиста в «Бергдорф Гудман» – конечно, это не то что быть хозяйкой собственного модного дома, но все-таки позволяло и дальше оставаться в мире моды. К тому же ее мемуарами заинтересовались издатели. Мария Павловна ненадолго вернулась в Европу – как раз вовремя, чтобы успеть попрощаться с умиравшей княгиней Палей – и окончательно уладила все дела, взяла пишущую машинку и гитару и отправилась обратно в США.

Время показало, что это было правильным решением. Работа над мемуарами, чтение лекций, фотография (она стала светским фотографом) – новая жизнь полностью ее захватила, она была востребована и популярна. Интересно отметить, что этой женщине по-прежнему приходилось полагаться только на себя – за спиной не осталось никого, кто мог бы ее поддержать. Друзья – безусловно, но не семья…

В 1941 году Мария Павловна переехала в Аргентину – по одной из версий, причиной послужило то, что США признали Советский Союз, и она не смогла этого вынести. У нее появилась приятельница, тоже эмигрантка, Елизавета де Брунье (в девичестве Саруханова), которая жила в Буэнос-Айресе и представляла там компанию «Элизабет Арден» – так что, возможно, причиной переезда послужило на самом деле желание вновь открыть собственное дело. Приятельницы занялись выпуском собственной линии косметических продуктов. Если в самом начале карьеры Мария Павловна была категорически против использования своего великокняжеского титула в

рекламе, то после долгих лет жизни в Америке привыкла к этому, тем более что теперь надежда на успех в основном и заключалась в том, что люди заинтересуются продукцией, созданной русской великой княгиней, и к тому же украшенной имперским двуглавым орлом. Название для косметики было выбрано почти такое же, как для духов, которые Мария Павловна в свое время так и не смогла реализовать в Лондоне, – «Игорь».

В 1942 году в швейцарском санатории скончался Дмитрий Павлович. Дочь Елизаветы (компаньонки Марии) вспоминала, что, когда Мария Павловна вышла из комнаты, где она разговаривала по телефону и ей сообщили о смерти брата – лицо ее совершенно застыло… Это была последняя в длинной череде потерь, но едва ли не самая горькая утрата.

Вскоре компаньонка Марии Павловны уехала обратно в США, вначале предполагалось, что на время, а оказалось, что навсегда. Сама же она осталась. Сын Леннарт, который еще в 1932 году отрекся от прав на престол и стал просто графом Бернадотом, поскольку женился на девушке скромного происхождения, Карин Нисвандт, приехал в Южную Америку по делам и навестил мать. Именно тогда они и сблизились – Мария Павловна, наконец, смогла выразить сыну все, что у нее на душе. Очень много она рассказала ему о своем прошлом в царской России.

А в 1951 году она все-таки вернулась в Европу, где самым любимым ее уголком стало поместье сына на острове Майнау, на озере Констанца. Правда, совместная жизнь не всегда была гладкой – она по-прежнему любила командовать всеми, и женитьбу сына на простолюдинке не одобряла. Хотя, заметим, и сама выбрала вовсе не принца, и брат, с полного ее одобрения, женился не на принцессе… Что ж, будем считать, что Мария Павловна просто хотела для сына «лучшего».

В декабре 1958 года Мария Павловна заболела – это оказалась тяжелая форма пневмонии. Ей было шестьдесят восемь, здоровье она давно подорвала, так что болезнь взяла свое. Она мечтала умереть весной, на Пасху, а скончалась незадолго до Рождества… Сын исполнил ее другое желание – воссоединиться с тем, кого, пожалуй, она любила больше всех в своей бурной жизни. Останки Дмитрия Павловича были перевезены в Майнау, и брат с сестрой покоятся рядом.

Остается надеяться, что это подарило Марии Павловне наконец настоящий покой, которого у нее никогда не было при жизни.

Княжны императорской крови Мария и Кира Кирилловны

Как бы по-разному ни складывались жизни девочек Дома Романовых после замужества, до него они, за редчайшим исключением, были очень похожими – золотое детство, золотая юность. Они достались всем, кроме двух последних «принцесс», с одной стороны, успевших родиться до падения империи, с другой – появившихся на свет слишком поздно, чтобы встретить это падение взрослыми. Эти принцессы, вернее – княжны императорской крови, – Мария Кирилловна и Кира Кирилловна, дочери Кирилла Владимировича, внука Александра II.

Брак их родителей разительно отличался от браков остальных Романовых – не было роскошной свадьбы с венчанием в столице и торжествами, невеста не была усыпана драгоценностями. Тем не менее, свадьба эта не прошла незамеченной, и российский император отметил ее особо – правда, то, что молодые получили от него, нельзя назвать подарком.

Кирилл Владимирович Романов был сыном великого князя Владимира Александровича и, соответственно, внуком Александра II. Его будущая супруга, Виктория Мелита (которую в семье прозвали «Даки», «уточка»), была дочерью Марии Александровны Романовой и также внучкой Александра II. Так что отец Кирилла и мать Виктории Мелиты были родными братом и сестрой, а сами они двоюродными – слишком близкое родство для тех, кто хочет вступить в брак. А они хотели.

Кирилл и Виктория Мелита познакомились в 1891 году на похоронах Александры Георгиевны, дочери другой нашей героини Ольги Константиновны, ставшей королевой эллинов. Печальный повод для встречи не помешал пятнадцатилетним подросткам влюбиться. Но Мария Александровна и слышать не хотела о возможном браке – выдать дочь замуж за сына своего брата? Этого не позволят ни православная церковь, ни она сама.

Правда, близкородственный брак в семье Романовых все-таки вскоре случится и протестов не вызовет – в 1894 году Ксения Александровна, дочь Александра III, выйдет замуж за Александра Михайловича, двоюродного брата своего отца. Родство чуть более дальнее – не двоюродные брат и сестра, а двоюродные дядя и племянница. Так что супружество Ксении и Сандро приветствовалось, а возможность брака между Викторией и Кириллом была отвергнута сразу.

А вот протестантская церковь не была такой строгой, там подобный брак вполне был допустим. В результате первым мужем Виктории стал не Кирилл, а… другой ее двоюродный брат. В 1894-м она вышла замуж за принца Эрнста Людвига Гессенского, брата будущей российской императрицы. На этом браке настояла королева Виктория – Виктория Мелита и Эрнст приходились ей родными внуками.

Что ж, и такие браки, совершенные по настоянию родных, бывает, складываются удачно. Но не этот. Рождение детей ситуацию не исправило, а, наоборот, усугубило – когда Виктория Мелита, застав однажды супруга в постели с одним из слуг, обратилась к семье с просьбой о разводе, королева Виктория отказала ей. Ведь у супругов была дочь Элизабет, Элла (сын, увы, родился мертвым).

Но в 1901 году, после смерти королевы, супруги все-таки развелись, чем потрясли все королевские дворы Европы – скандал! Но лучше развод, чем ставшая невыносимой жизнь вместе. «Не сошлись характерами» – слишком общая и одновременно очень емкая формулировка для таких случаев. Виктория Мелита и Эрнст действительно оказались слишком разными.

Единственной связывавшей их ниточкой была маленькая Элла, которая жила то у отца, то у матери. Останься она в живых, у наших героинь была бы старшая сестра. Но в 1903 году, когда Элла гостит у русских родственников матери, она умирает от тифа. С отправкой телеграммы – о том, что болезнь девочки очень серьезна – супруга Николая II, Александра Федоровна, медлила, и в результате Виктория Мелита получила телеграмму уже о смерти дочери.

Да, отношения у нее с двоюродным братом Николаем и его супругой никогда не были простыми – именно Николай, когда Виктория Мелита разводилась, заявил, что лучше смерть, чем развод, а теперь из-за Александры Федоровны она не успела к дочери.

На похоронах Эллы Виктория Мелита сняла с себя орден герцогства Гессенского и положила его на гроб дочери. Этот жест, который некоторые сочли слишком уж мелодраматичным, тем не менее, означал, что со старой жизнью покончено.

Прошло уже более десяти лет с тех пор, как она встретилась с Кириллом Владимировичем в первый раз, и полудетское увлечение красивой кузиной давно переросло у него в куда более серьезное чувство. Теперь Виктория Мелита была свободна, и они начинают снова мечтать о браке. Родственники по-прежнему против – многое может измениться, но близкое кровное родство

никуда не денется.

Они видятся редко – Кирилл моряк и почти постоянно находится в плавании, тем более что его намеренно стараются держать подальше от Виктории Мелиты. Но они находят возможность встретиться – как, скажем, в 1902 году во Франции, когда корабль Кирилла Владимировича возвращался из дальнего плавания: «Даки жила на чужбине, а я отправлялся в неведомые края, и будущее мое было неопределенно. В одном только мы не сомневались: на пути к нашему счастью будет воздвигнуто множество препятствий, будут пущены в ход все средства – интриги, уговоры, прямые запреты. Нам придется выдержать все невзгоды, находясь в тысячах миль друг от друга. В трудную минуту я не смогу прийти на помощь той, которую люблю, и ей одной придется защищать себя. В тот вечер мы все это прекрасно понимали, даже не подозревая о том, что в будущем нам все-таки уготовано счастье. С мыслью, что наша встреча может оказаться последней, я собрался с силами и попрощался».

В 1903 году Николай II писал Кириллу: «Я уже давно слыхал о твоем злосчастном увлечении и признаюсь, надеялся, что во время двухлетнего плавания чувства эти улягутся. Ведь ты хорошо знаешь, что ни церковными установлениями, ни нашими фамильными законами браки между двоюродными братьями и сестрами не разрешаются. Ни в каком случае и ни для кого я не сделаю исключения из существующих правил, до членов Императорской Фамилии касающихся. Пишу тебе с тою целью, чтобы тебе был вполне ясен мой взгляд. Искренно советую тебе покончить с этим делом, объяснив Даки письменно или через Бориса, что я безусловно запрещаю тебе жениться на ней. Если же тем не менее ты настоял бы на своем и вступил бы в незаконный брак, то предупреждаю, что я лишу тебя всего – даже великокняжеского звания. Подумай о любящих тебя родителях своих: они в течение последних месяцев мучаются и терзаются из-за твоей настойчивости жениться на двоюродной сестре. Поверь мне, ты не первый проходишь через подобное испытание: многие так же, как и ты, надеялись и желали брака с двоюродными сестрами, однако должны были принести в жертву свои личные чувства существующим законоположениям. Так поступишь и ты, милый Кирилл, я в этом уверен».

Любовь родных была столь велика, что мать даже предлагала Кириллу сделать Викторию Мелиту своей любовницей. Но не женой, только не женой! Пытались бы родные расстроить этот возможный брак столь яростно, не будь первый муж Виктории Мелиты родным братом императрицы Александры Федоровны, так и не простившей золовке того, что та не смогла «составить

счастье» ее брата?..

Но уверенность родных в том, что он не осмелится жениться, оказалась напрасной. Многое можно сказать о Кирилле Владимировиче Романове, в том числе много не очень приятного. Но одно несомненно – Викторию Мелиту он любил по-настоящему.

После печально знаменитого взрыва флагмана «Петропавловск» о чудом выжившем Кирилле Владимировиче, начальнике военно-морского отдела штаба командующего флотом в Тихом океане вице-адмирала Макарова (шла Русско-японская война), сложили частушку:

Погиб «Петропавловск»,
Макаров не всплыл.
Зачем же ты спасся,
Царевич Кирилл?

Видимо, затем, чтобы все-таки жениться на Виктории Мелите…

* * *

8 октября 1905 года в Тегернзее, в поместье графа Адлерберга под Мюнхеном, состоялась скромная церемония – на свадьбе, помимо самих жениха и невесты, присутствовало всего несколько человек: Мария Александровна, мать Виктории Мелиты, сестра Беатрис, граф Адлерберг и слуги.

Тихая свадьба, тем не менее, всколыхнула весь российский императорский двор. Если Кирилл Владимирович и надеялся, что отделается более-менее строгим выговором, то напрасно. Стоило ему приехать в Россию вскоре после свадьбы, как уже через несколько часов после приезда он получил приказ немедленно покинуть Петербург и более не возвращаться.

Резолюция Николая II: «Признать брак Великого князя Кирилла Владимировича я не могу. Великий князь и могущее произойти от него потомство лишаются прав на престолонаследие. В заботливости своей об участи потомства Великого князя Кирилл Владимировича, в случае рождения от него детей, дарую сим последним фамилию князей Кирилловских, с титулом Светлости, и с отпуском на каждого из них из уделов на их воспитание и содержание 12 500 руб. в год до достижения гражданского совершеннолетия».

Со службы Кирилл Владимирович был уволен, наград лишен.

И денежного содержания – тоже (правда, вскоре император передумал, и деньги снова начали выплачиваться).

Генерал Мосолов писал: «Крутая мера, принятая по отношению к Кириллу Владимировичу, конечно, приписывалась главным образом влиянию Императрицы Александры Федоровны. Полагали, что оскорбленная браком Великого князя с разведенной супругой своего брата, она и добилась столь сурового наказания».

Что ж, если, в свою очередь, родственники надеялись на раскаяние и явку с повинной, они тоже просчитались. Кирилл Владимирович был человеком упрямым и теперь, женившись, наконец, на любимой женщине, на попятную идти не собирался.

Они с супругой отправились в Париж, где купили дом на Елисейских Полях, – отличавшаяся изысканным вкусом Виктория Мелита сумела обустроить и это жилище «изгнанников». Да, когда-то в ее распоряжении был и дворец, и герцогский титул… Зато теперь она была счастлива.

20 января 1907 года во дворце своих родителей в герцогстве Кобург она родила первого ребенка в этом браке – девочку назвали Марией, в честь бабушки Марии Александровны и в честь любимой сестры Виктории Мелиты Марии, будущей королевы Румынской.

В том же году Виктория Мелита перешла в православие. Смена вероисповедания и неослабевающее заступничество отца Кирилла, великого князя Владимира Александровича, привели к тому, что император все-таки признал брак своих двоюродных брата и сестры.

Когда в ноябре 1908 года скончался великий князь Алексей Александрович, родной дядя Кирилла и Виктории Мелиты, Кириллу позволили приехать на похороны. Алексей Александрович – единственный из Романовых (кроме Марии Александровны, конечно) в свое время присутствовал на пресловутой скромной свадьбе в Тегернзее, хотя и опоздал к началу церемонии. Теперь же, с разрешением проводить в последний путь родственника-адмирала, с которым Кирилл был весьма близок, становилось ясно, что путь в Россию для него и его семьи открыт. Действительно: «Приказом по Морскому ведомству от 3 ноября 1908 г. определен на службу прежним чином капитана 2 ранга с прежним званием флигель-адъютанта Е.И.В. с зачислением в списки флота».

В феврале 1909 года скончался Владимир Александрович, отец Кирилла. Смерти отца и дяди значительно продвинули Кирилла вперед в линии наследования российского трона, так что теперь он просто обязан был вернуться на родину.

9 мая этого же года на свет появляется его вторая дочь. Кирилл Владимирович, очень хотевший сына-наследника, немного разочарован – но, чтобы как-то утешиться, они с женой решают назвать девочку в его собственную честь, Кирой. Обе девочки с разрешения Николая II получают титул княжон императорской крови, как правнучки императора.

Виктория Мелита (в православии Виктория Федоровна), Кирилл Владимирович, Маша и крошечная Кира приезжают в Россию. Начинаются те несколько лет «золотого детства», которое девочки все-таки успеют захватить.

Отец учится в Николаевской Морской академии, плавает по Балтийскому морю. Мать блистает в Санкт-Петербурге. Дочек они обожают. Сестра Виктории Федоровны Мария Румынская писала о племянницах: «Очаровательные дети, рослые, здоровые, с чудесными волосами и идеальной кожей; холеные, точно английские пони».

В 1914-м Марии было семь лет, Кире – пять. Осознать, что старый мир рухнул, не могут и многие взрослые, что уж говорить о детях…

Кирилл Владимирович отправляется в действующую армию, Виктория Федоровна начинает работать в Красном Кресте.

В августе 1917 года родится их третий, и последний, ребенок. Это, наконец, был сын. Назвали его в честь деда со стороны отца Владимиром.

Кирилл Владимирович заявил о своей лояльности Временному правительству. Красное знамя на крыше дворца, красный бант на груди – да, великий князь всегда слыл эксцентричным человеком. Заявления о том, что и он, как великий князь, испытывал гнет старого режима, о том, что «мой дворник и я, мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все»…

Но еще до октябрьских событий вся семья уезжает в Финляндию (где и родится Владимир). Там они проведут почти год, все надеясь вернуться в Россию. Как будет писать маленькая Кира своей тетке в Румынию, «не знаю, выберемся ли мы когда-нибудь отсюда. Мы так тоскуем по дому, что лучше всего было бы уехать поскорее. Когда заканчивается сахар, я думаю, что нам будет очень его не хватать».

Когда станет ясно, что ситуация в России только осложняется, семья отправляется в Германию. Там они встречаются с сестрой Виктории Федоровны Александрой, принцессой Гогенлоэ-Лангенбургской, а потом едут в Кобург к Марии Александровне, матери Виктории Федоровны. Вскоре, после встречи с дочерью и внучками, та умирает… Похоронив

мать, Виктория Федоровна с семьей переезжает на северное побережье Франции.

* * *

В 1922 году Кирилл Владимирович провозглашает себя местоблюстителем российского престола, а спустя два года и новым императором: «Наступивший же вновь небывалый голод и несущиеся с Родины отчаянные мольбы о помощи повелительно требуют возглавления дела спасения России Высшим законным, внесословным и внепартийным авторитетом.

А посему я, старший в роде царском, единственный законный правопреемник российского императорского престола, принимаю принадлежащий мне непререкаемо титул Императора Всероссийского.

Сына моего, князя Владимира Кирилловича, провозглашаю наследником престола с присвоением ему титула Великого князя наследника и Цесаревича».

Мария и Кира получили от отца титулы великих княжон.

Вдовствующей императрице Марии Федоровне, матери Николая II, он писал: «Если осуществится чудо, в которое ты веришь, что возлюбленные сыновья твои и внук остались живы, то я первый и немедленно объявлю себя верноподданным моего законного государя». Но чуда, как мы знаем, не случилось.

Поступок Кирилла Владимировича вызвал, мягко говоря, неоднозначную реакцию среди русских монархистов. Его поддержала только часть – другие же припомнили ему и брак с разведенной, не желающей принимать православие принцессой, и одобрение в Февральской революции… Сторонников его будут называть «кирилловцами», и это именно их высмеивают Ильф и Петров в «Двенадцати стульях»:

> «– А теперь действовать, действовать и действовать! – сказал Остап, понизив голос до степени полной нелегальности.
>
> Он взял Полесова за руку.
>
> – Старуха не подкачает? Надежная женщина?
>
> Полесов молитвенно сложил руки.
>
> – Ваше политическое кредо?
>
> – Всегда! – восторженно ответил Полесов.
>
> – Вы, надеюсь, кирилловец?
>
> – Так точно. – Полесов вытянулся в струну.
>
> – Россия вас не забудет! – рявкнул Остап».

Впрочем, отец мог присваивать детям какие угодно титулы, но сделать так, чтобы за этими титулами что-то стояло, он не мог. Кире и Марии, которым в 1924 году исполнилось пятнадцать и семнадцать соответственно, уже пора было думать о замужестве.

* * *

Кто из родителей не хочет, чтобы его дети «сделали блестящую партию»? Но положение самопровозглашенного императора требовало не просто приемлемого брака для дочерей, а «равнородного». Где было взять таких женихов в послевоенной Европе? Империи рухнули, королевства шатаются…

Виктория Федоровна отправляет старшую, Марию, к своей сестре, к тому времени – уже не наследной принцессе Румынии, а королеве. Тезки, племянница и тетка, обожали друг друга, и Виктория Федоровна надеялась, что пребывание при румынском дворе пойдет Марии на пользу. Говорили, что девочка унаследовала довольно неброскую внешность от другой тезки, своей бабушки по материнской линии Марии Александровны. Судя по фотографиям, в это время юная Мария Кирилловна хороша собой, но это, что называется, «очарование юности», да и выглядит она значительно старше своих тогдашних семнадцати лет. С годами же, по мере того как она будет набирать вес, красота эта сильно поблекнет.

Увы, пребывание при румынском дворе едва не закончилось скандалом. Двоюродная сестра Марии, почти ее ровесница принцесса Илеана, то ли распускала сплетни, то ли говорила правду – мол, Мария слишком легкомысленна, и кокетничает (и хорошо, если только кокетничает) с одним из женатых придворных. Вскоре подобная история повторяется, но Виктория Федоровна, хотя и знает, что ее дочь вполне на такое способна, верит все-таки все отрицающей Марии, а не племяннице. В результате Виктория Федоровна и Мария Румынская, сестры, которые всегда были очень близки, поссорились. Их примирение последовало далеко не сразу.

А Мария, Мари, Маша, Машка, как ее называли в семье, скоро влюбляется. Ее избранником становится наследный принц Фридрих Карл Ляйнингенский.

Довольно скромное – по российским аристократическим меркам – семейство, правда, связанное с английским королевским домом. Сестра Виктории Федоровны принцесса Александра была замужем за братом Фридриха Карла, а если

заглянуть в прошлое, то в начале XIX века принц и принцесса Лейнингенские окажутся старшими сводными братом и сестрой королевы Виктории (они дети ее матери от первого брака).

Кирилл Владимирович и Виктория Федоровна не в восторге от предстоящего брака. Даже если не брать в расчет самопровозглашенное «императорство», они, тем не менее, великий князь и великая княгиня, оба – внуки Александра II, племянники Александра III, кузены Николая II. А семья Лейнингенов – всего лишь мелкие немецкие князьки.

Но выбирать не приходится. Во-первых, Мари влюблена, а во-вторых, какой-никакой, но Карл все-таки принц. Правда, теперь только в теории – но то же самое можно сказать и о семье Романовых.

Карл вовсе не был принцем из сказки. Небольшого роста, не особо красивый, старше своей невесты на девять лет. Некий романтический ореол придавала ему разве что служба во флоте – во время войны (воевал он, разумеется, на стороне Германии) он был неоднократно ранен.

Все это, в общем, было неважно – и разница в возрасте (она-то как раз была вполне подходящей), и разница в положении. Главное, что Мари и Карл влюбились друг в друга.

В ноябре 1925 года, через год после знакомства, в Эдинбургском дворце в Кобурге празднуют свадьбу. Жаль, бабушки Марии Александровны, вдовствующей герцогини Саксен-Кобург-Готской, которая прожила в нем много лет, к этому времени уже не было в живых.

Мария Кирилловна, княжна императорской крови, наследная принцесса Лейнингенская

Как и положено великой княжне из семьи Романовых, Мари выходила замуж в «русском» придворном костюме. Бело-серебряное платье, стилизованный кокошник и длиннейшая белая прозрачная фата. На свадебной фотографии она выглядит уже не просто старше, а значительно старше своих лет, так что смотрятся они с двадцатисемилетним Карлом почти ровесниками. Как обычно, состоялись и две церемонии, по православному и по лютеранскому обряду; более пышной и торжественной была первая.

После свадьбы молодые жили в Аморбахе. Уже в октябре следующего 1926 года у них родился первенец, Эмих Кирилл Фердинанд. В 1928-м родился Карл Владимир, в 1930-м – Кира Мелита Виктория, 1932-м – Маргарита Илеана, в 1936-м – Мехтильда Александра, 1938-м – Фредерик Вильгельм, в 1942-м – Петр Виктор.

Ныне здравствует только их младшая дочь Мехтильда Александра. Когда Мари ожидала ее появления на свет, Виктория Федоровна была уже очень слаба. Но не поехать к дочери, чтобы побыть с ней во время родов, не могла. Увы, она подхватила грипп, началось осложнение… Девочка родилась 2 января, а 3-го

Виктория Федоровна слегла и уже не вставала; через два месяца она умерла от воспаления легких. К счастью, Кирилл Владимирович успел приехать, чтобы побыть с женой в ее последние дни. История, которая началась более сорока лет назад, закончилась.

Для дочерей это было страшным ударом. Да, Виктория Федоровна, Виктория Мелита, была очень властной, упрямой, сильной и яркой женщиной. С такой матерью, наверное, нелегко. Но она любила своих дочерей, а те ее.

Недаром говорят – пока живы наши родители, мы можем чувствовать себя детьми. Мари и Кира потеряли мать рано, еще до тридцати. Отныне им предстояло справляться со всем в одиночку – тем более что и Кирилл Владимирович резко сдавал. Он еще успеет выдать замуж младшую, Киру, – но об этом чуть позже, а пока вернемся к Мари.

Ходили слухи, что отцом ее младших детей был не супруг Карл, а кто-то из их близкого окружения… Но нет никого, кто бы мог подтвердить это, да и надо ли? Жизнь Мари и без того была нелегкой.

Седьмой ребенок, Петр Виктор, прожил всего несколько месяцев. Карла отправили на фронт. И неважно, что он вовсе не был сторонником нацистов. Там он попал в советский плен и в конце лета 1946-го умер в лагере для военнопленных под Саранском. Как говорят, от голода.

Мари осталась вдовой с шестерыми детьми. Это всегда тяжело, вне зависимости от того, идет ли речь о принцессе или о «простой женщине». Здоровье начало сдавать, и летом 1951 года, когда она навещала в Мадриде брата Владимира, Мария скончалась от сердечного приступа. Ей было всего сорок четыре года.

С фотографий на нас смотрит женщина, выглядящая на все пятьдесят пять – уже почти пожилая, не очень красивая, но статная. Несколько счастливых лет в детстве, несколько спокойных первых лет брака… вот и все, что досталось Марии Кирилловне, в девичестве Романовой.

* * *

Ее сестре было даровано немногим больше. И все-таки больше.

Прежде всего – красота. Если Мария походила на бабушку Марию Александровну, даже в молодости не бывшую красавицей, то Кире повезло больше. От одной из ее свадебных фотографий

захватывает дух – может быть, дело просто в очень удачном ракурсе, но там Кира Кирилловна так походит на красавиц-актрис немого кино… Впрочем, в те годы подобное сравнение не считалось лестным.

Высокая брюнетка с идеальным овалом лица и собольими бровями, страстная пианистка, отважная наездница, умная, образованная женщина с прекрасным вкусом – Кира Кирилловна была очень привлекательна. И, соответственно, должна была привлечь внимание самого достойного жениха. С ее родителей хватило чересчур скромного брака старшей дочери, для Киры они жаждали лучшего.

Ходили слухи, что она заинтересовала царя Болгарии Бориса III. Что ж, такой брак и Виктория Федоровна, и Кирилл Владимирович только приветствовали бы – ведь Борис был правящим монархом. Однако Борис женился на дочери короля Италии Виктора Эммануила, принцессе Джованне, а Романовым пришлось искать другого кандидата на руку Киры.

Альфонсо, принц Астурийский, наследник испанского престола, вполне подходил на эту роль, но… и он предпочел другую невесту. Еще один европейский принц не подошел по неким политическим причинам.

Великая княжна Кира Кирилловна с супругом Луи Фердинандом Гогенцоллерном, принцем Германским и Прусским, и с новорожденным сыном

Шли годы. Кира вела, как сказали бы сейчас, активную светскую жизнь: свадьбы, помолвки, крестины, открытия выставок, музыкальные вечера, салоны, балы.

Семью Киры принимали с большой охотой и особым почетом в Англии – ведь Виктория Федоровна была по рождению английской принцессой, дочерью второго сына покойной королевы Виктории. Однако, несмотря на высокое положение по рождению, их нынешнее реальное положение было весьма скромным – императором Кирилл Владимирович был только на бумаге…

Итак, годы идут. Старшая сестра уже давно замужем, а Кира все еще одна. Она и не подозревает, что супругом ее станет тот, с кем она на самом деле знакома уже давно.

Людвиг Фердинанд был вторым сыном Вильгельма, наследника кайзера Вильгельма II. Родился он в 1907 году – то есть был ровесником Марии Кирилловны. Его мать, принцесса Цецилия, являлась дочерью герцога и герцогини Мекленбург-Шверинских. До замужества герцогиня была великой княжной Анастасией Михайловной Романовой. Так что Людвиг Фердинанд был со своей будущей супругой не в таком уж и далеком родстве – оба были праправнуками Николая I.

Если бы не падение Германской империи, весьма вероятно, что Людвиг Фердинанд, как и подавляющее большинство европейских принцев, стал бы военным. А так он сперва учился в Берлине, получил ученую степень в Аргентине, некоторое время даже работал с Генри Фордом. В конце концов, по семейным обстоятельствам – о них чуть позднее – Людвиг Фердинанд вернулся в Германию. Поскольку он всегда интересовался инженерным делом и авиацией, то теперь работает с компанией «Люфтганза». Что ж, он явно был человеком дела.

У него был роман с голливудской кинозвездой, француженкой по происхождению – Лили Дамита. Людвиг Фердинанд готов был все бросить и жениться на ней – но слишком быстро понял, что для Лили он всего лишь еще одна ступенька в карьере. Связь с настоящим принцем, к тому же внуком самого бывшего немецкого кайзера, безусловно, придавала Лили еще больше блеска. Осознав это, Людвиг Фердинанд расстался с ней. К тому же, его новое положение в любом случае обязывало это сделать.

В 1931 году его старший брат Вильгельм встретился со своей потенциальной невестой, шведской принцессой Ингрид. Если бы этот брак состоялся, все пошло бы по-другому. То есть так, как предполагалось.

Но Ингрид Вильгельм совершенно не понравился. Впрочем, он не расстроился. Еще будучи студентом, Вильгельм влюбился в Доротею фон Сальвиати. Чтобы жениться на ней, ему пришлось бы отречься от прав на престол, пусть в нынешней ситуации более чем призрачный. Но это его не остановило. В 1933 году он женился на Доротее, отказавшись от всех своих прав наследника, и теперь этим наследником стал его младший брат Людвиг Фердинанд. Что ж, в XX веке короли получили право жениться по любви – только при этом им обычно приходилось переставать быть королями.

Для Людвига Фердинанда, в сущности, теперь мало что изменилось – разве что он ощущал ответственность перед родителями больше, чем раньше, боялся их разочаровать, как его старший брат: ему надлежало вступить именно в «равнородный»

брак. Но он не спешил.

Впоследствии он осознал, как переменил брак брата его собственную жизнь: «…Я планировал остаться в Соединенных Штатах. Я уже фактически эмигрировал – у меня была эмигрантская виза, так что уже через год-другой я мог получить американское гражданство». Но получилось по-другому. «Собственный брак полностью изменил мою жизнь и сделал меня по-настоящему счастливым. Не уверен, что я нашел бы тут, в Штатах, кого-нибудь похожего на мою жену».

В первый раз Кира и Людвиг (Лулу, как его называли в семье) встретились, когда в 1925 году она с родителями приехала в Берлин навестить свою родственницу крон-принцессу Цецилию, мать Людвига. Кире было шестнадцать, Людвигу – восемнадцать. Они не произвели друг на друга особого впечатления.

Следующая встреча состоялась в 1934 году – и вновь они остались равнодушными друг к другу. «Не в моем вкусе», – решил каждый из них после совместно проведенного вечера в кругу друзей. Казалось бы, этим знакомство и закончится.

В 1937 году Кире Кирилловне было уже двадцать восемь лет. Теперь уже ее незамужним статусом обеспокоены все родные. Конечно же, кто-нибудь из прусских принцев стал бы идеальным вариантом. Людвиг, как уже выяснилось, не подходит, но ведь у него есть братья, Губерт и Фридрих Георг.

Последний как раз в это время работал в Лондоне и, очарованный Кирой, пригласил ее вместе с братом Владимиром погостить у своей семьи на рождественские праздники. Кронпринцесса Цецилия была только рада.

Этому дежурному семейному визиту предстояло изменить всю жизнь Киры. Только как именно? Ее тетка, принцесса Беатрис (она была замужем за испанским инфантом) всячески старалась, еще до этой поездки, обратить внимание Киры на принца Губерта. И вот теперь в Цецилиенгофе они наконец встречаются. Но на праздник приезжает и Людвиг Фердинанд… Кира записала в своем дневнике, что теперь он ухаживает за ней, и, видимо, что-то изменилось в их отношении друг к другу… И честно признается себе, что, если бы пришлось выбирать между Губертом и Людвигом, она бы выбрала последнего.

Выбирать не пришлось – во всяком случае, не ей. Накануне Рождества Людвиг сделал Кире предложение, пока они наряжали елку. После длительного ночного разговора счастливая пара даже не стала дожидаться утра, а сразу разбудила родителей Людвига, чтобы сообщить им новость.

Правда, теперь нужно было дождаться одобрения самого кайзера, деда жениха… Именно его слово по-прежнему было в

семье законом. Что ж, в отличие от старшего брата, Людвиг не подвел деда с выбором невесты и разрешение вскоре было получено. Теперь можно было известить и Кирилла Владимировича.

Тот был счастлив – сбылась мечта его и Виктории Федоровны, которая, увы, не дожила до этого момента. В последнее время, пытаясь уделять как можно больше внимания слабеющему, недавно овдовевшему отцу, Кира почти махнула рукой на собственную личную жизнь, и он уже начинал бояться, что так и не увидит ее счастливой – и замужней.

Теперь дочь вступит в брак, более чем достойный русской великой княжны. Ах, если бы история повернулась по-другому, это был бы не просто удачный брак, это был бы блестящий брак – между русской принцессой и наследником престола Германии. Но история, как известно, не любит слова «если».

30 апреля в Цецилиенгофе состоялся предсвадебный обед. Как писали в газете «Нью-Йорк Таймс», на невесте было «вечернее платье от Скьяпарелли, белое с серебром, с глубоким вырезом на спине и небольшим спереди. Корсаж был богато расшит бисером и серебром. Иногда она надевала накидку из белой лисы».

В отличие от скромной свадьбы родителей и немногим более пышной – сестры Марии, свадьба Киры привлекла всеобщее внимание. Прибыли наследный принц и принцесса Дании, царь Болгарии (тот самый, за которого, как ходили слухи, Кира когда-то собиралась выйти замуж), все члены обширной семьи жениха, принцесса Илеана – дочь любимой тетки Киры и Марии Румынской, родственники по линии великой княжны Анастасии Михайловны и другие уцелевшие Романовы. При всем при том свадьбу праздновали «частным образом», поэтому представителей ныне царствовавших домов не пригласили – кроме тех, что были совсем уж близкими родственниками.

Гостей было столько, что резиденция кайзера в Нидерландах, Доорн, не могла их вместить, а именно там Вильгельм II хотел отпраздновать свадьбу внука. Поэтому сперва состоялась гражданская церемония в Потсдаме, а потом венчание по православному обряду в Цецилиенгофе.

Первая была весьма скромной, там присутствовали только отцы жениха и невесты (бургомистр пытался вручить молодым, как тогда было положено, «Майн Кампф»), зато венчание было очень пышным.

В этот день Кира надела свадебное платье Марии Александровны – то самое платье, в котором ее бабушка выходила замуж за принца Альфреда. Это было в 1874 году, теперь же на дворе был 1938-й. Оно хранилось в Эдинбургском

дворце Кобурга более шестидесяти лет, но его даже не пришлось переделывать и подгонять по фигуре! «Платье-сарафан было из серебряного глазета, на котором вытканы были серебряные букеты» – так описывали его когда-то в русских газетах.

На голове Киры была изумительная «меандровая» тиара, тоже семейная драгоценность, но уже родителей Людвига – ее перед свадьбой подарил принцессе Цецилии ее жених кронпринц Вильгельм. Верхняя и нижняя кромки представляли собой бриллиантовые узоры в вида меандра, а соединены они были тончайшей сеткой, на каждом перекрещении которой сиял бриллиант. Кружевная фата была, разумеется, тоже старинной.

В Доорне, резиденции старого кайзера, церемонию повторили, но уже по лютеранскому обряду. И он же сделал внуку и новоиспеченной невестке истинно царский подарок – кругосветное путешествие (Кира, кроме того, получила от него ожерелье и серьги из платины с бриллиантами).

Супруги отправились в США. Оба любили эту страну – Людвиг когда-то чуть не остался там навсегда, Кира же вспоминала свое прошлое турне с огромным удовольствием – ей очень импонировала жизнерадостность американцев. Это было таким контрастом по сравнению с Европой, истощенной Первой мировой войной и неуклонно двигавшейся ко Второй… А так хотелось праздника! «Как будто откупориваешь бутылку шампанского», – писала об этой поездке Кира.

Медовый месяц растянулся на полтора сезона и, наверное, продолжался бы еще, если бы не пришла телеграмма о смерти Кирилла Владимировича… Ну что ж, он хотя бы успел увидеть младшую дочь наконец замужем. А вот внука так и не дождался – когда в ноябре Кира и Людвиг вернулись в Европу, ее положение уже настолько бросалось в глаза, что старый кайзер, которого они навестили, тут же заметил: «А теперь будь пай-девочкой и немедленно ложись».

Навестив деда, они отправляются домой, в Германию. Положение там Людвига довольно странное – с одной стороны, он работает в авиации, но, поскольку никакой симпатии ни самому Гитлеру, ни идеям нацизма не выказывает, к разработкам в области авиации военной его не допускают. Не доверяют.

Более того, Людвиг – представитель свергнутой династии, поэтому о нем не упоминают в прессе. И, чтобы извещение о рождении первенца в феврале 1939 года появилось в газетах, ему приходится давать частные, платные, объявления.

Возможный наследник престола получает длинное имя Людвига Фердинанда Фридриха Вильгельма Губерта Михаила Кирилла, собрав имена почти всех близких родственников с обеих

сторон, но называть его будут Фридрихом Вильгельмом. Политическая ситуация осложнилась к тому времени настолько, что на крестины новорожденного прусского принца не смогли приехать крестные родители из Нидерландов, Дании, Швеции.

Людвиг Фердинанд решает отвезти жену и сына в поместье Доорн, к кайзеру Вильгельму. Не только для того, чтобы тот увидел правнука, – в Нидерландах все-таки спокойней, чем в Германии, которая в сентябре 1939 года запускает молох Второй мировой войной.

Второй сын рождается чуть больше года спустя после рождения первенца, в марте 1940-го. Кайзер настаивал на том, чтобы назвать правнука в честь своего деда, императора Вильгельма I, Вильгельмом Генрихом, а Кира хотела назвать сына Михаилом. В результате ребенок получил очередное длинное имя, но называли его все-таки Михаилом.

В мае 1940 года во время военных действий во Франции погибает старший брат Людвига принц Вильгельм Прусский, а год спустя умирает и кайзер Вильгельм.

Семья к этому времени снова возвращается в Германию, но не в Берлин. Кира вместе с детьми живет в загородном поместье (причем первый этаж дома-музея открыт для туристов), а Людвиг работает авиаинструктором на одном из аэродромов. Но вскоре он оставляет службу – как член бывшей правящей династии, он не может продвигаться по службе (что не очень-то приятно), зато его не могут и отправить на фронт (а вот это как раз к лучшему). Он решает положить конец такой неопределенности и посвятить себя семье.

Правда, и в поместье они были под наблюдением властей – Людвиг порой очень открыто высказывал свои антинацистские и, соответственно, антиправительственные взгляды, так что его предпочитают держать под контролем. К тому же, мало ли кому в голову придет идея произвести переворот и восстановить в Германии монархию?

Дети же тем временем следуют один за другим. В 1942 году рождается первая дочка. Ее называют Марией Цецилией, в честь бабушек с обеих сторон. В 1943 году на свет появляется Кира, тезка матери, в 1944-м – Людвиг Фердинанд, тезка отца. Кристиан Сигизмунд и Ксения рождаются уже после войны, в 1946-м и 1949 году соответственно.

Всего детей будет семеро. Двое старших принцев, Фридрих Вильгельм и Михаил, в свое время поступят так же, как и их дядя – отрекутся от прав наследования престола, вступив в неравные браки. Мария Цецилия станет женой герцога Ольденбургского, супруг Киры вообще не будет аристократом.

Людвиг Фердинанд более-оправдает надежды родителей, и его сын Георг Фридрих, после смерти отца в 1977 году, станет наследником Германской империи и главой Дома Гогенцоллернов.

Нельзя не упомянуть, что не так давно, в конце 1990-х, принцы Фридрих Вильгельм и Михаил заявили о том, что их отречение от прав наследования было вынужденным и заставлять жениться только на «равных» – не этично. Они обращались в самые разные инстанции, пытаясь вернуть себе утраченные права, но в конце концов нынешним законным главой дома был признан все-таки Георг Фридрих (родившийся уже после того, как его дяди женились и отреклись от наследования престола, но, тем не менее, вынужденный потом этот престол отстаивать).

Но вернемся к Кире и Людвигу в 1940-е годы. Летом 1944 года Кира снова была в положении – ребенок должен был родиться в августе. А в сентябре состоялось покушение на жизнь Гитлера. Нет, Людвиг не был в этом замешан, но иметь дело с гестапо не хотелось никому.

На них навалилось все сразу – ожидание того, что за Людвигом вот-вот придут, понимание того, что советские войска продвигаются все дальше на Запад и скоро им в любом случае придется бежать. Михаил внезапно заболевает, и болезнь его серьезна – это менингит. Кира, которой на последнем месяце беременности нельзя волноваться, мужественно пытается со всем этим справиться, ухаживает за сыном и готовится к отъезду. Один раз ее семье уже пришлось бежать, незадолго до Октябрьской революции, и воспоминания о тогдашних событиях, казалось бы, уже довольно далеких, все еще сильны, даже слишком.

Офицеры из гестапо все-таки приезжают в поместье и много часов подряд допрашивают Людвига. К счастью, убедившись, что он ничего не знает, они отбывают, и теперь Кира, Людвиг и дети наконец и сами могут уехать – в Гольцов, где в конце августа и появляется на свет Людвиг Фердинанд Младший. Но они знают, что это не конец.

В суматохе последних дней перед появлением советских войск Кира и Людвиг теряют друг друга. Она, в панике, не зная, где ее муж, который уехал на несколько дней, все-таки соглашается – ради детей – воспользоваться машиной, которую присылает за ней свекровь, и уехать в Потсдам, а Людвигу, который как раз возвращается в Гольцов, рассказывают, что жена его только что оттуда уехала.

В своем дневнике в конце января 1945 года Кира напишет о муже: «Все мои мысли – с ним. Я хочу быть рядом, быть полезной там, дома, разделить с ним бремя ответственности и забот. Я

стараюсь не думать о нашем любимом доме, обо всем, что мы потеряли. Остальные тоже потеряли все, и все-таки живут. Мы выстроим другой дом, где бы он ни был, и будем счастливы. Пусть только Бог дарует нам возможность быть вместе и уберечь детей».

К счастью, вскоре Людвиг приезжает в Потсдам, и они снова вместе. Когда в Потсдаме становится опасно, они едут в Бад-Киссинген, где и проживут два года. Муж, жена и пятеро детей в двух комнатах. Любая женщина была бы недовольна такими условиями, не только великая княжна и принцесса, но Кира не ропщет – у других нет и этого. Главное, они вместе и все живы.

Зимой 1947 года они снова переезжают, на этот раз под Бремен, где и останутся жить. А в 1951 году умирает отец Людвига, так что отныне Людвиг Фердинанд становится кайзером – пусть, конечно же, только на бумаге. (Как в свое время Кирилл Владимирович был императором России – правда, у Людвига, в отличие от покойного тестя, право на престол совершенно неоспоримо.)

Теперь, после войны, Кира Кирилловна вновь может поддерживать отношения с семьей. Ее младший брат Владимир уже несколько лет как живет в Испании, и она с мужем навещает его в Мадриде. Но тут ее поджидает удар с неожиданной стороны – умирает сестра Мария Кирилловна. Ей только сорок четыре, и она всего на два года старше самой Киры. Теперь у Киры остаются только муж и дети.

Никто тогда не знал, что и ее собственный конец уже не за горами, и будет до странности походить на то, как закончила свои дни старшая сестра.

В сентябре 1967-го она поедет навестить брата Владимира, только не в Испанию, как Мария, а во Францию. И там она так же, как и сестра, внезапно умирает – от сердечного приступа.

Кире Кирилловне в какой-то мере повезло больше, чем Марии – она не потеряла мужа. Правда, он потерял ее, женщину, о которой и годы спустя говорил, что был с ней по-настоящему счастлив.

Что ж, мы видим, жизнь последних княжон Дома Романовых, заставших царскую Россию, не была особенно яркой. Хотя кому она нужна, эта яркая жизнь? Если не она делает человека счастливым? А хотя бы немного счастья заслуживают все. И принцессы тоже.